

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

БЫКОНЯ В.В. <i>Микросистема селькупских этнонимов с принципом номинации «Тотемистическая образность»</i>	5
ВОРОБЬЕВА В.В. <i>Дейктические сочетания в восточных и северных диалектах хантыйского языка</i>	12
ДЕВЯКОВИЧ А.А. <i>Культ шуки у селькупов</i>	15
ДЕНИКО Р.В. <i>Особенности языка испанской прессы</i>	17
КОСИЦКАЯ Ф.Л. <i>К вопросу о типологизации речевого жанра</i>	20
МАКСИМЕНКО О.О., ТРУНОВА О.В. <i>Глагол как средство выражения значения «изменение состояния»</i>	22
МЕДИНСКАЯ Н.Б. <i>К вопросу о библейских аллюзиях в романе Юлиана Барнса «История мира в 10 ½ главах»</i>	24
МОИСЕЕВА Е.Ю. <i>Валентность как лингвистическая категория и проблемы ее анализа</i>	26
ПЕРСИДСКАЯ А.С. <i>Лингвокультурологический аспект анализа элемента соматической системы «Сердце» в селькупском языке</i>	29
ПЕТРОЧЕНКО Л.А. <i>Аллюзия как выражение авторской интенции</i>	33
ПОЛЯКОВА Н.В. <i>Лингвистический аспект изучения этностереотипов</i>	36
ФИЛИМОНОВ М.В. <i>Енисейский ингредиент в саамском языке: постановка проблемы</i>	39
ЩЕЛОК Т.И. <i>Сложные прилагательные в современном немецком языке</i>	41
PETER TUPAWUNI IMORO <i>Being and Nothingness: Gladys' Desire and the gaze of the Other in Manuel Puig's The Buenos Aires Affair</i>	44
MARÍA DEL ROSARIO LARA <i>A Nietzschean Approach to <u>El Tornavoz</u></i>	49
ENRIQUE J. PORRUA <i>The Pacific Northwest Coast through the Eyes of an Eighteenth-Century Spanish Officer: the Narrative of Antonio de Tova Arredondo, 1791</i>	55
ANTONIO VALLE DE ANTON <i>Past Tenses in Spanish</i>	60

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

БАРЫШНИКОВА О.Г. <i>Дидактизация видеоматериалов на иностранном языке в техническом вузе как средство повышения мотивации студентов</i>	64
ДАКУКИНА Т.А. <i>Подкаст как один из способов обучения переводу на немецком языке</i>	66
КАЗАНЦЕВ А.Ю. <i>Управление самостоятельной работой студентов</i>	67
КОШКАРОВА С.М. <i>Особенности организации производственной педагогической практики студентов по специальности «история» с дополнительной специальностью «иностранный язык»</i>	70
КРАВЧЕНКО Е.В. <i>Методическая компетенция учителя иностранного языка</i>	72
ЛИХАНОВА В.В. <i>Интеграция краеведческого компонента в обучении иностранному языку</i>	74
ТАТАРЧЕКО С.Н. <i>Британский английский и американский английский: чему учить?</i>	79

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

МИКРОСИСТЕМА СЕЛЬКУПСКИХ ЭТНОНИМОВ С ПРИНЦИПОМ НОМИНАЦИИ “ТОТЕМИСТИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ”

В.В. Быконя

Томский государственный педагогический университет

Микросистема включает этнонимы, принципом номинации которых является тотемистическая образность. Наименования тотемов – животных, птиц, насекомых основаны на образах “божественных духов”. Они являются посредниками между Богом и человеком и служат объектом преклонения и почитания как своего предка, прародителя [1, с.22]. Этот принцип позволяет выделить микросистему, охватывающую такие самоназвания представителей селькупского этноса, как *parda-gula*, *lonpu-kula*, *kajban-gula*, *kara-kula*, восстановленные известным томским этнографом Г.И. Пелих для XVII века. Начальные компоненты состоят из наименований родов, совпадающих с именами мифических предков – тотемов. Второму компоненту присущи значения 'человек', 'люди'.

Этноним *lonpukula*. Прародителем этнической группы с самоназванием *lon-pu-kula* был, по данным Г.И. Пелих, гусь лон [2, с.29]. В полевых материалах слово с таким значением нам не встретилось. Оно входит в мансийское наименование лунт-хум 'гусь-богатырь' [3, с.12]. Для сравнения отметим, что божество-покровитель япту 'гусь' присутствует в мировосприятии ненцев. С ним связывают свое происхождение два ненецких рода – Яптунай и Худи [4, с.138]. На материале селькупского языка начальный компонент самоназвания *lon-pu-kula* расшифровывается как 'небесный дух', ср. *lom* 'небо', *puḡu* 'дуть', *puṭi* 'душа'. Например, дух земли кет. *kalli* почитается в образе земляной медведки, а *lon-pu* 'небесный дух' мог почитаться в образе гуся.

Этноним *karakula*. Первый компонент этнонима *kara-kula* сопоставляется с наименованием птицы-тотема об. Ш, тур., ел. *kara* 'журавль'; об. Ч, вас. *kāra* 'кедровка'. С целью выявления смыслового значения лексемы предлагаем разбить ее на компоненты *ka-ḡa*. Данная лексема состоит, на наш взгляд, из двух знаменательных слов *ka* и *ara* (букв. высший дух=старик). Такое предположение обусловлено двумя факторами: 1) долготой гласного (ср. *kāra*), развившейся в результате соединения двух гласных *aa* на стыке морфем и 2) появлением на стыке двух гласных протетических звуков *χ ~ γ*: вас. *qaḡara*; об. Ч *qaḡera*, *qaḡəra* 'кедровка', которые сохраняют структуру основы от разрушения. Данная словообразовательная модель с лексемой *ara* 'старик' в качестве второго компонента является продуктивной особенно в сфере сакральной лексики, ср. об. Ч *qoḡil-ara* 'медведь-старик', об. Ш *qoḡe'ej ara* 'медведь'; *čing-ara* 'р. Чингара (букв. лебедь-старик)'; об. Ч *qadal ara* 'иней'. Ход фонетических изменений можно представить следующим образом: 1) *ka+ara* → *kaara* → *kāra* и 2) *ka+ara* → *kaara* → *qaḡara*. Примечательно, что в данном случае компонент *-ara* сохраняет свою фонетическую форму, а первый компонент усложняется за счет звука *χ*. Лексеме *qaḡ-ara* имеется соответствие в виде об. Ш, кет., тым. *qāz-əra*; кет. *qāz-ar* с тем же значением 'кедровка'. Считаем, что вовлеченный в анализ этнонима *karakula* лексический пласт хранит информацию о поклонении более древним божествам, в частности “солнце”, “земля”.

Допустимо считать, что первый компонент *ka* является именем духа – духа полусветлого-полутемного мира, т.е. среднего мира, что подтверждается лексемами об. Ч *qaḡa*, вас. *qaṭ'a* 'свет в полнолуние (свет в темное время)', 'лик'. Оно сохранилось в качестве наименования березы – дерева, выполняющего в культуре этноса связующую роль, а также роль оберега, ср. вас. *ka* 'береза'. Дальнейшее семантическое развитие слова пошло в направлении обозначения божественных духов предков. К их числу относится божество *kaṇ*, “ведающее” атмосферными явлениями. В селькупском языке его имя вошло в структуру сложных слов: кет. *qa-nim* (< *qa-nim*), *qāṇ-nom*; об. С *qaṇ-nom*; об. Ч *qaṇ-nor* со значениями 'гроза', 'гром', 'молния', 'град' (букв. божественный дух предков=бог); ср. кет. *qāṇ* 'гром'. Из контекста явствует, что божество *kaṇ* было «шумным», ср. кет., об. С *kaṇgrojku* 'затрещать': *kaṇgrun'at kaṇgrəmbədimala* 'затрещали

трещетки'; об. С *kaŋgərəgu* 'зазвенеть'; *kaŋgəmbəgu* 'звенеть', 'бренчать': *rōtemij ertej p'izagla lāimpat*, *kaŋgəmpat* 'чайные ложки звенят, бренчат'; *kaŋgəmbəta* 'трещетка'; тым. *qanŋiŋimbiŋu* 'гремять', 'грохотать': *por orut qanŋiŋimba* 'гром сильно гремит'. Компонент *qan-* вычленяется в междометии *qangil-qangil-qangil* 'стук-стук-стук'. Междометие *kangil* выступает символом соединения верха и низа, ср. *kan* 'верховное божество' и *kal* '(мифический) богатырь' – *qalat* 'крот', 'земляная медведка (почитается в образе земляного крота)'. В качестве иносказания для духа земли в фонетическом варианте *qäl* сохранился как вопросительное местоимение тур. *qäl* 'какой?' и неопределенное местоимение *qäl-kus* 'кто-то'.

Имя божества *kan* встречаем в лексеме *vas. qangul* в структуре составного наименования *qangul raja* 'шаманка (гром=богатырь=женщина)'. Лексема стала мотивирующей для вопросительного местоимения кет. *qan* 'сколько'. Божество *kad* стало «морозящим», ср. об. С *qaded'agu* 'замерзнуть', 'простудиться', 'околоть'; об. Ч *qadal aga* 'иней', хотя букв. словосочетание соответствует модели: предсказатель=старик (иначе – старший в роду, шаман). Первому компоненту лексем *qad-al* имеются соответствия среди компонентов глаголов об. Ш *qadəgu* 'предсказать'; об. Ч *qadəcuŋu* 'шаманить'. Имя предка рода либо старшего в роду *qad* в фонетическом варианте *qat* входит в название соседнего с селькупамы народа: *vas. qatqur* 'ханты': *vaqit qut, tabin naj qatqut* 'ваховские люди – они тоже ханты'; *qatqu ŋe* 'хантыйский язык'. Семантическая основа слова сохраняется, ср. об. Ч *qatəlalžəgu* 'поболтать'.

Высший дух *ka* переходит на средний уровень: *ka+aga*, он приближается к земле, становится «птичьим» духом *kar-a* (букв. черный+а, где а – эвфемизм, употребляемый вместо имени духа предка), духом, выполняющим связь между небом и землей. Исходя из этого, полагаем, что племя *karakula* объединяло рода, поклонявшиеся обобщенному образу духа птицы, которая являлась его зооморфным воплощением. Этот факт объясняет многозначность лексемы об. Ш, тур., ел. *kaqa* 'журавль'; об. Ч *qaga, qāga* 'кедровка'; об. С, Ч, тур. *qaga*; кет. *qagta* 'журавль', 'гагара'. Божественной рекой рода является кет. *Qar-aŋga* 'р. Карайга (правый приток реки Чулым)'.

Лексема *kar* вошла в наименование птицы-тотема тым. *karšič* 'глухарь (самец)', что буквально может означать «чёрная земля». Второй компонент *-šič* надежно соотносится с лексемой кет. *šuošj* 'земля'; *šotši, šoš, šošši* 'место', 'местность', ср. об. С *šošon kozaj* 'хозяин земли рода'. Другим наименованием птицы-тотема 'глухарь' является *vas. kargoš, karkoš*, что также можно трактовать «чёрная земля», ср. об. Ч *kar*; *vas. qar* 'черный'. Компоненты *goš ~ koš* проявляют фонетическое совпадение с лексемами: *vas. kož* 'ягель' (белый мох), об. Ч *qoš-armj* 'опушка леса' и об. Ш *qož-a-baja* 'мизгирь', 'паук' (самка). Если принять последний вариант трактовки, то наименование птицы-тотема *kargoš, karkoš* 'глухарь' будет соответствовать понятию 'чёрный паук'. Есть основания полагать, что наименованиями *goš ~ koš* обозначалась самка паука. В связи с выветриванием ее семантического содержания и присоединением лексемы *baja ~ raja* 'старуха' восстанавливается ее исходное значение *qož-a-baja* 'мизгирь', 'паук' (самка). В данном случае речь может идти об основательнице материнского рода *goža*, рода эпохи матриархата. Это очень древний народ, упоминание о нём сохранилось лишь в легендах как о людях-пауках, проживавших в Верховьях Оби [5]. Исходя из модели построения отдельных лексем, в частности, *kar-goš*, можем заключить, что и народ с самоназванием *kar*, и народ с самоназванием *gož* находились в контактах и входили в состав фратрии/племени *kar-goš*. Имя племени сохранилось в наименовании тотема-паука. Итак, в морфемной структуре лексем *karšič* и *kar-goš ~ kar-koš* выделяется общий элемент *kar*. Полагаем, что лексема является эвфемизмом, употребляемым вместо имени духа предка рода. Компоненты этнонимов, сохранившиеся в тотемах в фонетических вариантах об. Ч, кет., *vas. kara* 'журавль'; об. С, Ч, тур. *qaga, qāga* 'кедровка', 'журавль', 'гагара' и об. Ш *koža* 'мизгирь' (в составе *qoža-baja*), стали мотивирующими для лексического пласта с обобщенным значением 'место рода', ср. об. Ч, кет. *kara, qara* 'большая деревня', 'город' и 'хозяин': об. Ш *koža*, об. С *kozaj*, кет. *kozije*.

Значение 'земля', 'место' сохранилось в лексеме тым. *qošil'že* 'рядом' < *qoš* 'место' и *il'že* 'дед', 'свёкор', 'медведь', 'Бог', т.е. предок рода. Наименование сакрального места – места обитания богов и духов также связано с этим словом: *vas. kara ~ kaŋaga* 'кедровый остров',

'промысловый остров', т.е. 'чистое место' → 'место обитания богов и духов', а также 'место жертвоприношения духам предков'. Оно вошло в устойчивое словосочетание *vas. kaŋamijl' t'akka* 'палка с развилкой'. Это словосочетание является иносказанием для обозначения места зарождения рода. Составляющими компонентами являются: *kaŋ* 'черный (жизненный)', *amijl'* 'материнское чрево', *t'akka* 'низкое заболоченное место'. Вода является символом Великой Матери-Природы и ассоциируется с рождением, женским началом.

Первый компонент селькупского этнонима *kara-kula* соответствует компоненту Хар- в антропониме Хар-ючи у ненцев, *ħag-d'uč'i* у энцев. Б.А. Долгих называет их лесные ючи: пути, пучи [6, с.53]. В тымском диалекте селькупского языка имеется фитоним *ruž'i n'už* 'луговая трава', первый компонент которого материально совпадает с нен. пучи. Как показывает фактический материал, генонимы тесно взаимосвязаны с фитонимами, ойконимами, антропонимами. В данном случае фитоним «луговая трава» является аналогом этнического подразделения – фратрии или племени. Известно древнее самодийское родовое объединение у энцев *juč'i-d'uč'i*, у ненцев *juħud'i*.

Слова кет. *qāz-ar, kaz-arə, kāz-ər*; об. С *kaz-ara*; ел. *qoz-įra* 'кедровка' (букв. хозяин-старик, ср. кет. *qozaj*, об. С *koz-aj* 'хозяин'; кет. *koz-ije* 'хозяин', 'медведь') являются мотивирующими для глагола со значением 'играть в карты' < 'колдовать': об. С, Ш *kozerčugu*, об. С *qozetčugu*, что наводит на мысль о том, что рассматриваемые лексемы являются наименованиями духа предка народа, причем в связи с табуированием их следует трактовать как иносказания. Первый компонент *kāz-* представлен сокращенным вариантом основы, он восходит к полной форме *ka-az*. Полная основа сохранилась в северных диалектах, ср. тур. *ko-as-įra* 'ворона' (букв. высший дух=отец=старик). Исходя из этого рассматриваем лексему об. С *qaza, qāza* < *qaaza* 'сорока'; кет. *qassä* 'сорока' как иносказательное наименование, построенное по модели: высший дух=отец, ср. об. Ш *az, aze* 'отец'; тур. *as'a* 'отец' < *as+ja* 'отец=высший дух, иначе: отец всевышний'; кет. *öz* 'мой собственный отец – предок моего народа'. Более древними зооморфными божествами, почитаемыми этносом, являются птицы 'ворона' и 'сорока'. Дальнейшее усложнение основы приводит к переносу объекта культа на других представителей флоры, ср. *qāza* 'сорока' – *kazara* 'кедровка'. В любом случае, речь идет об иносказательных наименованиях духа предка. Одним из божеств, почитаемых представителями селькупского этноса, является божество «нижняя (темная) земля». Есть основания полагать, что лексемы *kaz-ara, qoz-įra* 'кедровка' и *kozije* 'хозяин', 'медведь' передавали культ божества «земля».

Из этнографических описаний известно, что символом эпохи матриархата является мамонт – чудовище, обитающее в речных глубинах – *kožar*. Вода как символ женского начала проявляется в лексемах: об. Ч *kužere*, об. С *kusare, kusere* 'курья', 'старое русло реки'; тым. *kužerigu*, об. Ш *kuzurgu* 'убыть (о воде)', 'обмельеть' от той же основы, что и *kož-ar*. На основе материального совпадения корневых морфем развивается ассоциация связи мифического существа с водой. Если сравнить семантическую функцию словосочетания *šošon kozaj* 'хозяин земли', где значения переданы эксплицитно, с семантической функцией лексемы *kožar* 'мамонт', то для второй можно по аналогии вывести значение 'хозяин (воды)=старик', но только через ассоциацию с однокоренными словами. Полагаем, что *kožar* является иносказательным наименованием духа загробного мира.

Прийти к такому выводу позволяет текст обращения к духам великим и Богу Ному, записанный у А.Ф. Пальджигина: Ий Ном, Ий Ноп, Ий тю, Ий ыл, Кара-кара өр, Кай-кайи, Кай-кайи, Кай-кайи «Бог неба, божество на небе, великие духи среднего мира, великие духи нижнего мира, духи загробного мира, духи недр». В данном случае обратимся к фрагменту *kara-kara ör* (Кара-кара өр букв. кедровка=кедровка=женский дух). Это очень древний, мертвый (ср. об. Ш *karan'ingu* 'хоронить'), «черный» объект культа. Понятие «черный» соответствует понятию «священный, жизненный». Таким образом, «черный» в данном случае не является обозначением цвета. Повтор лексемы *kaŋa* выполняет роль оберега. Примечательно, что от лексемы *kaŋ* отсутствуют производные слова со значениями типа 'чернеть', 'темнеть', что можно считать подтверждением высказанного предположения.

Как уже отмечалось, лексема *kaга* представляет собой интеграцию двух знаменательных слов *ka+ar(a)*. Что касается элемента *а*, то отметим, что в южных диалектах существует отрицательная основа *а*. Она сохранилась и достаточно продуктивно участвует в словообразовании: об. Ч *asabiġe* 'неправда'; *afaŋ* 'нехорошо'; об. С *aβar* 'небольшой'. Можно предположить, что *а* является исторически теонимом, но его функция уже утрачена. Десемантизация лексемы привела к тому, что она стала выполнять основообразующую или основорасширяющую функцию, например, в терминах родства типа *am-a* 'мать', *ar-a* 'отец' или в терминах, нейтральных по отношению к родству, например, *im-a* 'женщина'; *ij-a* 'ребенок'. В связи с сокращением структуры основы и утраты внутренней формы к слову *kaга* на определенном витке исторических изменений присоединилась лексема *ög* с фонетическими вариантами *ar*, *ir*, *er*, которые в свое время входили в структуру слова *ka+ög*, *ka+ar*, *ka+er* → *kaг*. Такая структура основы слова позволяет трактовать его как соединение лексем *ka* 'дух на небе' и *ar*, *ög*, *er* 'дух на земле'. В таком случае лексемой *ka* передавалось мужское начало, а лексемами *ar*, *ög*, *er* – женское начало, женский дух. Таким образом, *kaг+a* является иносказательным наименованием духа, выступающего символом объединения мужского начала с женским, неба и земли, верха и низа. Дух персонифицирован в образе птиц. В модели мира лексемы передают кривизну вселенной, ср. об. С *qarо* 'поворот'; *qarə* 'кривой'; *qarəlgu* 'скривить'; *vas. qarəndəl* 'кривой', 'извилистый', 'загнутый'; об. Ч *qariŋ* 'изгиб'; *ket. qarḡə* 'морда (круглая ловушка для рыбы)'.

В данной связи можно обратить внимание на лексемы *ел. qoz-ira* 'кедровка', *ket. qoz-aj* 'хозяйка', *kaz-aga* 'кедровка', а также на неопределенное местоимение *vas. kuž-i-qəpəŋ* 'когда-нибудь'. Их объединяет общность корневых морфем, различающихся при общности лексического значения гласным корня: *kaz-* *qoz-*, *kož-*, *kus-* 'дух-хозяин – предок моего народа'. Гласные *о~и* составляют ряд регулярных звуковых соответствий. Имя предка рода сохранилось в антропониме Кусамин, вошло составной частью в геноним *тым. qossil' kula* 'остяцкое племя (окуневые люди)' < *qos-iš-iŋ*' (предок рода+отец+низ). Известно, что часть племени с р. Тым ушла на север, составив группу *qazil' gum*, другая часть переселилась на р. Чая. Имя предка рода (мифического дракона) *qos* вошло в ойконим Костенькино < *qos-it-en'ki-no* (ср. *Inki-no*), оно сохранилось в группе послелогов, этимология которых ранее не поддавалась расшифровке: об. Ш *kožongo*, об. Ч *kožengo* 'для кого-либо', 'из-за кого-либо', об. Ч *kožendigo*, об. Ш *kožentko* 'для кого-либо', 'о ком-либо', 'кому-либо (при изъятии чувств)'; об. Ш *koženutko* 'для кого-либо'. Такие же послелогов имеются и от основы *koza* – об. Ш *kozongo*, *kozendigo*, об. С *kuzengo* с теми же значениями.

Поделив лексему *kuž-i-qəpəŋ* на компоненты, соотнесём первый из них со словом *kož*, *kus* 'хозяин', второй – со словом *ket. qəpəŋ* 'собака'. Материальное совпадение дает основание полагать, что неопределённое местоимение *kužiqəpəŋ* означает буквально 'хозяин род (мифический дракон)=собака' и является иносказанием для прародительницы – мифического дракона, помещенного на небо. Действительно, первый компонент слов *qan-aq*, *qəp-nəŋ* является соответствием имени верховного божества *kan*.

М.М. Содномпилова отмечает, что в бурятской мифологии животные выступают воплощением солнца. Сведения о связи собакоподобного существа – волка, лисицы с небесной сферой сохранились в мифах. В ранних верованиях китайцев сохранились представления о некоем существе – Небесной собаке. Собака имела красный цвет. Свидетельства из монгольской и бурятской этнонимии, верований, обрядовой сферы, лексики указывают на тот факт, что собирательный образ представителей "собачьего" племени, воплощенный то в волке, то в собаке и даже лисице, почитался монголами. Такой образ является трансформацией исконных монгольских представлений [7, с.154-155]. Солярный культ широко представлен в культуре селькупского этноса.

В селькупском языке имеется ряд свидетельств тому, что собакоподобные существа были известны как элементы культа селькупскому этносу. Об их принадлежности к небу свидетельствуют следующие языковые факты: *таз. nul' loqa* 'песец (букв. небесная лисица)', *s'eŋi*

loqa 'серебристый лис', ел. otəj ameritij surəp 'волк (букв. мизгирь-бог-сын-зверь ср. ел. otije 'мизгирь', тур. amirk'ija 'бог белой земли)'). Но это лишь косвенные данные.

Связь собакоподобного существа с небом раскрывается при анализе лексем со значением 'собака': об. Ч, вас., тым. qanaq, qanak; кет. qennaq, qənnaq, qinnaq. При их морфемном членении выделяются, с одной стороны, компоненты qan-, qen-, qəp- qin-, с другой – aq, naq, paq. Как уже отмечалось, компонент qan- входит в структуру лексем об. С qan-nom, об.Ч qan-por (букв. гром+бог, небо). Представляется, что в мифологической картине мира бог qan – это бог-громовержец. Лексема qan сохранилась в структуре частицы об. Ч qan-e 'почти', в порядковом числительном кет. qan-ımdelzi 'который', в устной форме ойконима об. Ч Kanak ed 'юрты Сагандуковых', в фитониме вас. qāna 'верба (собачка)'. Второй компонент -ak лексемы qan-ak материально совпадает с лексемой тым. aka 'старший брат' и внутренняя форма лексемы расширяется как "верховное божество (предок рода)=старший брат".

Фонетическими вариантами слова qanaq 'собака' в кетском диалекте являются qennaq, qənnaq, qinnaq. Различие корневых гласных, которое мы можем представить в виде ряда фонетических соответствий e ~ ə ~ i, сопряжено с определенными коннотациями, сопровождающими их производные.

1. Для компонента qen- лексемы qen-paq находим соответствия в следующей группе слов: тур. qen-'is'empriqo 'замутиться'; qen-'is'empri 'мутный'; ел. kendə, тур. qen-detı 'заря', 'рассвет', 'сумерки'; ел. qen-ikt 'муж моей дочери (человек породнившегося рода)'. Для лексемы qen восстанавливается архисема "полусветлый ~ полутёмный, серый ~ седой". Об этом свидетельствуют в том числе смыслы, интегрированные в семантику сложных слов qen-bar 'холм' – приближение к "стране мёртвых", а qen-ak 'устье' – это выход в "море мёртвых". Функционально зять как человек породнившегося рода максимально приближен к роду жены, он приходит в её семью.

2. Для компонента qəp- лексемы qəp-paq имеются соответствия: об. Ч qəp-očsıgu 'колдовать (путешествовать в тёмный ~ нижний мир)'; кет. qət-tabu 'устье' (tabu – нижняя часть туловища); об. Ч qəp-əl 'колдун' (букв. старший в роду=низ); тым. kəp-äs 'старший в роду+отец', 'колдун' (äs > ässäm 'отец моей жены, т.е. представитель другого рода').

3. Для компонента qin- лексемы qin-paq имеются соответствия: об. Ч qin-ol 'верховье реки (божественной реки, по которой во время камлания "плавает" шаман породнившегося рода)'; тур. qin-ol 'старший в (породнившемся) роду', ср. тур. olqur 'глава своего рода'; кет. qin-ak 'устье'; кет. qin-tabu 'н.п. Усть-Озёрное'; qin-d'arka 'развилка реки'.

Итак, выходим на противопоставления: средний ~ мутный // нижний ~ тёмный. Последний уровень отражен в лексеме кет. qin-d'ar-ka 'развилка реки'. Для компонента qin-, как показывает анализ материала, восстанавливается значение "божество породнившегося рода", для компонента -d'ar- – "божество низшего уровня". Производные данной лексемы имеют отрицательные коннотации, ср. кет. t'arıngu 'ругать'; t'arıgu 'прогреть': nom t'arı 'гром прогремел'; t'arumbıgu 'быть виновным' и в то же время 'прогреть', 'сказать по-селькупски': süsüyəl d'ar t'arıgu 'сказать по-селькупски', т.е. проявить свою волю. Компонент -d'ar- имеет отношение к этнонимике, он вошёл в название русских: об. Ш t'arb-tob 'русский', ср. об. Ч t'aržem 'родня', t'arb < t'ar-əb 'толстый'. Компонент -tob вычленяется в антропониме Тоб-ольжин. Этноним «русский» подразумевает человека, имеющего много родственников букв. толстый род.

Для компонента -paq либо в связи с особой сакральностью обозначаемого объекта, либо в связи с его особой древностью сужен круг соотносительных слов. Данный компонент вошел в местоименное наречие кет. paŋgo 'потому', 'об этом', 'про это'. Другие фонетические варианты, в частности, peŋ, n'aŋ, n'iŋ вычленяются в структуре основ с обобщенными значениями 'голый', 'лысый': об. Ч peŋgəgu 'выщипать'; n'aŋgolgu 'облинять'; тур. n'aŋgondı 'лысый'; n'aŋgondı roarı 'лысина'; n'aŋıŋ'a 'раздетый'. Морфемное членение рассмотренных слов, приведшее к возможности семантической реконструкции флоронима "собака", дает возможность предположить, что этносу был известен мифический дракон, имя которого вошло в структуру флоронима "собака". В языке сохраняются лишь косвенные данные. Так, в этнографической

литературе отмечается, что лысина является символом солнца. В бурятской культуре солярная природа объекта культа отражена в образе предка “красная собака” [8, с.46]. Фактический материал селькупского языка раскрывает другой признак – неопределенный цвет, ср. об. С *pəngolʒəgu* ‘сделаться мутным, помутнеть’. Таким образом, эпитетами к мифическому дракону “собакоподобное существо” могут выступать “серый”, “чёрный”, “серебристый”, “чернобурый”. Именно эти слова и встречаются в селькупском языке в сочетании с флоронимами “лиса”, “волк”. Сема “неопределенный цвет” заложена в компоненте *-paq* лексемы *qin-paq* ‘собака’. Данный компонент является корневой морфемой слов об. С, Ш *paq-r'e*, *paq-r'i*; об. Ч *paq-kiraj*, *pek-kiraj* ‘пятнистый’: об. Ш *pa kanala paq'i* ‘эти ‘собаки пятнистые’; ‘разноцветный’.

На связь с небом анализируемого объекта культа ориентирует тематическая группа слов, включающая рассматриваемый элемент лексико-семантической системы *paŋ* в звуковых вариантах, отличающихся ауслатным согласным: *pon*, *p'on*, *pun*, *p'un*, *p'en*', *p'ən*: тым. *punmat* ‘церковь’; *pun paqərbədi* ‘молитва’; *pun p'orbəlbədi* ‘священное (культовое) место’; тым. *pun č'elərgu* ‘сверкать молнии’ (ср. кет. *karnon* ‘молния’); кет. *punpaq*, об. С *nunsūd'd'e* ‘небо’; тур. *puŋg*, ел. *puŋga* ‘шаманский бубен’. Отметим, что лексема *pun* является обозначением одного из божеств, которое входит в пантеон богов, но более низкого статуса нежели бог *pon*. В фонетическом варианте *p'un* лексема проявляется в мифологеме кет. *p'un'o qwəgүэ* ‘Малая Медведица’, в устойчивом словосочетании об. С *p'on maŋʒ* ‘четверть, заячья мера’ (видимо, небожитель низкого статуса), ‘маленький’, ср. тур. *p'on'a* ‘малек’. Сема “дух” реализована в глаголе тур. *p'en'erqo* ‘сердиться’.

Дальнейшее функционирование в языке лексемы тур. *qəpəŋ-ə* связано с её использованием в качестве термина свойства ‘зять’. Второй компонент *-ə* имеет значение ‘отец’ и выступает в данном случае выразителем признака ‘пол’, таким образом, женский термин родства становится мужским термином свойства. Что касается компонента *kuʒi*, то он вошёл в наименование об. Ч *kuʒək* ‘ляжка’, сохраняя идею связи. Так, идя от современного состояния языка вглубь истории, мы реконструируем семантическое содержание слов, относящихся к древнему пласту лексики. Они, как правило, связаны с наименованиями древних родов.

В рассмотренных наименованиях божеств просматривается переход от светлого мира к темному, к потустороннему миру, где нет света солнца. Темный мир обозначается лексемой *kaq*, его зооморфным воплощением является дух в образе птицы. Таким образом, дух “спускается” к земле, которая выступает в ипостаси “темная земля”. При этом развиваются ассоциативные связи с потусторонними мирами и в мифологической картине мира формируется образ мифического дракона, предка народа. Есть основания полагать, что лексема *vas. kaq* ‘чёрный’ является эвфемизмом, употребляемым вместо имени духа предка – прародительницы народа, поклонявшегося божеству “нижняя (темная) земля”.

Этноним ***kajbangula***. В самоназвании *kaj-ban-gula* отражен мифический образ получеловека-полуптицы. Согласно этнографическим данным, *kaji* – мифический дракон, олицетворенный в образе большой серой утки с железными крыльями. Считается, что когда она летит, издаёт звуки *kangil-kangil-kangil* ‘стук-стук-стук’. Теоним *kaj* стал семантическим этимологом селькупского вопросительного местоимения об. С, Ч *kaj* ‘какой’, кет. *qaji* ‘что’, ‘какой’, вошёл в вопросительные местоимения *vas. kajdo* ‘зачем’; об. Ш *kajko* ‘почему’, об. Ш, Ч, кет., *vas. qajqo* ‘почему’, ‘зачем’ и неопределённые местоимения об. Ч *kajlada* ‘кто-то’: *kajlada garimpat* ‘кто-то гремит’; *vas. qaj qoj* ‘что-то’, ‘кто-то’. Второй компонент *-ban-* имеет значение «темная земля, земля духов». Об этом позволяет говорить следующий фактический материал: 1) об. С *pankə*, *paŋ* ‘трива’: *a to'ej pankoəp soc'ka n'uŋen* ‘а на той триве трава хорошая’. Одним из значений термина “трива» является значение ‘поросшая лесом возвышенность, холм’ [9, С.34]. Место, поросшее растительностью, ассоциируется с темным местом. Разная степень данного качества заложена в звуковых комплексах *paŋ*, *pen*, *p'in*. Из их семантического содержания выводятся значения ‘темный’, ‘поросший’; 2) об. Ш *panne* ‘от берега к водному пространству’, следовательно, в воду, вниз; 3) кет. *panni p'illej* ‘правая сторона’ (считается темной в противоположность к левой светлой стороне); 4) об. С *pan'es*, кет. *panus* ‘коса’ (считается

символом связи с нижним миром); 5) об. *panalgu* 'нанести порчу на человека', 'околдовать', 'заразить'. Речь идет о злом духе, духе темной земли. Лексема *pan* вошла в структуру эвфемизмов, употребляемых вместо имени духа-хозяина, таких как кет. *pannaj* 'кривой', *panđ'ij*, тур. *panđi* 'скупой'. О том, что речь идет о духе-хозяине, свидетельствует следующий пример: кет. *manuən panaj āmdəyən şırrə assə oralǰəmba* 'на моем кривом цареве снег не держится (отгадка – *āmdə* 'рог')'. Как известно, рог считается символом плодородия. Данный материал позволяет заключить, что понятия “нижний” и “поросший” синонимичны понятию “темный”. Исходя из этого, выводим для него значение “тёмный дух”. В таком случае есть основания полагать, что этноним *kajbangula* был самоназванием народа, почитавшего мифического дракона по имени “нижня (темная) земля”. Проанализированный материал дает возможность сделать вывод о том, что данные племена объединял культ божества «земля».

Проведя анализ этнонимов с привлечением широкого круга лексем, мы пришли к выводу о том, что 1) лексические пласты, на которых базируется описание, подводят в конечном счете к выявлению мифического предка народа и 2) имена мифических предков становятся базовыми для таких разрядов слов, как послелого, наречия, местоимения, союзы, частицы. Принимая во внимание данную закономерность в истории развития селькупского языка, мы полагаем, что возможен обратный путь анализа от указанных разрядов слов к восстановлению базового элемента лексико-семантической системы. В данном случае обращаемся к вопросительному местоимению *kot, kod, qodə, quđi, qut* 'кто?'. К анализу привлекаем самоназвание кет. *qodan yum* 'кетский остяк', а также термины родства в кетском диалекте *qodo, qoto* 'бабушка'. Одновременно данный фрагмент исследования послужит еще одним косвенным подтверждением тому, что селькупский этнос является потомком народа, поклонявшегося мифическому предку “собакоподобное существо».

Можно предположить, что имя мифического предка сохранилось в глаголах со значением 'выть': кет. *qodıbbıgu*, об. Ч, тур. *kotombıku : ätäl amırił' surup kotımpa* 'волк воет'. Отметим, что для волка как мифического предка в северных диалектах употребляется описательное наименование, в южных диалектах ему соответствуют об. С *t'umbəne*, об. Ч *čumbune*, вас. *čumbəne*. Привлекают внимание отмеченные термины родства и свойства в кетском диалекте: *qodo* 'старшая сестра отца', 'тетя', 'бабушка', 'старушка' и *qoto* 'бабушка', 'мать матери', 'жена младшего брата', 'свекровь', 'жена старшего брата моего мужа'. Во втором случае имеет место смешение двух линий – моего рода и породнившегося рода, что нашло отражение в лексемах кет. *qottelumti qum* 'болдырь (ребенок от родителей разных национальностей)', *qotelǰugu* 'смешивать').

Это немаловажный факт для установления в истории семейных отношений появления парной семьи. Разные линии (мужская и женская) отражены в структуре послелогов: тым. *qodeyıt* 'между чем-либо' (букв. *qod-e-y-ıt* 'предок народа+мой собственный отец - предок моего рода+сын) и об. Ч *qodeut* 'вдоль чего-либо' (букв. *qod-eu-t* 'предок народа+мать (предок моего рода)+ t < ıt 'сын', ср. *qod-ew-ıt-te* 'вдоль чего-либо'). Имя первопредка сохранилось в форме обращения в кетском диалекте: *qot'a* 'бабушка' < *qot+ja* (букв. имя предка народа+высший дух-сын). Кроме того, мы встречаем его в наименовании 'щенок' *quđ'a* < *quđ+ja* и в генониме *qod-an yum* (букв. предок народа+начало+человек).

О древности мифического предка по имени *qod* свидетельствует обширный лексический пласт, развившийся на базе данной лексемы, который составляют местоимения: вас. *qodıja* 'кто-нибудь', об. С *qodneı, qodnaj* 'никто', об. Ш *qodıt* 'чей', кет. *kudena* 'никто' и др., послелого, наречия, например, об. С, Ч, вас. *qote* 'назад', 'вверх', 'против течения', 'навзничь', отмеченные термины родства и самоназвание, а также фитонимы: об. Ч, тым. *qod, kode* 'черника', 'голубика', флоронимы: об. Ч *koduldu* 'летучая мышь', лексика, обозначающая орудия труда: об. С, Ш *koda*, вас. *kode*, кет. *kota*, тым. *kot, kote* 'рыболовный крючок', 'багор'; об. С *qodıyaj*, тым. *qodeyaj* 'скребок', 'стружок'; тур. *kodıl'po* 'багор', 'крючок для люльки'; анатомическая лексика: тур. *kod* 'кожа', ср. *kodel* 'кожаный', ел. *qotıj rog* 'лысина' < *qot-ıj rog* (букв. предок народа+высший дух+верх). Символизм в культуре вновь подводит к ассоциации: лысина ~ солнце. В свете

рассмотренного материала символом божества “солнце” выступает серое собакоподобное существо.

Сокращения

вас. – васюганский диалект, ел. – елогуйский говор, кет. – кетский диалект, об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ч – обские говоры Чумылькуп, об. Ш – обские говоры Шешкум, р. – река, тур. – туруханский говор

Литература

1. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Изд-во центр ВЛАДОС, 1996. - 416 с.
2. Пелих, Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории / Г. И. Пелих. – Новосибирск, 1981. – 174 с.
3. Гемуев, И. Н. Религиозно-мифологические представления манси / И. Н. Гемуев // Дисс. ... докт. филол. наук в форме науч. доклада. – Новосибирск, 1991. – 45 с.
4. Мартынова, Е. П. К истории формирования надымских ненцев / Е. П. Мартынова // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (10-12 декабря 2002 г., Тобольск)». – Тобольск – Омск, 2001.
5. Плигузов, А. Текст-кентавр о сибирских самоедах / А. Плигузов. – Москва – Ньютонвилль: «Археологический центр», 1993. – 156 с.
6. Долгих, Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев / Б. О. Долгих. – М., 1970. – 270 с.
7. Содномпилова, М.М. Атмосферные явления в концептуальной и языковой версиях картины мира монгольских народов / М.М. Содномпилова // В мире традиционной культуры бурят. Выпуск 2. - Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2007. – 240 с. – С. 152-201.
8. Павлов, Е. В. Семантика религиозно-мифологического образа Хан-Шаргай-Нойона (к этногенетическим истокам солярного бога-сотера в мифоритуальной традиции бурят Предбайкалья) / Е.В. Павлов // В мире традиционной культуры бурят. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2006. – С. 3-64.
9. Парфенова, Н. Н. Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI-XIX веков) / Н. Н. Парфенова. – Сургут, 2006. – 159 с.

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ И СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

В.В. Воробьева

Томский политехнический университет

В диалектах хантыйского языка встречаются дейктические сочетания. Под дейктическим сочетанием мы понимаем соединение указательного местоимения с другим самостоятельным или служебным словом, которые в сочетании друг с другом выражают единое лексическое значение. Дейктические сочетания служат для выражения пространственных, временных, причинных и других значений. Примечательно, что на русский язык дейктические сочетания хантыйского языка зачастую переводятся одним словом, например, вах-васюганское дейктическое сочетание *tim kotel* переводится пространственным наречием *сегодня* (досл.: ‘этот день’). С семантической точки зрения наиболее часто встречаемые дейктические сочетания мы разделили на пространственные, временные, причинные, качественные, количественные. Рассмотрим каждую семантическую группу дейктических сочетаний.

К *пространственным дейктическим сочетаниям* можно отнести вах.-вас., *tim (ti) täyind*, сург. *t'i täyind* 'здесь'. В данном сочетании дейктическое местоимение ближнего указания соединяется с существительным вах.-вас. *täyi*, сург. *täyi* 'место' в форме местного падежа [1, с.136]. Сочетание служит для идентификации места, включенного в личное пространство говорящего. Например: вах. *t'i täyind mä nḥälinä jāḥkaḡalḡm* [1, с.136]. – "Здесь я играла с маленькой девочкой". Вах. *il-nowḡnd tim täyind jḥk wäliḡḡnd* [1, с.80]. – "Раньше здесь была вода".

Следует сказать что, в восточных диалектах хантыйского языка указательное местоимение *t'u* в сочетании с тем же существительным вах.-вас. *täyi*, сург. *täyi* 'место', но в основном падеже, выполняет анафорическую, а иногда и катафорическую функцию. Сравните: вах. *t'u täyḡd pattḡd jḡlnḡd wälyal* [2, с.106]. – "Это было осенью". Вах. *t'u täyi tim säyi wälyal* [2, с.74]. – "Это было так". Вах. *ḡojnd tḡḡmti t'u täyi, möḡḡ säyi ḡorḡlta ḡḡnata maswḡl toḡkijara ...?* [2, с.108]. – "Кто знает о том, как надо попадать на работу в Тольки".

К данной группе относятся сочетания вах. *tim (tom) peḡḡk*, вас. *tem (tom) peḡḡk*, сург. *tem (tom) pälḡk*, каз., шер. *tām (tōm) pelḡk* 'с этой стороны, с той стороны'. Второй компонент сочетания существительное вах.-вас. *peḡḡk*, сург. *pälḡk*, каз., шер. *pelḡk* 'сторона, половина. часть' изменяется по падежам. Приведем примеры: вах. *tom peḡḡk-nḡd* (мест. п.) *kat amḡswḡl* [1, с.138]. – "На другой стороне есть дом". Вах. *tom pelḡk-ḡy* (исх. п.) *luḥḡ ... jḡwḡl* [2, с.155]. – "С той стороны леший ... идет". Тр.-юг. *tōm pälḡk-i* (исх. п.) [3, с.470]. – "с той стороны". Каз. *tōm pelekna wḡḡm* (мест. п.) [4, с.124]. – "Я был на той стороне". Каз. *as tām peḡḡk-a* (напр.-дат. п.) *jḡḡḡs* [5, с.423]. – "На другую сторону (он) Оби пошел". Шер. "әңка"! *māna tor tōm pelḡka* (напр.-дат. п.) [6, с.50]. – "Мама!" иди на ту сторону моря!".

К группе *временных дейктических сочетаний* можно отнести сочетания со словом вах.-вас. *ḡot(ḡ)l*, каз. *ḡätl*, шер. *ḡätl* 'день'. Например: вах. *tim ḡot(ḡ)l*, вас. *tem ḡot(ḡ)l*, сург. *tem ḡät(ḡ)l*, каз. *tām ḡätl*, шер. *tām ḡätl* 'сегодня'; вах.-вас. *t'u ḡotḡl* 'в тот день'; вах. *tompil ḡotl* 'послезавтрашний день'; вах. *t'u tom peḡḡk ḡotl* 'после-послезавтрашний день' и другие [7, с.137; 1, с.81; 8, с.22; 3, с.174, с.466]. Сюда относятся также соединения со словом вах.-вас. *läḡ*, сург. *lat* 'время' и со словом сург. *kḡḡm* 'миг, мгновение, очень короткий промежуток времени' (употребляется обычно в форме местного падежа): вах. *tim läḡ*, вас. *tem läḡ*, сург. *tem läḡ* 'сейчас'; тр.-юг. *tem kḡḡmnd* 'сейчас, в этот миг', каз. *tām kūrḡmḡ* 'сейчас' [1, с.81; 3, с.132; 7, с.1392]. Например: вах. *t'u ḡotḡl jḡlilimin ikisäḡḡnd kolḡm welsḡḡḡnd päni koskḡrā wäsḡḡ* [1, с.135]. – "В тот день дедушка с внуком убили три лебедя и около двадцати диких уток". Тр.-юг. *tem kätḡl ma war läḡ'ta jāḡḡm* [9, с.60]. – "Сегодня я пошел посмотреть запоры". Каз. *tām ḡätl ma jāḡlam tojḡḡa jḡḡḡlḡḡt* [10, с.486]. – "Сегодня мои (старшие) братья придут в гости".

В число временных дейктических словосочетаний входят сочетания указательных местоимений с послелогом вах.-вас., сург. *ḡirḡnd*, каз. *jurḡ*, шер. *jḡwrḡ* 'за, после' (в северных диалектах данный послелог употребляется с формантом местного падежа). Например: вах.-вас., сург. *t'u ḡirḡnd* 'потом, затем, тогда'; каз. *šī jūrḡḡnd*, шер. *šī jḡwrena* 'потом, затем, после этого' [7, с.1491; 9, с.172]. Примеры: вас. *t'u ḡirḡnd iki ḡata joḡ loḡḡḡnd* [2, с.120]. – "Затем старик в избу вошел". Тр.-юг. *t'u ḡirḡnd nḡḡ mant wḡla!* [9, с.96]. – "После этого, ты, меня убей". Каз. *šī jūrḡḡnd ḡsḡl māḡḡl, mḡj-ḡa loḡḡa jḡl* [8, с.36]. – "Потом его душа уходит прочь или становится приведением". Шер. *šī jḡwrena ma māḡ'sḡm woša* [11, с.140]. – "Затем пошел я в город".

Причинным дейктическим сочетанием можно назвать сочетание *šit päta* 'поэтому', которое встречается в диалектах казымских и шеркальских ханты [7, с.1492]. Данное сочетание состоит из указательного местоимения *šit* и послелога *päta* 'за, для'. Приведем примеры из северных диалектов: каз. *mosḡḡ pa šit päta in pa löḡla: 'tüt lel'* [8, с.34]. – "Возможно поэтому сегодня было бы сказано". Шер. *šit päta tḡw manḡt teḡtij'sḡte* [11, с.163]. – "Поэтому он меня обманул".

Значение русского слова *сколько* в восточных и северных диалектах хантыйского языка выражается *количественным сочетанием* указательного местоимения вах.-вас., сург. *t'u*, каз., шер. *šī* с частицей вах.-вас. *kḡrät*, сург. *arit*, каз., шер. *arat*, указывающей на приблизительное количество, ср.: вах.-вас. *t'u kḡrät*, сург. *t'u arit*, каз., шер. *šī arat* 'сколько' [12, с.896; 3, с.17, 130,

466, 491; 7, с.1492]. Например, пим. *mōŷ ärit kuł wēłδt*, *tū ärit kuł jäkδ tuλλδt* [13, с.227] – “Столько рыбы взяли *сколько* домой увезли”.

В северных диалектах хантыйского языка можно встретить и монолитную словоформу *šarat* со значением ‘сколько’, которая возводится к словосочетанию **šī arat* [12, с.895; 7, с.1491].

К группе *качественных дейктических сочетаний* относится сочетание указательного местоимения с послелогом вах.-вас. *säŷi(t)*, сург. *säŷit*, каз., шер. *säŷat* ‘по, за, взамен’. Например: вах.-вас. *tim säŷi, ti säŷi(t)* ‘так, таким образом’, тр.-юг. *ti säŷit, tenδ säŷit* ‘так, таким образом’ [14, с.54; 3, с.490; 7, с.1492; 9, с.172]. Примеры: Вах. *ti säŷi, tułpul, nõŷδt ilδ onδltδsi!* [1, с.82]. – “Так, дурак тебя учили”. Вас. *ti säŷi jöŷä läldmtälδŷ nõŷaltalδŷ ëntim* [15, с.564]. – “Так он не мог дышать и двигаться”.

В эту же группу можно отнести сочетание вах. *tū köl* ‘так, таким образом’ (*tū* ‘тот’ *köl* ‘слово’) [14, с.54].

Итак, указательные местоимения могут сочетаться с самостоятельными или служебными словами для выражения единого лексического значения: пространственного, временного, качественного, количественного, причинного (ср.: вах.-вас. *ti täŷinδ* ‘здесь’ (досл.: в этом месте); каз. *täm xətl* ‘сегодня’ (досл.: в этот день)’ и др.). Подобные соединения указательных местоимений с другими словами в нашей работе мы условно называем дейктическими сочетаниями.

Литература

1. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. – Bloomington – The Hague: Indiana University, 1966. – 209 p.
2. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ваховский диалект. - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. - Ч. I. – 204 с.
3. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, 1981. – 542 с.
4. Honti L. Nordostjakisches Wörterverzeichnis // SUA 16, Szeged, 1982b. – 211 s.
5. Hartung L. Bärenlied; Der kleine *moš*-Mann; Der Neffe der Frau und der Stand-Fürst-Alte; Der Neffe der Frau und die Hexe // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. – Berlin, 1989. – Bd. III. – P. 105-119; 389-415; 416-439; 440-456.
6. Vértes E. Der Schaukel-Alte und der Stand-dort-Alte; Geschichte vom Haselhuhn; Der reiche Kaufmann // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. – Akademie-Verlag: Berlin, 1989. – Bd. III. – P. 30-67; 120-104; 385-386.
7. Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. – Berlin: Akademie – Verlag, 1966, 1968, 1970, 1972, 1974, 1978, 1980, 1988. – 1, 3, 4, 5, 6, 8, 12 Lieferung. - P. 1-95, 225-352, 353-480, 481-608, 609-736, 865-992, 993-1120, 1377-1504.
8. Rédei K. Nord – Ostjakische Texte (Kazym Dialekt) mit Skizze der Grammatik. – Göttingen: Vandenhoece & Ruprecht, 1968. – 140 p.
9. Csepregi M. Szurguti osztjak chrestomathia. Studia uralo-altaica. - Szeged: Jate Finnuogor Tanszek, 1998. – 180 p.
10. Schulze B. Der Neffe der Frau und die Hexe; Der ‘Wasserfische und Waldtiere im Überfluss erbeutende Mann’ und sein jüngerer Bruder // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. – Akademie-Verlag: Berlin, 1989. – Bd. III. – P. 450-456; 477-491.
11. Radomski R. Der Zar und die Zarin; Aus dem Leben K. I. Maremjanis // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. – Akademie-Verlag: Berlin, 1989. – Bd. III. – P. 3-29; 131-200.
12. Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch bearbeitet und herausgegeben von Y.H. Toivonen. – Helsinki, 1948. – T. I, T. II. – P. 1-560, 561-1199.
13. Honti L., Rusvai J. Pimi osztják szövegek // NyK 79, 1977. – P. 223-232.
14. Gulya J. Vahi osztják szójegyzék // NyK. – 1969. - № 1. – 59 p.
15. Gulya, J. Grindköpfige; Alwali; Der Spatz und seiner Schwester // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – Bd. III. – P. 563-566; 567-569; 570-566.

КУЛЬТ ЩУКИ У СЕЛЬКУПОВ

А.А. Девякович

Томский государственный педагогический университет

Рыболовство издавна занимало одно из первых мест в хозяйстве селькупов. Рыба использовалась не только для пропитания, но также её кожу охотно использовали для изготовления одежды или ею затягивали окна в старинных землянках, из чешуи варили клей, а в рыбьей ухе замачивались шкуры животных при выделке кожи. Однако некоторые виды рыб, например, щуку, налима, старались не употреблять в пищу. К. Доннер во время своего путешествия по Сибири объяснил этот факт следующим образом – «Щукой и окунем самоеды пренебрегают, для них – любителей жирной рыбы – эти породы не представляют ценности. Им нравится всё жирное...» [1, с.28-29]. В общем, учёный прав. Действительно, проживая в таких суровых условиях, человек нуждается в жирной пище, но, возможно, это не единственная причина, по которой селькупы отказывались от данных видов рыбы, а в частности от щуки. Существует немало свидетельств о том, что у селькупов существовал культ Щуки. Соответственно, целью данной статьи является освещение всех свидетельств, подтверждающих наличие у селькупов данного культа.

Для начала, необходимо отметить, что в календарной системе селькупов существовал микросезон, отражающий процесс икрометания щуки. Так у северных селькупов это: “*piccat tyryl' iräty*” – “май – месяц щучьей икры”, “*n'ич'ч'ем up'ém*” – “щучий месяц”, “*n'ичä тыры'л' up'ém*” – “май – щука гонит икру”, “*ничäттыр up'émтть*” – “щука икру пускает”; у южных селькупов: “*nem'm'ai' arém*” – “май – месяц, когда нершится щука”, “*köba-pečatkuj-éréd*” – “ноябрь, когда много маленьких щук”, “*warghe-pečat-kuj-éréd*” – “декабрь – месяц, когда много больших щук” [2, с.83]. «Щука (как для северной, так и для южной групп селькупов) и её икрометание, конечно, были заметным природным явлением для селькупов. Но это явление всё-таки нельзя считать настолько важным для инородцев, ибо в это же время они также заняты другими важными хозяйственными делами – ставят чердаки, запоры. На это же время выпадает такое значимое природное явление, как вскрытие рек, несомненно, яркое и важное событие в жизни селькупов.

Надо также отметить, что на май в календаре селькупов выпадает также «месяц язево́й (рыбьей) икры», а на апрель – май – «месяц, когда рыба мечет икру», «когда рыба с икрой».

Таким образом, можно говорить о том, что селькупы прежде всего отмечали икрометание вообще для всех рыб, им замечен был нерест любой рыбы, и поэтому это название имеется в календаре, а тот факт, что «щучью икру» выделили особо, свидетельствует о том, что щука имела какое-то иное значение в жизни селькупов» [2, с.84]. Также в своей работе Колесникова С.Ю. поясняет, что «... на более ранних этапах развития общества, когда щука особо почиталась, временной период, приходящийся на момент икрометания, получил название, фиксирующее как явление природы, так и особое, религиозно окрашенное отношение к рыбе. Причём, вследствие небольшой важности икрометания как явления природы, основополагающим моментом номинации являлась мифологическая сфера; вероятно, вследствие развития общества произошла утеря религиозно-мифологического оттенка данного микросезона, и на момент сбора материала под названием «щучья икра» (и варианты) подразумевалось лишь конкретное явление природы» [2, с.85].

Что касается мифологии селькупов, то в ней «мы часто сталкиваемся с особой ролью некоторых животных, птиц, рыб, пресмыкающихся (в том числе вымышленных, фантастических). Эта особая роль животных находит своё выражение в целом комплексе охотничьих обрядов, в ритуалах, связанных с поеданием мяса, в сезонных праздниках, связанных с охотой и рыбной ловлей, в особых вербальных и предметно-знаковых запретах» [3, с.130].

Кроме того, у селькупов сохранились представления о культе тотемического предка. Так, известен тот факт, что селькупы делятся на два больших рода: род орла и род кедровки, каждый из которых делится ещё на несколько [4, с.106-128]. Каждый род почитает именно то живое

существо, которое дало им начало. В связи с этим у Нарымских селькупов существует целый цикл сказаний о древнем народе «квели-куп». Сам термин «квели» широко распространён на территории Нарымского края и существует несколько его интерпретаций. «Селькупы р.Тым связывают его со словом «кве» - берёза. Объясняют, что это берёзовые люди, которые жили раньше по всему Тыму. По мнению селькупов Кети, термин «квели» происходит от слова «кверли» – «ворона» и означает «вороний народ». Обские селькупы связывают его со словом рыба и объясняют, что так звали древних людей, которые в земле жили. У них вместо богов были рыбы, они им поклонялись. Поэтому их звали в старину рыбы люди» [5, с.114]. Последняя интерпретация даёт указание на то, что возможно у этого народа в качестве тотема выступала рыба, а именно щука. Поскольку в селькупской мифологии присутствует такое фантастическое животное как мамонт-рыба или мамонт-щука (*қвэли қожар* или *қвэли пеття*), она «живёт в земле и в воде и имеет двоякий образ: большой, страшной рыбы-щуки или зверя, способного обитать под землёй и обрушивать приречные яры. Обладает рогами, которыми считаются необходимые в земле рога и кости мамонта и других ископаемых животных, что и позволяет при разговоре по-русски именовать его мамонтом. *Қожар* показывается людям большим водяным валом на реке, способным легко перевернуть лодку с рыбаками, вообще увидеть его – к несчастью. Когда *қожар* начинает часто показываться людям, это воспринимается как знак большой грядущей беды, массовых смертей, войны» [6, с.151]. Упоминания об этом мифологическом существе можно встретить во многих селькупских легендах. Например: «*сааза иваа нушка колдет томмут жи қонзэрны д варау қвел-пицаа*» - «*iwaа nuška was going on the bank of the Ob and saw a big pike*», «*қвел-пицаа: епандаа етт оопкет*» - «*The pike was lying on the bank*» [7, с.45].

Для шаманства многих народов также характерным является «представление о духах-помощниках шамана как о животных, птицах, рыбах, пресмыкающихся. Например, на селькупском материале можно привести значительный список: из млекопитающих – дикий олень, лось, медведь, мамонт, крот, лисица, белка, выдра; из птиц – гагара, кедровка, лебедь, ворон, орёл, журавль, кукушка, утка; из рыб – щука, из пресмыкающихся – лягушка, ящерица, змея; из насекомых – бабочка, червь, паук, жук» [3, с.134]. Так известно, что шаман во время камлания в своих путешествиях в другие миры или в случае опасности превращался в щуку. «Такие метаморфозы, происходящие с людьми, с животными и растительным миром, с предметами (артефактами), с ландшафтом, явлениями природы, связаны не только с этиологическими мифами, но и характерны для селькупского фольклора в целом. Всё, что случалось с людьми, все превращения, по мнению древних народов, происходили под воздействием высших сил, какого-то волшебства. Перевоплощения могли быть иногда спровоцированы добрыми или злыми поступками и намерениями людей и зависели от злого или доброго духа, но обычно бывали predeterminedены свыше» [6, с.94]. В некоторых сказках можно также отметить момент превращения в щуку, например, когда безногий мальчик, спасаясь от ведьмы, прыгнул в воду и стал щукой [6, с.95].

Таким образом, селькупский фольклор свидетельствует о том, что для инородцев щука выступала как существо, обладающее сверхъестественными силами. Конечно, нельзя основываться только на данных мифов и сказаний, хотя они как правило и выражают то, во что народ верит, что почитает. Подтверждением этого может служить также и то, что в глухих местах Нарымского края многие жители видели в лесу (в районе села Кетского) повешенную на дереве нижнюю челюсть щуки, в дар лозу за победу над этой щукой [8, с.50].

Следует отметить, что данный культ щуки присутствует не только у селькупов, но и у ненцев. Так «ряд правил, входящих в систему питания ненцев, носит ритуально-культурный характер. Наглядным примером таких ограничений являются постоянно действующие запреты употребления некоторых видов рыб, например, осетра, щуки, налима» [9, с.243]. Однако в настоящее время инородцы становятся менее суеверными и нарушают некоторые из табу. «Смягчить категоричность многих запретов помогают некоторые правила, выработанные народом. Например, женщине нельзя разделять щуку, осетра, налима, так как они считаются

священными. Но в отсутствие мужчины ненецкой женщине допускается это делать, сказав при этом: «*вауыда яугоя*» - «пусть не будет греха»» [9, с.244].

Более того, Ф.Л. Шарифуллина и Г.А. Кадырова в своей статье «Следы самодийцев в традиционной культуре татар» указали, что у татар также существовало особое отношение к данной рыбе. «В прошлом у касимовских татар, исторически тесно связанных с Сибирью, бытовал запрет на ловлю таких рыб как щука и налим» [10, с.169]. Не исключено, что данный культ мог быть заимствован вследствие постоянных контактов с самодийцами.

В результате, исходя из приведённых выше свидетельств, можно говорить о наличии культа Щуки у некоторых народов, проживающих на территории Сибири.

Литература

1. К. Доннер. У самоедов в Сибири. – Томск, Изд-во «Ветер», 2008. – С.28-29.
2. Колесникова С.Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов// Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000.– С.83-85.
3. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. – Томск, Изд-во НТЛ, 1997. – с.130-134.
4. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире// Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. - Л., Наука, 1976. – С.106-128.
5. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 1972.– С.114.
6. Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А. и др. Мифология селькупов. - Томск, Изд-во Том. ун-та, 2004.– С. 94-95, с.151.
7. László Szabó. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary. - Bloomington, Indiana Uni-ty, 1967. – С. 45.
8. Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края// ЗСО РГО.–Т.IV.–Омск, 1882.–С. 50.
9. Харючи Г.П. Запреты у ненцев (традиции и инновации)// Самодийцы. - Тобольск – Омск, ОмГПУ, 2001. С. 243-244.
10. Шарифуллина Ф.Л., Кадырова Г.А. Следы самодийцев в традиционной культуре татар// Самодийцы. - Тобольск – Омск, ОмГПУ, 2001. С. 169.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИСПАНСКОЙ ПРЕССЫ

Р.В. Денико

Томский политехнический университет

Данная статья посвящена особенностям языка испанской прессы. Сам язык прессы как таковой, является достаточно интересным явлением. С одной стороны язык, на котором говорят печатные СМИ, должен быть понятен абсолютному большинству разнообразной аудитории. Следовательно, он должен пользоваться повседневной разговорной лексикой, и даже включать сниженную лексику, например жаргонизмы, сленг, распространённый в молодёжной среде, коллоквиальные элементы и т. д. С другой стороны, СМИ ставят своей задачей максимальное воздействие на читателя на эмоциональном уровне. Поэтому, в языке печатных СМИ часто используются стилистические, художественные приёмы: метафоры, метонимии, эпитеты и т. д. Данное исследование выполнялось на материале газет *El Publico*, *El Mundo*, и *El Economista*.

По результатам исследования было выделено несколько особенностей газетного языка в Испании.

1. Широкое употребление авторских неологизмов. Данные неологизмы создаются самими авторами статей, и носят окказиональный, сиюминутный характер. Они нужны для создания понятного всем, броского образа. Наиболее распространёнными способами создания таких неологизмов являются:

а) Деривация. Например, слова с приставками *filo-*, *paleo-*, *para-*, *re-*, *a-*. Примеры: “*La indignación de Alberdi contagió a Adapito Maestre, el filósofo filopopular...*” (“*El Publico* 17 de octubre de 2008) В данном случае, слово *filopopular* означает приверженца одной из

политических партий Испании – Partido Popular (filo- “любить”, popular=Partido Popular). “Palin paleoliberal” (El Economista 23 de Julio de 2007). В данном случае говорится об американском сенаторе Палин, приверженице старых норм либеральной политики (paleo- “древний”, liberal – либеральный). “...la conexión entre políticos y paramilitares”. (El Publico 17 de octubre de 2008). Здесь говорится об организациях имеющих структуру, либо внутренне устройство как в вооруженных силах, но к таковым не относящихся (para- “псевдо”, militar – военный). Приставки re- и a- используются довольно часто: renacer- возродиться, redemocratizar – вновь демократизировать, suavizar – делать более мягким, более подходящим (об условиях), aflorar – расцветать.

Среди суффиксов наиболее интересны: -ismo, -dor, -iano, -ista. Например: “...un lenguaje que rezuma machismo, clasismo y racismo...”. (El Publico 17 de octubre de 2008). В данном случае machismo это обозначение социальной политики и установки на превосходство мужчин, a clasismo – слово, указывающий на политику превосходства одного класса над другим; “...el kirchnerismo no ha logrado crear en su cuatro años en el poder”. (El Economista 23 de Julio de 2007). Здесь el kirchnerismo – политика Киршнера, бывшего президента Аргентины. Также: “...tendencia centroizquierdista” (El Economista 23 de Julio de 2007) – левоцентристская тенденция; “peronista” (El Economista 23 de Julio de 2007) – приверженец бывшего президента Аргентины Эвиты Перон; “...los bajistas no han ganado”. (El Economista 23 de Julio de 2007). Bajistas – люди играющие на понижение на бирже (bajo – низкий). Также можно упомянуть суффиксы -dor и -iano, например: “seguidores solares” (El Economista 23 de Julio de 2007) – солнечные батареи, поворачивающиеся вслед за ходом солнца (seguir – следовать); “...todos los harrypoterianos del mundo” (El Economista 23 de Julio de 2007). В данном случае говорится о поклонниках Гарри Поттера во всём мире.

Также с помощью прибавления окончаний, могут образовываться различные глаголы: capitanear – стоять во главе чего-либо (capitaneador – капитан), hipotecarse – брать ипотеку, catapultarse – взлетать (о ценах), rentabilizar – делать рентабельным.

б) Словосложение. Также достаточно распространённый способ. Например: “...las empresas casa-tesoras” (El Publico 20 de octubre de 2008) – фирмы занимающиеся поиском и подъёмом сокровищ с затонувших кораблей (empresa – “фирма”, caza – “охота”, “tesoros” – “сокровища”). “obligaciones paterno-filiales” – отеческо-сыновние обязанности. Иногда, слово может быть образовано с помощью сразу двух способов: “mileurismo” – постоянные обещания повысить социальные выплаты до 1000 евро (mil – “тысяча” + euro + ismo) (El Economista 23 de Julio de 2007).

в) Еще одним интересным способом является опущение одного из частей устойчивого выражения. При этом оставшаяся часть может подвергаться конверсии. Например: el largometraje ← el film de largometraje – полнометражное кино, los finos ← los platos finos – изысканные блюда, las constructoras ← las empresas constructoras – строительные фирмы, el crudo ← el petroleo crudo – сырая нефть, el cumber ← el conferencia cumber – совещание на высшем уровне.

г) Семантические неологизмы. То есть, слова при определенном использовании, приобретают новое значение. Часто это происходит на основе метафоры или метонимии. Например: “...la cúpula militar franquista..” (El Mundo 14 de Junio de 2008). Cúpula – означает купол или свод; здесь: верхушка фашистской партии; “...ex sindicalista de larga trayectoria” (El Mundo 14 de Junio de 2008) – здесь trayectoria означает “карьера”; “...embridar a la banca.” – embridar – буквально означает “взнуздывать”, здесь: побуждать к действию; “la velada de los políticos” – velada букв. “вечеринка”, здесь “встреча на высшем уровне”. (El Publico 20 de octubre de 2008).

2. Несмотря на то, что Испанская Королевская Академия ставит определённые преграды на пути проникновения иностранных слов в Испанский язык, иностранные заимствования используются достаточно продуктивно. При этом они используются напрямую: “...victimas del crash”, (El Publico 17 de octubre de 2008). “...llevar a este gang”, (El Publico 20 de octubre de 2008). “...Time ha realizado un curioso ranking, el de las cinco peores webs...”, (El Publico 25 de octubre de 2008). “...avatars animados...”, (El Publico 20 de octubre de 2008). “...la compañía desarrolla

software...”, (El Publico 17 de octubre de 2008). “...infraestructuras para un resort de la maxima calidad...” (El Economista 23 de Julio de 2007) и т.д. Однако существуют и кальки с английского языка: “celebridad” – celebrity, “...directora del marketing del grupo Sanches...”, “promociones” – promotion, “...el todoterreno Pathfinder” – all-road, “los temas candentes” – issues (El Economista 23 de Julio de 2007) и т. д.

3. Ещё одной особенностью языка испанской прессы является употребление сниженной лексики: жаргонизмов, сленга и т. д. Например: “...estaban presentes en todas las quinielas realizadas”. Quiniela означает лотерея, но как коллоквиальное выражение, оно означает “прогноз”. “...que narices es la laicismo radical”. “Que narices – буквально означает “что это, чёрт побери, такое”. Близко к этому выражению и выражение “¿En que diablos quedamos?”. “...el golpista Tejero Molina le propinó una paliza”. Propinar una poliza – “прописать взбучку”.

4. Ещё одной особенностью является использование идиоматических выражений. Например: “...el magistrado guardaba as en la manga”. – as en la manga букв. “туз в рукаве”; “...le tomó el pelo a Gibson...” – tomar el pelo букв. “обмануть кого-то”; “...medico es un santo varón”. – santo varón – “добрый малый”; “...el Nobel importa ya a tres pepinos”. – importar a tres pepinos букв. “никого не волновать, быть абсолютно неважным”.

5. Никакая газета не обходится без газетных штампов. Используются они и в испанской прессе. Например: “la crimen contra la humanidad” – преступление против человека; “dar luz verde” – дать зелёный свет; “paraiso fiscal” – налоговый рай; “dinero negro” – чёрные деньги; “lavar el dinero” – отмывать деньги; “imperio del Mercado” – рыночная империя; “contrato blindado” – скрытые контракты; “quedarse sobre el papel” – остаться на бумаге и многое другое; и т. д.

6. В испанских газетах также широко представлены стилистические приёмы. Особенно широко применяются метафоры, метонимии и эпитеты. Например: “...se estaba agujereando una densa capa de silencio”. – букв. толстый слой молчания был проткнут словно иглой (метафора); “...el terremoto que esta sacudiendo nuestros casos.” – землетрясение, которое сотрясает наши дома (метафора), “...pulmones sangrantes, como devorados por las fieras.” - ...кровоточащие лёгкие, как будто пожираемые хищными зверями (метафора), “...el Mercado que descarilla.” - ...рынок, который сходит с рельс (метафора). “...el resultado son las Principe de Asturias y Cervantes” - ...а в результате премии Принца Астурийского и Сервантеса (метонимия), “...tarrareabamos a ABBA...” - ...мы напевали себе под нос песни группы ABBA (метонимия), “...Savater gana el Planeta”. – ...Саватер завоёвывает премию Планета (метонимия). Эпитеты: “...Bush, este maligno producto de la naturaleza” (El Publico 17 de octubre de 2008) - ...Буш, это вредное порождение природы, “...la mal llamada democracia norteamericana...” (El Publico 20 de octubre de 2008) – зло, называемое североамериканской демократией, “...inevitables Paul Auster y Goitysolo” (El Publico 25 de octubre de 2008) - ...неизбежные Пол Остер и Гойтисоло, “...el gran motor economico mundial” – ...огромный мотор мировой экономики.

Таким образом, из приведённых данных видно, что язык испанской прессы использует множество выразительных средств, для того, чтобы в полном объёме донести до читателя информацию, при этом достигая полного воздействия на эмоциональном уровне. Некоторые из этих особенностей характерны для языка прессы в общем, а некоторые носят окказиональный характер и связаны с теми или иными испанскими реалиями, знание которых необходимо для понимания испанской прессы.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования на материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007.
2. Большой испанско-русский словарь (ред. Б. П. Нарумов). М.: Русский язык медиа, 2005.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Ф.Л. Косицкая

Томский государственный педагогический университет

В свете современной лингвистической парадигмы-функционализма - изучение речевых жанров является особенно актуальным. М.М.Бахтин назвал проблему речевых жанров (далее РЖ) одной из важнейших узловых проблем филологии. Несмотря на крайнюю разнородность речевых жанров, от бытового рассказа до многообразных форм научных выступлений и всех литературных жанров (от поговорки до многотомного романа), М.М. Бахтин не исключал единой плоскости их изучения [1, с. 238]. По М.М. Бахтину речевые жанры – это тематически и ситуативно обусловленные типы высказывания, характеризующиеся формально-синтагматическими и функциональными отличиями друг от друга. Ученый указывал на особую конститутивную функцию жанров в человеческом общении: «Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы <...>. Если бы речевых жанров не существовало <...>, речевое общение было бы почти невозможно» [там же, с. 257-258].

Изучение РЖ имеет свою историю, как в отечественной русистике, так и за рубежом, но, несмотря на это, не выработано единого взгляда на определение жанров речи, определения основной единицы исследования, их структуру и типологию. В.Е. Гольдин отмечает: «Понятие жанр речи «втиснуто», если можно так выразиться, между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [2, с. 5]

Речевые жанры рассматриваются в различных аспектах: общефилологическом (М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева), дискурсивном (И.Н. Борисова, М.Л. Макаров), стилистическом (М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, В.А. Салимовский), психолингвистическом (К.Ф. Седов), культурологическом (А. Вежбицкая, В.И. Карасик), риторическом (Я.Т. Рытникова, О.Б. Сиротинина), социопрагматическом (В.В. Дементьев, К.А. Долинин), коммуникативно-деятельностном (В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская), когнитивном (А.Г. Баранов, В.И. Провоторов).

В.В. Дементьев указывает, что в основу построения типологии речевых жанров разговорной речи может быть положено противопоставление следующих разграничительных признаков: первичные и вторичные жанры (по М.М. Бахтину); фатические и информативные; риторические и нериторические; конвенциональные и неконвенциональные; простые и сложные [3, с.85]. При этом, как полагает В.В. Дементьев, ведущая роль в разговорной речи принадлежит первичным непосредственным речевым жанрам. На их основе в опосредованных культурных сферах коммуникации развиваются разнообразные вторичные речевые жанры [там же].

При выделении интенциональных типов РЖ Т.В. Шмелева предлагает использовать идею «картографирования» действительности по модели или анкете РЖ из семи параметров: коммуникативная цель, адресант, адресат, диктумное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего, языковое воплощение. Все РЖ могут быть распределены на четыре типа в зависимости от того, в какой «мир» направлена коммуникативная цель жанра – мир информации, реальных событий, оценок или социальных отношений [4, с.94]. На основе критерия коммуникативной цели ученая различает четыре типа РЖ: информативные, императивные, оценочные и этикетные речевые жанры.

Для исследования жанровой природы каталога моды нами предложена модель речевого жанра из 10 параметров (отнесенность к функциональному стилю, невербальные средства выражения и набор речевых актов (далее РА) в речевом жанре- добавлены к модели Шмелевой). «Речевой жанр это единица речи, представляющая собой типовую модель, объединенную единством цели, темы и композиции, воплощенную в одном и множестве текстов, реализованную с помощью вербальных и невербальных средств и состоящую из одного и ли нескольких речевых актов [5, с.23-24]. В результате контрастивного анализа французского и русского каталогов моды были описаны 51 РЖ (французский каталог) и 19 РЖ

(русский каталог). Типологизация РЖ каталога моды выявила следующие типы: макрожанр, комплексный жанр, субжанр, ядерный жанр, вариант жанра.

Макрожанр - сложное жанровое образование, имеющее целевое и тематическое единство, а также сложную иерархическую структуру, формируемую совокупностью ядерных, комплексных, вариантов жанров и субжанров. Иначе, макрожанр - это сверхсложное жанровое образование, объединяющее множество неоднородных независимых жанров на основе тематического и целевого единства и имеющее сложную иерархическую структуру. По совокупности признаков каталог моды являются макрожанром.

Комплексный жанр - это жанровая форма, имеющая в составе два или несколько утративших свою самостоятельность жанров (субжанров), объединенных единством цели и темы.

Субжанр - это речевая единица, не имеющая функциональной самостоятельности в пределах каталога, входящая в его функционально – смысловую структуру через посредство комплексного речевого жанра. С другой стороны, структура комплексного жанра не мыслима без субжанров, т.к. это приводит к разрушению смыслового единства.

Ядерный жанр – это инвариант, отличающийся неизменностью формы.

Вариант речевого жанра – это речевой жанр, имеющий отличие от ядерного РЖ по одному или нескольким параметрам, отражает варьирование жанровой формы в зависимости от смены адресата.

Мы предлагаем следующую типологию жанровых форм каталога моды по девятнадцати параметрам. РЖ могут быть вторичными, письменно – речевыми, информативно-императивными, информативными императивно-оценочными и информативно-оценочными, они являются коллективным творчеством, всегда массово-ориентированные, предназначенные для печатного воспроизведения с сохранением, однократные и многократные, одноактные, двухактные и многоактные, инициальные и реактивные, креативные и служебные (вспомогательные), передаются через бумажный носитель, они определяются как композиционные, конвенциональные, терминологические, экспрессивные, экспрессивно-нейтральные, содержащие невербальные/паралингвистические средства, отредактированные, их коммуниканты дистантны.

На данный момент существуют два наиболее развитых основных направлений теории РЖ: лингвистическое изучение РЖ, или генристика, и прагматическое изучение РЖ, или жанроведение.

Лингвистическое изучение РЖ, или генристика, исходит из интенций говорящего, при этом опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов. Отметим, что многие исследователи считают теорию речевых актов западным аналогом отечественной теории речевых жанров. Прагматическое изучение РЖ (жанроведение), где прагматика понимается как часть семиотики, которая характеризуется “отношением знака к говорящему” (Ч. Пирс, Ч. Моррис) и где язык рассматривается не только в связи с “человеком говорящим”, но непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также — более широко — в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры. При прагматическом подходе РЖ понимается как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [6, с.11]. Два направления едины. Жанр является средством формализации коммуникации, формой коммуникации. Отдельные ученые видят в нем переходное явление между языком и речью. Коммуникативная генристика, синтетическое направление теории речевых жанров, позволяет изучать жанровую системность как формальной, так и содержательной стороны речи. Таким образом, коммуникативная генристика позволяет изучать синтактику, семантику и прагматику РЖ, учитывая диалогическую сущность РЖ, различие РЖ по степени жесткости, различие речевых и риторических жанров, а также историю РЖ и различие первичных и вторичных РЖ.

В XXI веке жанроведческие исследования не перестали быть актуальными, жанры существуют и до сих пор исследованы недостаточно, ученые стремятся найти подходящее место для РЖ в уже сложившейся, изначально ориентированной на другие приоритеты и задачи

когнитивной теории, осмыслить их генетическую связь. Теория речевых жанров и лингвокультурология (вместе с теорией концептов), в их современном виде, суть проявления двух глобальных тенденций общей научной парадигмы в языкознании конца XX – начала XXI веков: с одной стороны, это функциональный подход к языку оба подхода – функциональный и когнитивный – нередко объединяются как проявления общей антропологической научной парадигмы в языкознании. «В основу лингвокультурологической / концептологической типологии РЖ предложено: деление жанров и жанровых образований, используемых в коммуникативном пространстве внутри определенной речевой культуры. Адекватная типология речевых жанров должна учитывать наиболее важные (типологические) свойства жанровых картин мира, стоящих за жанрами, разные системы коммуникативных ценностей. Рассмотрение РЖ с лингвокультурологических позиций, как и выделение в составе концепта жанрового смыслового компонента, выводят исследователя на целый ряд качественно новых проблем, например, конкретное композиционно-тематически-стилистическое наполнение коммуникативных концептов, лингвокультурологический анализ зафиксированных в языке имен жанров и их структурных элементов, структура жанровой картины мира [7, с.12, 32]. Это удел лингвистической дисциплины - когнитивной генристики.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
3. Дементьев В.В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
4. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра// Жанры речи. Саратов, 1997. Вып.1.
5. Косицкая Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды. Дисс. канд. филол. наук, Томск, 2005.
6. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения «комплимент», «ссора», «колкость»// Жанры речи. Саратов, 1997. С.188-195.
7. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности// Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.

ГЛАГОЛ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ «ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ»

О.О. Максименко

Бийский педагогический государственный университет

О.В. Трунова

Алтайская государственная педагогическая академия

Мир нельзя представить статичным. Основным способом его существования является движение, которое представляет собой изменение свойств и признаков объектов действительности, а также изменение взаимоотношений между ними. Процесс развития окружающего мира заключается в исчезновении старого и появлении нового. Каждый объект, существующий в окружающей действительности, всегда существует в определенном состоянии. Это значит, что он обладает какими-либо свойствами, вступает в отношения с окружающими предметами и в этих отношениях проявляет свои характеристики. При утрате объектом своих изначально зафиксированных признаков говорят о том, что состояние объекта отлично от его прошлого состояния, т.е. изменилось. Изменения могут иметь характер глобального процесса, а могут проходить в определенном ограниченном пространстве.

В языке существует большое количество средств, с помощью которых можно выразить самые разнообразные изменения. Это и словообразовательные элементы, и грамматические формы, и лексические единицы.

Одной из форм реализации понятия «изменение состояния» является глагол, который занимает особое место в системе английского языка. Ю.С. Маслов определяет глагол как часть речи, которая выражает грамматическое значение действия, т. е. признака динамического, протекающего во времени. Согласно функциональной классификации, глаголы делятся на знаменательные и служебные. Служебные, в свою очередь, подразделяются на вспомогательные и связочные. Грамматическая функция глаголов-связок состоит в указании на связь предмета или явления с каким-либо его признаком. Глаголы-связки также выступают с обесцвеченной лексической семантикой, но последняя в какой-то мере отражена в характере передаваемой ими связи [2, с. 48].

Кроме глаголов-связок существуют полусвязочные глаголы. Это группа глаголов промежуточного статуса (переход от однозначности к функциональности), отличающихся спецификой взаимодействия глагола, прилагательного и существительного в рамках одной синтаксической конструкции. Наполнение подкласса ограничивается следующими глаголами: *to become, to fall, to get, to go, to grow, to run, to turn*. В семантике данных глаголов присутствует общая сема [изменение], которая в определенной степени сохраняется при частичной утрате глаголом своего денотативного значения и его переходе в разряд полусвязочных единиц. Однако, принимая во внимание степень выраженности семы [изменение], представляется возможным разделить данные глаголы на четыре подгруппы:

К первой группе относятся глаголы, которые по своей денотативной семантике означают переход из одного состояния в другое. Это глаголы *to become* и *to grow*. Данное значение является для них основным, поэтому они могут указывать на изменение состояния, выступая как в функции однозначных глаголов, так и в функции полусвязочных. Наиболее часто употребляемые сочетания прилагательных с глаголом *become*, такие как *to become bent* (согнуться), *to become brown* (черстветь, портиться), *to become carious* (гнить, портиться), а также с глаголом *to grow* (*to grow dark* – темнеть, *to grow old* – стареть, *to grow pale* – бледнеть), показывают, что идёт нарастание признака.

Например:

*When our eyes met, I felt that I was **growing pale**...* [6, с. 11].

Ко второй группе относится один глагол *get*. Он передаёт идею приобретения в своем основном значении: выражает изменение, которое является следствием взаимодействия объектов друг с другом. В случае, когда этот глагол выступает в функции полусвязочного, сема [изменение] реализуется посредством указания на приобретение нового признака:

*I should have thought they had **got tired** of that by this time...* [6, с.263].

К третьей группе относятся глаголы *turn* и *fall*, в которых сема [изменение] реализуется через передачу изменений пространственного положения объекта, происходящих за ограниченно короткий промежуток времени:

*He **turned** to meet the pale face of old Vine, the steward* [4, с. 37] .

Однако при утрате денотативного значения глаголы данной группы также имеют возможность передавать значение изменения, выступая в функции полусвязочных в сочетании с прилагательными: *to turn red* – покраснеть, *to turn black* – почернеть, *to fall dumb* – онеметь, *to fall sick* – заболеть. В данном случае они приобретают семантику «поворота, отклонения от состояния».

*As soon as he got behind him, he seized it and **turned round*** [6, с. 199].

Глаголы *to run* и *to go*, отнесенные к последней группе, не имеют четкого указания на изменения состояния в своем основном значении. Их семантика в большей степени подразумевает указание на процессуальность, чем на результативность. Но они чётко передают значение изменения, когда выступают в функции полусвязочных (*to go gray* – поседеть, *to go sick* – захворать, *to run dry* – засохнуть, *to run cold* – похолодеть).

*Suddenly his blood **ran cold** as he realized the content of Collos's confidential monologue* [5, с.115].

Глагол в сочетании «глагол изменения состояния и прилагательное» всегда является ядром, тогда как прилагательное выступает в роли адьюнкта, причём ограничительного.

Адьюнкт (прилагательное) специализирует, уточняет значение глагола и играет в смысловом плане главную роль. Таким образом, полусвязочный глагол, выступая в сочетании с прилагательным, утрачивает своё основное значение, но сохраняет в структуре значения сему [изменение].

Литература

1. Бондаренко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 136 с.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981. – с.48.
3. Сахарова Т.А. Особенности восприятия ситуаций изменения состояния: Материалы конференции молодых учёных. – В 2 частях. – Барнаул, 2003. – Ч.2. – с. 117-122.
4. Chesteron G.K. The Adventures of Father Brown. – Moscow, 2001. – p.37.
5. Fitzgerald F.S. Tender in the Night. – Moscow, 1983. – p.115.
6. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. – Новосибирск, 2000. – с. 11, 199, 263.

К ВОПРОСУ О БИБЛЕЙСКИХ АЛЛЮЗИЯХ В РОМАНЕ ЮЛИАНА БАРНСА «ИСТОРИЯ МИРА В 10 ½ ГЛАВАХ»

Н.Б. Мединская

Томский государственный педагогический университет

Юлиан Барнс (1946-) является одним из ярких современных английских писателей, чье творчество относят к постмодернизму - течению в искусстве, и в частности в литературе, возникшее в конце двадцатого века и применяющее сплав различных стилей прошлого на свободных пространствах классических форм, часто с ироническим эффектом. Предполагается, что эта слегка неестественная фамильярность должна вызывать больший интерес, чем строгие формы модернизма. Однако постмодернизм Барнса означает скорее иное понимание, а не отрицание радикализма модернизма.

Роман «История мира в 10 ½ главах»(1989) - одно из лучших произведений Барнса. Здесь писатель продолжает линию иронического подхода к истории, начатого им в романе «Попугай Флобера» (1984).

Название романа «История мира в 10 ½ главах» является аллюзией заголовка незавершенного труда Вальтера Роли (1554-1618). Как известно, Роли был не только путешественником, писателем, историком, но и организатором пиратских экспедиций. Свой труд «История мира» (1614) он писал в заключении и описал только часть Ветхого Завета, начиная с сотворения мира и кончая историей евреев и египтян. (2 век до нашей эры). В то время как Роли сделал грандиозную попытку описать всю историю человечества, Барнс уже в заголовке показывает свое ироническое отношение к объективности подобных попыток, во-первых, вводя провокационную фразу « в 10 ½ главах», а во-вторых, заменяя определенный артикль в слове «история» на неопределенный и подчеркивая этим, что его интерпретация истории мира является одной из многих вероятных. Таким образом, Барнс уже в самом начале романа показывает свой взгляд на субъективность истории, иногда диаметрально противоположно интерпретирующей одни и те же факты.

Барнс использует в романе фрагменты истории мира, которые тем не менее связаны так или иначе между собой. Роман начинается с описания Потопа и Ноева Ковчега от первого лица, и только в самом конце главы 1 «Безбилетный пассажир» читатель узнает, что повествователь-моралист – это никто иной как древесный жучок, для которого человечество является неразвитым видом в сравнении с животными. Тот же самодовольный голос слышен в главе 3 «Войны религии», этот жучок уже является обвиняемым во французском суде 1520 г. в деле о епископе, который сошел с ума, упав со стула, ножка которого была прогрызена этим жучком. Глава 4 «Та, которая выжила» написана от лица женщины, пережившей мировую атомную

войну, отправившись в море с запасом пищи и двумя кошками. В главе 5 «Кораблекрушение» повествование ведется от лица искусствоведа; эпистолярный стиль главы 8 «Вверх по течению» передает манеру общения некоего актера, по стечению обстоятельств попавшего в джунгли; в главе 9 «Проект Арарат» описывается история американского астронавта, который на луне слышит голос Бога, повелевающего ему найти останки Ноева Ковчега на горе Арарат. Наконец, последняя 10 глава «Сон» или «Мечта» является описанием рая в понимании современного человека. Барнс доводит это восприятие до абсурда, показывая рай как вариант многозвездочного отеля, где можно заказать все, от встречи с великими людьми до бесконечных игр в гольф. Кроме того, в романе есть «Интермедия», или ½ главы, где голос повествователя очень близок позиции самого автора в рассуждении о любви.

Таким образом, диапазон голосов в книге удивительно широк, эта широта перекликается с хронологической непоследовательностью. Для облегчения восприятия читателем романа как единого целого Барнс вводит ряд связующих элементов. В то же время эта непоследовательность отражает взгляд на историю самого писателя, который подчас е видит в мире никаких связующих компонентов, никакого порядка, и для которого жизнь – это хаос, где время от времени наблюдается небольшой прогресс.

Рассмотрим некоторые из связующих элементов романа, напрямую связанных с Библией. Во многих главах повторяются слова «ковчег», «чистые», «нечистые». Эти понятия у Барнса несут дополнительную семантическую нагрузку. Например, предполагается, что Ковчег должен хранить его обитателей от непогоды, однако у Барнса ковчег превращается в тюрьму как для животных, так и для людей, которые становятся жертвами тех, кто обладает властью и сообразуясь с собственной выгодой подразделяет всех на «чистых» и «нечистых».

В первой главе при описании пассажиров Ноева ковчега Барнс выводит образ оленей, боящихся Ноя, отмечая, что «это был не просто страх перед Ноем, это было нечто более глубокое.» Олени предвидят будущее. Однако, Барнс показывает то, что их пугает, только в главе 4. В результате чернойбыльской катастрофы олени Норвегии получили высокую дозу облучения, они убиваются и скармливаются норкам. Героиня комментирует: «Мы наказываем животных с самого начала». Таким образом, человечество, начиная с Ноя и его семьи, так и продолжает сортировать живущих на «чистых» и «нечистых». Барнс подводит читателя к выводу, что те, кто стоят у власти, всегда пытаются упрочить свое положение, создавая себе объект для ненависти. Тот же мотив деления на «чистых» и «нечистых» возникает и в главе 7, где пересказывается реальная история корабля с беженцами из нацистской Германии. Для читателя, который помнит, что в Ветхом Завете Бог вызвал дождь, который лил 40 дней и ночей, Барнс комментирует, что 350 беженцев-евреев провели на корабле ровно 40 дней и ночей. Этот библейский период времени также является сроком пребывания Иисуса в пустыне, а Моисея на горе Синай.

В главе 4 «Та, которая выжила» Барнс выводит образ современной Девы Марии, воплотившей образ своего поколения, через неверие пробивающийся к истине. Итак, многочисленные детали романа Барнс преобразует в символы или условные знаки, которые непосредственно связываются с мировоззрением писателя, отравленного прагматизмом и скепсисом современной эпохи. Барнс постоянно сомневается в разумности окружающей его действительности, ирония и сатира пронизывает весь роман. Тем не менее, писатель открывает новые богатые возможности художественной интерпретации, получившие характер современного мифотворчества.

Литература

1. Barnes, Julian. A History of the World in 10 1/2 Chapters. England, Picador, 1989.
2. Saunders, Kate. From Flaubert's Parrot to Noah's Woodworm. London, Sunday Times, 18 June 1989.

ВАЛЕНТНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ АНАЛИЗА

Е.Ю. Моисеева

Томский государственный педагогический университет

Изучение проблемы валентности является одним из перспективных направлений современной лингвистики. Причиной тому послужила малая исследованность этого аспекта лингвистической науки, а также большое количество нерешенных или спорных вопросов в области валентности.

Начало исследованиям положили работы Л. Теньера по грамматике зависимостей и работы А.В. де Гроота. Именно Теньер дал определение валентности как способности слова, носителя валентности, (в его работах речь шла исключительно о глаголе) сочетаться в тексте с другой языковой единицей. Л. Теньер уделял внимание исключительно синтаксической валентности глагола, т.е. его способности синтаксически подчинять себе определенное количество различных частей речи. Однако вскоре выяснилось, что для исследования и описания феномена валентности недостаточно изучения только поверхностных связей слова. Кроме того, связи, подобные глагольным, присущи и другим частям речи, в частности прилагательным и существительным. Также в ходе исследований стало ясно, что синтаксические связи носителя валентности могут быть и не обязательны (к примеру, наличие у глагола факультативных обстоятельств места, времени, причины).

Поворотным моментом в изучении валентности явилось понимание того, что синтаксические отношения слова не могут существовать отдельно от его семантики и семантических связей. «Слово, обладающее синтаксическими валентностями, всегда соотносится с ситуацией, имеющей некоторый набор обязательных участников; эти участники выражаются при слове поверхностно, заполняя синтаксические валентности, тем самым, синтаксические валентности эксплицируют те семантические отношения, которые связывают имя ситуации и имена ее участников» [1]. Таким образом, в лингвистике появляется понятие не только синтаксической, но и семантической валентности слова.

Более полное определение термина валентности было дано Г. Хельбигом и В. Шенкелем в их «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов». Авторы пришли к выводу, что «под валентностью понимается способность глагола (или другой части речи) создавать вокруг себя определенные открытые позиции, <...> тем самым, валентность <...> представляет собой как семантическое, так и синтаксическое выявление открытых позиций, а также синтаксическое их заполнение» [2, с.147]. Открытые позиции могут заполняться облигаторно или факультативно, «они закреплены в позиционном плане глагола (или другого носителя валентности) и включены в его значение» [2, с.148]. Члены, заполняющие данные открытые позиции были названы актантами.

Г. Хельбиг и В. Шенкель предложили трехступенчатую модель анализа валентности глагола. На первой ступени устанавливается количественный состав актантов, т.е. синтаксическая валентность в узком смысле. Облигаторные актанты предлагается давать без скобок, а факультативные в скобках. Например, глагол berichten₁₊₍₂₎₌₃ (Ich berichte ihm über meine Reise / mein Erlebnis). На второй ступени определяется синтаксическое окружение глагола, т.е. синтаксические роли его актантов: berichten → Sn, (Sd), (Sa/pS/NS)¹. И, наконец, на третьей ступени указываются семантические окружения глаголов, и уточняется семантическая сочетаемость единиц. Очевидно, что у большинства слов возможны не любые актанты, а только имеющие определенную семантическую наполненность [2, с.148-150].

Семантическая валентность, тем самым, представляется аналогом семантических ролей актантов наподобие падежных. Одним из первых теорию семантических падежей выдвинул Ч.И. Филмор. Ее основой является утверждение о том, что традиционные немецкие падежи представляют собой лишь поверхностные формы, сообщающие нам о качестве актантов при

¹ Sn – существительное в номинативе, Sd – существительное в дативе, Sa – существительное в аккузативе, pS – существительное с предлогом, NS – придаточное предложение

анализе их синтаксической валентности. Семантические падежи, в свою очередь, являются «глубинными» и показывают семантические связи актантов в предложении. Филмор выделяет следующие семантические падежи: агентив, инструменталь, датив, локатив, фактитив и объектив. В ходе исследований стало очевидно, что традиционному, поверхностному падежу может соответствовать несколько различных семантических падежей и наоборот.

Например, *Er schließt die Tür; Der Riegel schließt die Tür; Die Tür schließt sich*. Актанты *er, der Riegel* и *die Tür* стоят в предложении в номинативе, однако с точки зрения семантических отношений представлены различными падежами (агентив, инструменталь и объектив соответственно) [2, с.160-161]. В предложениях *Er betrat das Zimmer* и *Er trat ins Zimmer* оба актанта *das Zimmer, ins Zimmer* стоят в одном семантическом падеже – локативе, в то же время, обладают различной синтаксической структурой (аккузатив и предложная группа).

Разработкой теории семантических падежей и валентностей также занимался Ю.Д. Апресян. В своей книге «Лексическая семантика» он выделяет 25 типов семантических падежей (валентность субъекта, контрагента, реципиента и т.д.) [3, с.119-133]. Также автор доказывает, что с образованием нового слова происходит наследование им валентности исходного слова. Данный процесс объясняет природу семантических валентностей (ср. *berichten* → *Bericht*), однако суть этого процесса до сих пор детально не исследована и не получила достойного объяснения. Невыясненными остаются, к примеру, различия в синтаксическом оформлении исходных и унаследованных валентностей, например, *sich interessieren für etwas / jemanden*, но *Interesse an etwas / jemandem* [4, с.187-192].

Согласно М.Д. Степановой и Г. Хельбиг среднее число валентностей слова составляет 3-4, хотя встречаются и одновалентные, и шестивалентные (шестиместные) слова. Вполне естественно, что не все шесть валентностей могут быть выражены сразу. Таким образом, следует классифицировать валентностных партнеров и отграничить необходимые (облигаторные) и не необходимые (факультативные) актанты, причем не только на синтаксическом, но и на семантическом уровне [2, с.175-179].

На синтаксическом уровне были предложены следующие методы отграничения: метод «синтаксического минимума» (Х. Ренике), «метод отчеркивания» (Л. Вейсгербер и П. Гребе) и «метод опускания» или «тест на элиминирование» (Х. Глинц). Последний заключался в опускании различных членов предложения и давал наибольшую точность. Актанты опускались до тех пор, пока предложение оставалось грамматически правильным (грамматичным). Если остаток предложения грамматичен, то опущенные актанты считаются факультативными, если нет, то можно говорить об облигаторности актантов. Во время анализа выяснилось, что в предложении присутствуют также элементы, синтаксически не связанные с носителем валентности, не закрепленные в его позиционном плане и свободно опускаемые и добавляемые в структуру практически любого предложения. Данные элементы получили название свободных распространителей [2, с.173-176].

Следует, однако, оговориться, что подобный метод не дает анализа семантической валентности носителя, а выявляет лишь его синтаксическую валентность. Особенно хорошо это заметно, когда речь идет о свободных распространителях. Если их чисто синтаксически можно добавить в любое предложение, то при семантическом анализе выявляется ряд ограничений такого добавления.

Например, грамматически и семантически верным будет следующее предложение: *Er aß sein Brot in der Schule / auf dem Bahnhof*, где *in der Schule / auf dem Bahnhof* являются свободными распространителями, которые могут быть опущены и свободно добавлены в предложение типа *Er beherrschte mehrere Fremdsprachen in der Schule*. Однако, если свободный распространитель *auf dem Bahnhof*, вполне логичный в первом примере, будет подставлен во второе предложение, то семантическая структура последнего будет нарушена: **Er beherrschte mehrere Fremdsprachen auf dem Bahnhof*. Таким образом, можно заключить, что метод элиминирования нацелен лишь на анализ синтаксической структуры предложения, синтаксической, но не семантической валентности носителя.

Ни один из выше перечисленных методов не может служить для анализа семантической валентности слова. Выбор метода анализа, таким образом, представляет здесь наибольшую трудность. Очевидно, что семантическая валентность может выражаться частично так же, как и синтаксическая, т.е. в данном случае правомерно было бы говорить о факультативных актантах или даже свободных распространителях. Исследователи выдвигают четыре причины невыражения семантической валентности: она заполняется анафорически, дейктически, не выражается как несущественная или изначально заполнена в самом толковании (т.е. слово обладает инкорпорированным или фиксированным актантом) [1].

При анафорическом заполнении семантической валентности элиминированные актанты, скорее всего, были выражены в предыдущем тексте. При дейктическом заполнении такие актанты подразумеваются из контекста или свидетельствуют о хорошо известном понятии в рамках данной коммуникации. Если определенные актанты не существенны в данный момент для говорящего, то они также будут элиминированы (ср. *Ich fuhr das Kind zur Schule*, факультативный актант *mit dem Auto* подразумевается в контексте предложения и не существует с точки зрения говорящего, куда более важным считается факультативный актант *zur Schule*, указывающий место назначения).

Носители валентности с инкорпорированным актантом не требуют его поверхностного выражения, поскольку данная валентность уже является одним из семантических компонентов носителя. Например, глагол *bezahlen* подразумевает актант *Geld*, который является инкорпорированным и не выражается синтаксически: *Er bezahlt sein Studium [mit Geld]* [1].

Принимая во внимание все выше изложенное, можно заключить, что связь между семантическими и синтаксическими валентностями не подразумевает их обязательного и однозначного соответствия. Синтаксических валентностей у слова может быть меньше, чем семантических, однако их может оказаться и больше. Такое увеличение числа валентностей обусловлено так называемым «расщеплением валентности». «При таком расщеплении глагол получает дополнительную синтаксическую валентность, которая соответствует семантической валентности одного из его актантов» [1]. Например, глагол *kratzen* требует облигаторного актанта *Rücken*, последний семантически подразумевает определенного владельца. В результате расщепления объектная валентность глагола дополняется синтаксической валентностью косвенного падежа: *Er kratzt seiner Frau den Rücken*.

В случае, если синтаксические отношения носителя не связаны с его семантическими отношениями, принято говорить о валентности активной и пассивной, которая характерна для всех частей речи. Под активной валентностью понимается способность носителя валентности (подчиняющего слова) иметь при себе определенные открытые позиции, которые заполняются его валентностными партнерами (зависимыми словами). Пассивная валентность – это способность валентностного партнера заполнять открытые позиции, образованные носителем валентности. Таким образом, можно сделать вывод, что глаголы обладают активной валентностью и являются, тем самым, носителями валентности; существительные и прилагательные могут быть активно и пассивно валентными, т.е. являться как носителями валентности, так и валентностными партнерами [2, с.170-171].

Например, прилагательное *hübsch* является валентностным партнером существительного *Mädchen*, которое, в свою очередь, выступает носителем валентности. Существительное обладает активной синтаксической валентностью, поскольку подчиняет себе прилагательное чисто синтаксически. Если говорить о валентности прилагательного, то можно охарактеризовать ее как пассивную в синтаксическом плане, но активную на семантическом уровне, где прилагательное *hübsch* характеризует существительное *Mädchen*.

На сегодняшний день валентность глагола (преимущественно синтаксическая) считается наиболее хорошо изученной в противовес валентностям других частей речи. Примечательным, однако, является тот факт, что новым направлением развития современной семантики и теории валентности является методика комплексного синтагматического анализа. Таким образом, объектом исследования становится не отдельно взятое слово или словосочетание, а целое предложение или текст, поскольку только с их помощью можно выявить поверхностные и

глубинные особенности носителей валентности и актантов и основательно проанализировать семантические и синтаксические связи последних.

Литература

1. Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]: Страница содержит статью о валентности. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VALENTNOST.html
2. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М.: Высш. школа, 1978. – С. 138-241
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Издательство «Наука», 1974. – С. 119-133
4. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М.: Издательство «Наука», 1967. – С. 187-192

ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ЭЛЕМЕНТА СОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ «СЕРДЦЕ» В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Персидская

Томский государственный педагогический университет

Названия частей тела – древнейший пласт лексики, непосредственно связанный с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающий культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам. Такая лексика называется соматической, то есть обозначает части тела человека и проявления его организма [1]. Эта лексическая группа относится к основному словарному фонду, который складывается в течение многих тысячелетий и отражает не только представления носителей языка о самих себе и о своем организме, но и об окружающем мире. Человек считается центром мироздания, поэтому «все языковые общества используют человеческое тело и его части как основу для описания и измерения других вещей и явлений в окружающем мире» [2, с.224]. Таким образом, изучение соматической лексики может дать представление о мировосприятии и миропонимании носителей того или иного языка. Следовательно, данная лексическая группа является ценным материалом для исследований.

Вопрос о том, какой орган человеческого тела является самым важным, можно рассматривать с точки зрения его роли и функции во внутреннем мире человека в той или иной языковой культуре. Однако определяющим критерием в данном случае будет средоточие душевного и духовного, так как это главный фактор, отделяющий человека от остального живого мира. “Вместилищем души у разных народов считаются различные органы: диафрагма, сердце, почки, глаза и даже пятки (например, в русском есть фразеологизм душа в пятки ушла)” [3, с. 35].

В большинстве языков главным органом выступает сердце. Так, сердце занимает ведущее место в русской и белорусской картинах мира. В русском языке лексема *сердце* определяется как: “(перен.) душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства” [3, с.35]. Лексема *сердце* имеет общий корень с лексемой *середина*. Вероятнее всего значение лексемы *сердце* происходит, по мнению М.В. Пименовой, от значения лексемы *середина*, так как сердце в наивной картине внутреннего мира – это середина тела, середина корпуса, середина/центр внутреннего мира человека [4, с.86]. В представлении носителей русского языка сердце – средоточие эмоций, чувств; оно является центром жизни вообще: физической, психической, духовной и душевной; сердцу приписывают все функции сознания, мышление, волю, желание, а также совесть. С одной стороны, сердце – точка соприкосновения с Богом, с другой –

источник греха. Таким образом, русский язык демонстрирует то, что сердце является как бы абсолютным центром всего человеческого [2, с.138-140].

Однако в других языковых картинах мира отмечается перенос рассмотренной функции на другой орган. Так, в языке догон роль органа, которому свойственна функция эмоциональных переживаний, выполняет печень [4, с.85]. В древнекитайском языке у человека выделялось 2 души: душа-хунь соотносилась с печенью, а душа-по соотносилась с легкими [4, с.89]. В языке ифалук внутренняя (эмоциональная) жизнь человека связывается с кишками [4, с.35]. Если предположить, что такое представление существует только в экзотических языках, то мы придем к ошибочному выводу, поскольку в английском языке роль этих внутренних органов во внутреннем мире также значима. Так, в английском языке имеется три лексемы со значением “кишка”: *intestine*, *gut*, *bowel*. Вторичными значениями данных лексем являются для *intestine* ‘внутренний’; для *gut* ‘мужество’, ‘выдержка’, ‘сила воли’; для *bowel* ‘внутренняя часть чего-либо’, ‘сострадание’. Лексема *heart* ‘сердце’ имеет одно из вторичных значений: «centre of emotions, esc. love; deepest part of nature» (букв. центр эмоций, особ. любви; главнейший компонент природы человека) [4, с.35]. Исходя из того, что вторичные значения лексем пересекаются, можно предположить, что данные органы играют не менее значимую роль во внутреннем мире человека английской языковой картины мира, чем сердце.

Однако, существует мнение, что в русской наивной картине внутреннего мира душа, а в английской картине внутреннего мира – дух располагаются в крови. Согласно М. В. Пименовой, в этом нет противоречия, так как душа/дух “... располагается в крови, которая в свою очередь, проходит через сердце” [4, с.87]. Она объясняет этот феномен тем, что “сердце – орган кровообращения, что указывает на близкое к нам по времени возникновение такого представления, вызванного научным интересом к анатомии человека и закреплением познаний в этой области в обыденных воззрениях” [4, с.87].

Теперь обратимся к селькупскому языку и посредством анализа лексических единиц выясним, какое место отводится сердцу в наивной картине внутреннего мира носителей данного языка.

В селькупском языке имеются основания для утверждения того факта, что сердце как внутренний орган связано с печенью. Так, в некоторых говорах для их обозначения используется либо одна лексема, ср. об. С *śed'* “сердце”, *śet'* “печень (коровы)”, либо соединение двух, т.е. самостоятельных наименований и сердца, и печени, ср. об. Ш *šed'i-miđ* (букв. сердце-печень).

Словообразовательные связи наименований сердца в селькупском языке позволяют проследить отражение его функций в культуре этноса. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в селькупском языке имеются три основных варианта наименования сердца: 1) об. С *śed'*, *śeć*, *śid'a*, *sit'*, *sed'*; кет. *śid'e*, *śitt'e*; тур. *śič'i*; ел. *śič'a*; тым. *śiže*; 2) об. Ш *š'id'*; *š'it'e*; *š'id'e*; вас. *š'id'e*; *š'id'*; *š'it'e*; тым. *š'ič'*; 3) об. Ч *χiž*. Аналаутные согласные составляют ряд регулярных звуковых соответствий *ś ~ š' ~ χ* [5, с.35-43].

Полагаем, что речь идет не столько о фонетических вариантах, сколько о словах с разным семантическим содержанием. Лексемы, совпадающие аналаутным палатальным сибилантом, с одной стороны, и аналаутным палатальным шипящим, с другой стороны, имеют как общие признаки, так и частные характеристики.

1. Наименования сердца с аналаутным палатальным сибилантом имеют словообразовательные связи, которые можно распределить по следующим группам: а) кет. *śid'e* “сердце” – *śid'embigu* “хрипеть”; *śid'embigi* “хриплый”; ел. *śič'a* “сердце” – *śič'ambiġo* “хрипеть”, “храпеть”; б) кет. *śitt'e* “сердце” – *śitt'eptigu* “обмануть”, “сболтнуть”; *śitt'a* “ложь”; об. С *śid'a* “сердце” – *śid'eptambagu* “обманывать”, “болтать”; *śid'eptaku* “обмануть”; *śid'a* “ложь”; в) тур. *śič'i* “сердце” – ел. *śič'ič'iqo* “пробудиться”; кет. *śitt'e* “сердце” – *śittagu* “проснуться”; тур. *śitteqolč'iqo* “проснуться”; кет. *śitelyelgu* “пробудить многих”; тым. *śiže* “сердце” – ел. *śitēqo* “проснуться”.

Значения рассмотренных производных глаголов позволяют выделить признак, характеризующий сердце как источник пробуждения, возрождения. Но сердце – это ещё и средоточие жизни.

Наименования сердца материально совпадают с лексемами: об. С *sid'a* “уголь”, “сажа”; кет. *s'id'e*, тур. *šič'i*, ел. *šič'*, ср.об. С *šidebo* “головешка”: *šid'ebo sōngin* “головешка тлеет”; тым. *šid'erbugu* “обуглиться”. Как известно, огонь охраняют, его “кормят”, поддерживают. Огонь, пламя и уголь – типичные символы сердца. Уголь является символом возрождения рода. Разжигание огня равносильно рождению, воскресению и передают его только представителям своего рода [6, с.130-131]. Глагол об. С *sōngigu* “тлеть” имеет положительную коннотацию, ср. об. С, кет. *soŋ* “хорошо”; кет. *soŋlaq* “лучшее”; *soŋ essəgu* “выздороветь”; об. С *soŋk'id'e* “чад”. Компонент -k'id композита *soŋk'id* можно сопоставить с лексемами кет. *qed*, вас. *qeda* “волшебство”.

Следует отметить ещё одно материальное совпадение наименования сердца с лексемой об. С *šid'a*, кет. *šitt'a* “ложь”. Производные глаголы об. С *šid'eptaku*, кет. *šitt'eptigu* имеют значения “обмануть”, “сболтнуть”. Сердце, на наш взгляд, обладая мудростью, “охраняет” источник жизни от злых духов через обман.

2. Наименования сердца с анлаутным палатальным шипящим имеют следующие словообразовательные связи: а) об. Ш *š'id* – *š'id'etku* “солгать”, “клеветать”; вас. *š'id'e* – *š'id'ettəgu* “солгать”; тым. *š'ič'* – об. Ч *š'iž'etku*, тым. *š'iž'etəgu* “солгать”; б) об. Ш *š'ide* – *š'idič'igu* “злиться”; в) тым. *š'ič'* – об. Ч *š'ič'ambu* “потратить”, “растратиться”; *š'iž'angu* “умереть”; *š'iž'etku* “обуглиться”.

Как видим, семантика глаголов, производных от лексем *š'id*, *š'ič'* лишь в одном случае совпадает с семантикой глаголов, производных от *šid*, *šič'* – в обозначении понятия “обман”. Следует отметить другие материальные совпадения, в частности, с числительным тур. *š'idi*, *š'iti* “два”, которое имеет также значение “в разные стороны”. В нем заложена идея раздвоения, разделения. Выражение этой идеи имплицитно присутствует в лексемах вас. *š'id'e* “сердце”, “грудь”; тым. *š'ič'* “сердце”, “душа”, эксплицитно – в лексемах об. Ш *š'id'el* “сердце” (1-овый элемент обозначает дробление, деление целого на части, что ведет к обозначению уменьшительности, ср. вас. *š'id'el'aga* “уголек”), об. Ш *š'idla* “лопатки” (букв. поделенное сердце); об. Ч *š'idəhurtel* “двойной”, “двоюродный” (*š'idə* “сердце”, *hur* “слой”, *tel* “свет”, “солнце”). Эта же идея заложена в порядковом числительном об. Ч, вас. *š'idəmžel* “второй”, “другой”.

Общим для наименований сердца является материальное совпадение с лексемами об. Ш *š'id*, тым. *š'idə* “зола”, “пепел”, “сажа”, “уголь”. И здесь мы также видим расширение значений: с одной стороны, “зола”, “пепел”, с другой – “уголь”, “сажа”. Полагаем, что идея разделения присуща корню *š'i-* в отличие от корня *ši-* с идеей единения всех начал для появления жизни. В этом случае наименование сердца *š'id* стало основой для отделения духовного от материального, о чем свидетельствуют значения “сердце” и “душа”, совмещенные в одной лексеме. Дальнейшее семантическое развитие идет в направлении “злиться”, а это особое состояние души, ее метания в разные стороны. Об этом же свидетельствуют глаголы об. Ч *š'iž'ambu* “потратить” (душевные силы); *š'iž'angu* “умереть (букв. душа-начало)”, т.е. душе вернуться к истоку.

Из этого лексического пласта реконструируется фрагмент картины мира, раскрывающий разделение двух миров – Верхнего и Среднего, причем раздвоение, разнонаправленность – противоположный процесс стремлению к единству.

Понятие “обман” в обозначении лексемами от корня *š'ič'* принимает иные формы, нежели от корня *šič'*. В данном случае это скорее стремление поделиться информацией, ср. об. Ч *š'iž'egu* “быть болтливой”, заговорить на своем языке: об. Ч *č'umat šedəl'e* “по-селькупски (букв. селькупским языком)”.

Итак, считаем, что *šid* “сердце” выступает символом разделения. Описанные значения проявляются в корнях с другим вокалическим элементом, например, об. Ш *šud'i* “пустой”, *šud'etəgu* “солгать”, об. Ш *šödi arət* “сентябрь (букв. пустеющий месяц)”, но и анлаутный

шипящий теряет палатальность. В семантическом плане отмечается сдвиг в сторону раздвоения: об. Ш, вас. *šed* “два”; тым. *šedäšpugu* “будить”; *šedgu* “разбудить”; вас. *šedu ñanne* “взад-вперед”, “туда-сюда”; тым. *šedjoñdl pay* “ножницы”; вас. *šedəd'araka* “развилка (реки)”, либо соединения: вас. *šed'egu* “слететься”; об. Ш *šid'imid* “сердце (букв. сердце-печень)”. В семантике наречия об. Ш *šedo* “широко”: *šedo mēmbat* “широко открыта (дверь)” нашло выражение окончательное разделение верха и середины. Эту же функцию выполняет лексема об. Ш *šed'ernak* “окно”, восходящая к корню *šed'*.

3. Наименование сердца с анлаутным щелевым χ имеет значения: 1) об. Ч $\chi'i\check{z}'$ “сердце”: $\chi'i\check{z}'\dot{n}i\check{y}\beta atpa$ “сердце колотится”; 2) “душа”: *mat χ'iž'egeq fan al'č'ekala* “у меня на душе хорошо станет”; 3) уголь. Данное наименование характеризуют: а) материальное совпадение с насекомым-тотемом $\chi'i\check{z}'$ “паук”, “мизгирь” и б) отсутствие словообразовательных связей, т.е. отсутствие производных глаголов. Мы полагаем, что в данном случае мы имеем дело с сакральной функцией сердца, с местом его локализации в Верхнем мире (душа), где зарождается жизнь и в Среднем мире, где она осуществляется и поддерживается (уголь). Насекомое-тотем $\chi'i\check{z}'$ “паук” выступает символом соединения верха и середины. Таким образом, сердце выступает в трех ипостасях – как единство, как разделение и как соединение – связь. В селькупской культуре символом сердца выступает уголь, его тление символизирует поддержание жизни и продление рода.

Лингвистический анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что все варианты наименования сердца не являются семантически тождественными. В каждом из них содержится разноплановая информация, которая раскрывает мировидение этноса. Анализ семантической структуры слов показал, что “сердце” является средоточием и жизни, и смерти, что оно является сложным соединением материального и духовного начал.

Сокращения

вас. – васюганский диалект, ел. – елогуйский говор, кет. – кетский диалект, об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ш – обские говоры Шешкум, об. Ч – обские говоры Чумылькуп, тур. – туруханский говор, тым. – тымский диалект

Литература

1. Мугу, Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков) [Электронный ресурс] : электронная версия автореферата диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. Ю. Мугу. – Режим доступа: <http://www.adygnet.ru/statji/docs/mugu.doc>.
2. Жарикова, И. Н. Подходы к изучению соматической лексики / И. Н. Жарикова // материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 16-20 апреля 2007 г. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2007. – с. 396 – С. 224.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – с. 208 – С. 138-140.
4. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. – с. 262 – С. 35, 87, 85, 89.
5. Dulson, A. Über die räumliche Gliederung des sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение / A. Dulson, VII, 1971, 1. – S. 35-43.
6. Горчаков, Г. С. Символизм в культуре / Г. С. Горчаков. – Томск : «Твердыня», 2007. – с. 378. – С. 130-131.

АЛЛЮЗИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ

Л.А. Петроченко

Томский государственный педагогический университет

В языкознании традиционно выделяются такие средства метафорического переноса, как непосредственно сама метафора, олицетворение, антономазия, аллюзия. Аллюзия обычно рассматривается как стилистический прием, являющийся краткой ссылкой на известное литературное, историческое, мифологическое, библейское, сказочное лицо, событие, факт. В литературоведении аллюзия изучается как словесный художественный образ. С точки зрения когнитивной лингвистики она представляет собой особый, в определенной мере скрытый, способ передачи информации. Одним из основных условий полного раскрытия содержания аллюзии является ее «узнаваемость». Использование аллюзии предполагает, что лицо (событие, факт), на которое она указывает, известно не только тому, кто является автором текста, но и тому, кто этот текст читает или слушает (реципиенту). Если реципиент не имеет необходимых в этом случае фоновых знаний, то её употребление теряет смысл.

В англоязычных странах к текстам, которые часто служат источниками аллюзий, относятся Библия, античная, германская, христианская мифологии, авторские и народные сказки разных стран и культур, в т.ч. собрание арабских сказок «Тысяча и одна ночь», сказки в литературной обработке Ш. Перро, братьев Гримм, произведения У. Шекспира, Дж. Беньяна, Ч. Диккенса, У.М. Теккерея, А. Конан Дойла и др.

Несмотря на огромное количество сюжетов и персонажей, регулярно встречающиеся аллюзии поддаются классификации. Так, при метафорическом переносе персонажа (образа) из одного текста в другой автор переноса для своего литературного контекста обычно подбирает этот персонаж (образ) по таким основным критериям, как а) внешнее физическое сходство, б) особенности совершаемого действия, в) свойства личности, характера, поведения, миропонимания и т.д.

Кроме того, все аллюзии по структурно-семантическим характеристиками можно разделить на несколько классов, напр. простые однозначные, простые многозначные, сложные многокомпонентные и сложные многокомпонентные сценарного типа. Специфику этих классификаций можно рассмотреть на нескольких примерах.

1. Простая однозначная аллюзия.

Аллюзия этого типа формируется на основе образа, имеющего однозначную качественную (внешность, характер, поведение) или количественную (объем, размер, число) характеристику.

В следующем примере автор приписывает пауку особенности личности мистера Микобера, литературного персонажа из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд». Целью такого метафорического переноса является создание юмористического эффекта.

A large spider's web occupied one corner of the room near the ceiling and he could just make out the spider lurking there, quite motionless; emulating Mr Micawber, waiting for something to turn up (Burley. Wycliffe and the Scapegoat).

М-р Микобер, прожектёр-оптимист, во всех выявленных примерах демонстрирует только одну черту своего характера, а аллюзия, следовательно, только одно значение, – стойкая вера в то, что что-нибудь подвернется (turn up) и он разбогатеет.

2. Простая многозначная аллюзия.

Отличие простой многозначной аллюзии от простой однозначной состоит в том, что образ, лежащий в ее основе, в зависимости от ситуации может проявлять разные признаки и свойства. Аллюзия в таких случаях может иметь несколько значений.

Например, согласно греческой мифологии, Орфей славился как певец и музыкант, наделенный магической силой искусства. Он женат на Эвридике и, когда она внезапно умерла, отправляется за ней в царство смерти. Орфей вернулся живым на землю, но не смог выполнить условие, выдвинутое владыкой царства мёртвых, и потерял жену навсегда.

В следующих примерах представлены такие значения аллюзии Орфей, как (а) певец-музыкант и (б) человек, который вернулся из царства мёртвых.

(a) 'But whom have we here? A jongleur of the olden time?'

'Say, rather, an Orpheus of shreds and patches!'

It was a wandering musician, with a guitar slung over his shoulder (Edwards. Barbara's History).

(b) The early evening was overcast, drizzly and dank, when like some latter-day Orpheus Morse emerged from the depths of Piccadilly Circus Underground (Dexter. Death is Now My Neighbour).

В первом случае речь идет о бродячем певце-музыканте, которого состоятельная публика презрительно назвала «Орфеем-оборванцем». Второй пример носит юмористический оттенок. Читатель знает, что Морс – полицейский инспектор, житель Оксфорда, находящийся по делам службы в Лондоне. Появление Морса, по воле автора, в образе Орфея дает читателю понять, что инспектор чувствовал, выходя из метро.

В еще одной паре примеров представлены такие значения аллюзии Мефистофель (Mephistopheles, Mephisto), как (а) человек, только внешне похожий на Мефистофеля (Mephistophelian face, figure, etc.) и (б) Мефистофель – один из дьяволов высокого ранга, оказывающий различные услуги людям в обмен на их души, или человек с дьявольской натурой.

(a) <...> the Senior Consultant from the Diabetes Centre came round: Dr David Matthews, a tall, slim, Mephistophelian figure with darkly ascetic, angular features (Dexter. Death is Now My Neighbour).

(b) "Well", he said over his shoulder, "you strike a bargain with the Devil, the Devil will collect. That's where Mephisto is found. In the art of collection <...>" (Mailer. An American Dream).

3. Сложная многокомпонентная аллюзия.

Данная аллюзия является ссылкой, обращенной к двум и более объектам (лицам, предметам, событиям и т.д.), демонстрирующим определенную взаимосвязь и взаимозависимость.

A transparent layer like ice reminded me of the rings of Hades. We were descending, like Orpheus – but into the underworld of our minds (Volk. Gothic).

В этом примере употребляются две взаимосвязанные аллюзии – Гадес (Аид) и Орфей. Гадес (Аид) в греческой мифологии – владыка царства мёртвых, а также само царство. Используя эту двухкомпонентную аллюзию, автор характеризует состояние героев повествования, которые находятся в наркотическом опьянении.

Her face <...> reminded him (Wexford) of a cartoon character that artist wants to look beautiful and evil, the Snow Queen or Cruella De Vil (Rendell. Road Rage).

В данном случае автор тоже использует две аллюзии – Снежная королева из одноименной сказки Г.Х. Андерсена и Круэлла де Виль из книги Д. Смит «Сто один далматинец». Оба персонажа являются символами внешней красоты и внутренней эмоциональной холодности и злобы.

4. Сложная многокомпонентная аллюзия сценарного типа.

Аллюзия этого типа объединяет несколько взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, которые воспроизводят в новом контексте полностью или частично схему событий, описанных в тексте-источнике.

Например, «Рапунцель» - сказка, записанная братьями Гримм, о девушке с очень длинными золотистыми волосами, которая была заточена своей мачехой-колдуньей в высокой башне. Там не было дверей, только одно окно. Когда мачеха хотела навестить девушку, Рапунцель свешивала вниз свои длинные золотистые волосы, и колдунья взбиралась по ним. Однажды некий принц, подсмотрев, как это делается, забрался в башню к девушке и предложил ей стать его женой. Рапунцель согласилась. Мачеха, узнав об этом, выгнала ее из башни в чашу леса, а принца ослепила. Но блуждавший по лесу слепой принц случайно наткнулся на Рапунцель, и ее слезы вернули ему зрение. Он увез девушку в свое королевство.

В следующем случае сюжет этой сказки воспроизводится в своих основных деталях:

Twenty minutes later she was driving along the narrow winding roads towards Château Ardennes. Soon she was bowling up the inevitable tree-lined driveway <...> to reach a mellow-bricked fairytale castle. It was like an illustration from a fairy story and she half expected to see the prince climbing up Rapunzel's long golden hair to reach her and carry her down to safety (Leigh. Unwilling Bridegroom).

Героиня этого повествования глубоко несчастна в своем супружестве. Муж демонстрирует по отношению к ней холодное равнодушие, в то время как его двоюродный брат – заботу и внимание. По приглашению родственника мужа она едет в гости в его поместье. Представший перед взором героини замок не случайно ассоциируется в ее воображении с сюжетом сказки о спасении. Автор, таким образом, говорит читателю о том, что молодая женщина подсознательно уже ищет выход из сложившегося в ее семье положения.

Процессы метафорического переноса, в которых участвуют аллюзии, сопряжены с порождением новых смыслов. Авторы различных по жанру произведений предлагают свои интерпретации, трансформируют аллюзии в соответствии со своими творческими задачами. Особенности таких трансформаций можно рассмотреть на нескольких примерах, включающих аллюзию Рапунцель.

В первом случае некая Лидия, девушка с короткой стрижкой, выглядывает из окна верхнего этажа. При имени Рапунцель в сознании реципиента автоматически возникают признаки, присущие образу, служащему основой для метафорического переноса. Это – стереотип, который затем разрушается не только отсутствием длинных волос, но и словами, с которыми Лидия обращается к собеседнику – «Какого чёрта?». В результате такого разрушения автор достигает комического эффекта.

'What the hell?' said Lydia, leaning indignantly out of the window over the door, like Rapunzel with a hair-cut (Ellis. Unexplained Laughter).

Во втором примере описывается сон старшего инспектора Уэксфорда, который возглавляет расследование похищения пяти человек, в числе которых находится и его жена Дора. Инспектора мучит бессонница, а если ему удастся заснуть, то мучат кошмары. Однажды он видит во сне свою жену:

Her hair was very long, as it has been in the early years of their marriage. It hung over the window-sill and down the stonework of the tower like Rapunzel's in the fairy story, only Dora's hair was dark, black as a raven's wing (Rendell. Road Rage).

Используя эту аллюзию, автор романа показывает, что именно во сне Уэксфорд понял, где могут находиться похищенные. Полиция осмотрела все подозрительные дома и постройки, обыскивать нужно, как понял инспектор, многоэтажные особняки, владельцы которых считаются уважаемыми людьми. Черные волосы Доры-Рапунцель лишь подчеркивают драматизм ситуации.

Третий пример описывает приход героя повествования в двухэтажный дом, с хозяйкой которого ему нужно поговорить. Там он узнает, что старая женщина уже давно не покидает своей спальни на втором этаже. Она навсегда прикована к постели.

'Anyone home?' <...>

Somewhere far above, where ancient Rapunzel-without-hair was lost in her tower, a single feather fell and touched the air: '... yes?' (Bradbury. Death is a Lonely Business).

В этом доме имеется, конечно, лестница, но не она, по сюжету сказки, а длинные волосы пленницы помогли принцу проникнуть в башню, что в дальнейшем способствовало освобождению девушки. Аллюзия 'Rapunzel-without-hair' есть особый способ дать понять читателю, что отсутствие волос у женщины исключает всякую надежду на ее спасение.

Проблема авторского использования аллюзий и их классификации находится в зоне интересов литературоведения, когнитивной лингвистики, прагматики и теории интертекстуальности. Под интертекстуальностью обычно понимается наличие в тексте различного рода следов прототекстов, т.е. тестов-источников. В частности, И.В. Арнольд под интертекстуальностью понимает «включение в текст либо целых других текстов с иным

субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных цитат, аллюзий, реминисценций» [1, с. 346].

Установлено, что процесс переноса каких-то элементов из одного текста в другой всегда сопряжен с порождением нового смысла. Каждый новый культурный контекст преломляет тексты-источники и их фрагменты через свои социально-психологические, идеологические, философские, национально-культурные призмы. Не последнюю роль в процессе «освоения» текстов-источников играет личный опыт и творческая установка автора-интерпретатора, его личный замысел в ходе создания своего текста, своего произведения. Более того, тенденция разворачивания вокруг данного текста целого «пучка» соотносимых с ним текстов других авторов позволяет художнику слова утвердить собственное творческое «Я» [2, с. 28; 3, с. 38].

Пространство культуры – это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов [4, с. 4].

Авторский текст с его осознанной или неосознанной интенциональностью требует от читателя обязательной способности соотносить различные смысловые элементы, сформированные в пространстве соответствующей культуры. Отсутствие или недостаточное развитие такой способности не позволяет человеку при изучении, например, иностранного языка с полным пониманием читать литературу на этом языке и по-настоящему бегло и правильно говорить.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. – 444 с.
2. Петрова Н.В. Прецедентный текст в интертексте // Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2003. Т. 1. Вып. 1. С. 28-31.
3. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. – 280 с.
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. М., 2008. – 240 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОСТЕРЕОТИПОВ

Н.В. Полякова

Томский государственный педагогический университет

В современной этнографии, культурологии и социальной психологии тема этностереотипов весьма популярна. Однако в лингвистике данная проблема относительно слабо изучена.

В данной статье этностереотип понимается как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос.

Для лингвистики наиболее перспективным является, во-первых, изучение того, что становится объектами оценки в этностереотипах. Это могут быть те или иные сферы жизни народа, личностные свойства представителей этноса, их интеллектуальные, психические особенности. Объектами оценки становятся, в первую очередь, те качества и свойства, которые отличают этнос, делают его непохожим на другие. Повторяемость отрицательных или положительных оценок, их распространенность среди представителей этноса и устойчивость во времени – условие формирования этностереотипов.

Во-вторых, необходимо выявить лексические единицы, которые можно рассматривать как средства обозначения этнических стереотипов. Это могут быть:

- Слова, содержащие оценку свойств типичного представителя другого этноса. Например, значение просторечного глагола *выцыганить* - ‘получить что-либо у другого лица в результате настойчивых, надоедливых просьб’ основано на пресуппозиции, согласно

которой цыгане умеют добиваться своего путем именно таких просьб. Особую группу составляют неофициальные, прозвищные названия народов, сообществ и групп (*хохол*, *горец* ‘представитель любой кавказской национальности’, *Froglander* (буквально: житель страны лягушек).

- Атрибутивные словосочетания, в которых определение – прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое – имя какого-либо свойства человека. Например, *немецкая аккуратность*, *английская чопорность*, *русский размах*.
- Сравнительные обороты, например, *точен, как немец*; *холоден, как англичанин*; *молчалив, как финн*.
- Фразеологические единицы, например, *уйти по-английски*; ср. в английском языке выражение *French leave* (буквально: уход по-французски), в немецком языке выражение *französisch Abschied nehmen* (буквально: прощаться по-французски).
- Пословицы, поговорки, включающие этнонимы и эксплицитно или имплицитно указывающие на какие-либо свойства представителей той или иной национальности: *Что русскому хорошо, то немцу - смерть. Незванный гость хуже татарина*.

Само наличие в том или ином языке лексических единиц, служащих для обозначения одних этнических стереотипов и отсутствия для других уже свидетельствует об особом месте и роли образов соответствующих этносов в языковых картинах мира.

Для языкового выражения этностереотипов характерны обобщение и гиперболизация тех или иных качеств и свойств. Этой цели служат, в частности, кванторные слова: все, всегда, никогда, каждый, любой. *Все чехи любят пиво. Немцы всегда пунктуальны. У каждого американца есть автомобиль. У бразильцев любой ребенок играет в футбол лучше игроков нашей сборной*.

Интересным является использование модальных наречий типа *просто*, *прямо*, *прямотаки*, усилительных частиц типа *даже*, оценочных прилагательных *настоящий*, *истинный*, *подлинный*, которые употребляются в контексте сравнения свойств того или иного лица со свойствами представителя «эталонного» в этом отношении этноса: *Ну и аккуратист! Просто немец какой-то (прямо настоящий немец)! Ты прямо цыган: умеешь выпрашивать, что тебе надо*. Ср. нем.: *Du bist ein richtiger Zigeuner! Тут даже финн разговорится* (имеется в виду ситуация, когда способен разговориться и тот, кто обычно молчит).

Особый интерес для лингвиста представляют случаи переносного употребления некоторых этнонимов: например, слово *негр* в русской разговорной речи употребляется в значении ‘человек, который тяжело и не имея никаких прав, работает на другого’. Это значение слова *негр* в русском языке сравнительно новое. Ни в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, ни в более поздних Большом и Малом академическом словарях оно не зафиксировано. По-видимому, первая его регистрация в словаре под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в котором оно приведено с пометой «переносное» [1, с. 403].

Переносные значения имеют и некоторые прилагательные, образованные либо от этнонимов, либо от стран и материков; ср. *азиат* в значении ‘некультурный, грубый человек’, *азиатский* ‘дикий, грубый’. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова это значение указано как устаревшее, а слово *азиат* в значении ‘некультурный, грубый человек’ снабжено таким комментарием: «возникло на почве высокомерно-пренебрежительного отношения европейцев к колониальным народам» [2, с.18]. Однако такое осмысление слов *азиат*, *азиатский* не уникально для русского языка: ср., например, английское существительное *Asiatic* ‘азиат’, которое в словарях часто сопровождается пометой «пренебрежительно» [3, с.148]. Употребление слов *африканский*, *китайский* в составе устойчивых оборотов *африканские страсти*, *китайская грамота*, *китайские церемонии*. В основе подобных переносных употреблений лежат определенные представления об эмоциональном мире, о характере менталитета или культурных традициях тех или иных народов.

Попробуем воссоздать этностереотипный портрет «цыгана» в русском и английском языках. Если говорить о конкретных чертах русского и английского портретов «цыган», то в этих языках наблюдается скорее больше сходств, чем различий. Сходства проявляются в общих

мотивах, выводимых в данных языках. Отличия же сводятся к тому, что в одном портрете обнаруживаем черты, которых не находим в другом. Однако при этом эти портреты в своих конкретных чертах не противоречат друг другу, а, скорее, оказываются взаимно дополняющими.

Что касается социальных характеристик портретов, наиболее широко и определенно представлены в исследуемых языках мотивы скитальчества (*цыганская жизнь, цыганская натура, цыганствовать; gipsy 'скитаться и жить подобно цыганам'*) и обмана, плутовства, воровства (*цыган 'обманщик, плут, барышник, перекупщик'* [1, с.507] и *gipsy* почти с таким же значением, а также *gipsy away 'стащить, украсть'* [3, с.189]. В английском и русском языках данный этноним употребляется в качестве клички по отношению к хитрой, лживой, непостоянной женщине.

Как в русском, так и в английском языке есть немало связанных с данным этнонимом названий сорных и диких растений, что можно интерпретировать как некую обобщающую черту в социальном аспекте портрет, а именно – метафорическое выражение идеи некультурности и даже контркультуры.

Однако каждый из языков добавляет и свои специфические черты к социальному портрету «цыгана». В первую очередь это касается аспекта экономической деятельности. В русском языке это покупка, продажа и обмен лошадей (*цыганить лошадыми – 'барышничать, менять, покупать и продавать, не без плутовства'. У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери* [4, с.110]. Правда, «лошадиная» тема присутствует и в английском языке в деривате *гур* (также *гурсу*) 'владелец беговых лошадей, также выступающий в качестве тренера и жокея'.

Русский «цыган» занимается также вымогательством и попрошайничеством (*цыганить, выцыганить*). В английском языке *gypsy's warning* («предупреждение цыганки») со значением 'загадочное и зловещее предупреждение' запечатлен факт занятия цыган гаданием.

В английском языке *гурсу* ассоциируется с 'нелицензионной и независимой от каких-либо объединений индивидуальной трудовой деятельностью'. Ср., например, *gypsy plumper* 'цыганский сантехник', *gypsy cab* 'цыганское такси'. Говоря об отражении особенностей повседневной жизни «цыгана», следует отметить английский мотив *жизнь вне дома, на открытом воздухе*. Ср. устойчивые выражения *gypsy breakfast/dinner/party* для обозначения соответствующих трапез на открытом воздухе.

Биологические характеристики (внешность, физические данные) и менталитет представлены в русском языке гораздо более детально, чем в английском. Что касается внешности, то из русского языка мы узнаем, что у цыган черные волосы, черные, как смоль, глаза, подвижное лицо. Кроме того, русский язык запечатлел еще одну специфическую черту – выносливость по отношению к морозам: *цыганский пот прошибает 'озноб, дрожь от холода, ощущение холода'. Цыган с Рождества шубу продает* – поговорка, означающая, что цыган привык легко переносить холод [4, с.102].

Большая проработанность портрета «цыгана» в русском языке и его большая мифологичность и, с другой стороны, большая этнографичность английского портрета вполне естественно объясняется значительными различиями между английским и русским языковыми коллективами в плане масштабов и интенсивности межкультурных связей. В свою очередь меньшее количество инородцев в русской языковой картине мира могло способствовать тому, что присущий обыденному сознанию архетип «чужой» оказался более сконцентрировано выраженным в одном из них – «цыгане».

Создание ономаσιологических портретов представителей тех или иных этносов является продуктивным, хотя и достаточно трудоемким и методически непростым способом выявления этностереотипов.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С.403.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1935. Т.1. С. 18.

3. Новый большой англо-русский словарь. Т.1-3 /Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. Т.1 М., 1993. – 289 с.
4. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2002. – 384 с.

ЕНИСЕЙСКИЙ ИНГРЕДИЕНТ В СААМСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

М.В. Филимонов

Томский государственный педагогический университет

Саамский язык занимает особое положение в уральской семье. И хотя в последние десятилетия достигнут большой прогресс как в изучении самого языка так и в выявлении его внешних связей (генетическое родство с прибалто-финской группой, много численные заимствования из балтских, германских, кельтских, славянских языков; наличие особых контактов с самодийскими, угорскими и, возможно, тунгусо-манчжурскими языками (см. обзор работ у П. Хайду [1]), многое в его древнейшей истории остается неясным и примерно третья часть всей лексики остается этимологически затемненной, происхождение ее абсолютно неизвестно. Трудность изучения этой проблемы, по мнению автора, во многом связана с тем, что многие очень важные работы по саамской проблематике написаны на финском языке и поэтому труднодоступны для многих исследователей, работающих в других областях лингвистики (алтайские, аустратические, енисейские и другие палеоазиатские языки) и которые как раз и могли бы внести заметный вклад в решение саамской проблемы. Поэтому приступая к этой публикации, автор считает нужным подчеркнуть, что рассматривает данную работу как первый шаг по пути развертывания большого и длительного исследования по выявлению следов енисейского субстрата (а может даже и двух-трех енисейских/параенисейских ингредиентов) в саамском языке. В связи с этим нужно оговорить ряд моментов. 1. Разумеется не привлекается тот саамский материал, который имеет достаточно хорошие уральские, финно-угорские, финно-пермские и финно-волжские этимологии, даже если он имеет хорошие параллели в енисейских языках. Дело в том, что автор установил в прауральских, прафинно-угорских, прафинно-пермских и прафинно-волжских материалах этимологического словаря Кароля Редери значительный протоенисейский ингредиент [2; 3]. 2. В этой работе не рассматривается проблема палеоевропейского субстрата (см. публикацию П. Шрайвера [4]), который повлиял на индоевропейские языки, а также очень возможно и на прибалто-финские. 3. В данном исследовании анализируется только лексика, которая приведена в работах Г.М. Керта [5. с. 88; 6. с. 8] и которая имеет "статус" субстратной, не имеющей никаких этимологий. 4. Иногда для аргументации енисейского происхождения енисейских слов подключаются материалы шумерского (Ш) и ительменских языков, с которыми енисейская семья языков находится в генетическом родстве.

Установлены следующие енисейско-саамские лексические параллели. 1. С, (саамский) *jeŋ`n`* "земля" - ПЕ в асс амар "холм" (ар - суф. суш-ных). В с. слове "n`" - с.м.ч. Семантическое соотношение "холмы, яры, верх, берег, земля" - обычно в прибрежных ландшафтах, а также в регионах, где очень много озер и рек. Анлаутный "j-" указывает источник, близкий к аринскому. 2. С. *lavn`* "земля, торф" – ПЕ *lA?q* "грязь". 3. С. (иоканг.) *miht* "снег" – ПЕ *bəd* "лед" в ПЕ *b/a/tbəd* "град (мелкий)" [7.С.206] (автор в основном использует свои ПЕ реконструкции, учитывая также и материал словарей С.А. Старостина [7] и Г.К. Вернера [8]). 4. С. *vədz* "снег" – ПЕ *be?dzh* "снег". 5. С. *k`edk`* "камень" – енис. в пумп. кит "камень", ср. также пумп. быч-кете "уголь", букв, "огонь-камень". 6. С. *abr`* "дождь". Компонент "r`" можно сравнить с ПЕ *?ur* "вода", которое часто оформляет в енис. словах обозначения продуктов, веществ, ср. юг. мамыр "молоко" (ма?м "грудь"), чагур "рассол" (чЛ? "соль") и т.д., а компонент "ab-" можно сопоставить с ПЕ *ap/hap/ab/hab* "давний, долгий" ("длинный, высокий, верхний"(в енис. языках сферическая моделировка пространства) в кот. мон апанг "недавно", *ha:paг/ha:paх* "давно"). 7. С. *pink/p`iŋk* "ветер" – ПЕ *bej* "ветер", где "j" – древний суф. ед. ч., а в саамском

наоборот представлен древний суф. мн. ч. "n" или "η". 8. С. kimch (иоканг.) "медведь" – ПЕ qima "бабушка", "родственник старшего поколения муж. и жен. класса". Явное древнее табуирование как следствие древнего культа медведя. 9. С. ketk "росомаха" – ПЕ qa:də "мех, шерсть" – ПЕ qa:d/qa?t "парка, одежда", Ш gada "род одежды". 10. С. n`ark "мыс" – ПЕ !ar "нос" в кот, ар-каш "ноздря", ар. ар-куй "нос". Возможно было древнее развитие из парааринского "j-" в "n`-". Семантическое развитие "нос" > "мыс" есть и в русск. языке. 11. С. jəŋŋ "брусника" – ПЕ jə?n/jə?ŋ "икра". Семантический сдвиг мог быть вызван сходством формы. 12. С. sar`r` "черника" – ПЕ chor`/chur` "плесень, гниль, грибок" в кот. пол-шойа "гриб", первый компонент связан с ПЕ bolba "гриб". Семантическое соотношение "плесень, черника"- обычно, ср. юг. фу?с "плесень", "черника (ягода)". 13. С. suell "остров"- ПЕ su "земля" (кот. шу "почва, грунт") + ПЕ hil/?il "вода", "обводнять, увлажнять, ополаскивать" в кот. хил-тукнг "нырять", букв. "вода-прыгать", кет. ил "ополаскивать (в фольклоре)". 14. С. sevs "шерсть" – ПЕ si? "оленья шкура", Ш shiŋi "руно", "шерсть". СР. еще кот. ho:чек "одевать", халчик "одевай", хачик "покрывать", халчи:к "покрывай". В с., возможно, была редупликация и развитие "к/g" в "w" как в случае №2 ПЕ lA?q "грязь" и с.lavn` "земля, торф". 15. С. kut`k "сердце" – ПЕ qot "перед". Переходное значение "грудь, груди". 16. С. rujt "жир" ПЕ ru?/ro? "жир" в кот. them-ny "топленный жир" (ПЕ təm/tom "жар, тепло, плавить"), ПЕ ро?ol`e "жирный", букв. "жиро-оболочный", "e" – пред. суф. В с. "t" – с.мн.ч. В южно-енис. языках часто происходит развитие "v?" в "vj", что и было в протосаамском. 17. С. kuh`k` "длинный" – ПЕ ku/gu "ты, он" из "дальний", сохранившейся в кет. кунче/кунше (из кун-се, се-пред. суф.) "второй, другой" (из двух), где "-н- - локальный расширитель". 18. С. chuh`k` "ящик", "шкатулка" – енис. в кот. шу?ол "бочка" (ол-полусуф. "вместилища"). 19. С. k`im`n` "котел" – ПЕ qəm/qAm "туес", "сосуд из бересты или кожи". 20. s`ejt "божество" ПЕ si/s? "дух, колдовской" в асс. хуй-ше "дьявол", кет. лытсе "дьявол" (кет. лыт "яр, гора, лес", асе. хуи < ПЕ qəg`/qur` "злой"), ср. Ш zi "дыхание, жизнь, душа". С. "t" – суф. мн.ч., так как божество часто имеет несколько ипостасей. Также имело место развитие "v?" в "vj".

21. С. shil`Γe "ловить, промышлять" – ПЕ se:hre "олень, E sel`i "дичь" + ПЕ a "делать". 22. С. c`el`k`e` "сказать" – ПЕ dzəl` "говорить, сказать" в кот. д`или "говорить". 23. С. k`es`s`e` "тащить" - ПЕ ki?s/gi?s "нога, идти, нести, тащить", ср. русск. "тащиться" = "идти с трудом". 24. С. kavŋe "найти" - ПЕ qagde "догонять", qAks`in` "торопиться" (de и s`in` - ядерные глаголы со значением "идти, двигаться"), семантическое развитие "догонять, преследовать, настичнуть, найти" – обычно. 25. С. satk "село", "пристань" - ПЕ sy?s/sə?s "сидеть" в пумп. тыткоду "сизу", ср. Ш tush/shush "сидеть". В с. имела место диссимиляция как в случаях ар. сет при ПЕ ses "речка", ар. тсит при ПЕ se?s "лиственница". В целом рассмотренный материал фонологически несколько тяготеет к аринскому: развитие "к/г/q" в "w"/"v", "v?" (v – гласный) в "vj", "j"-при 0 (ноль) звука в других языках.

Ономастика. Исследования А.К. Матвеева показали, что субстратная саамская топонимика распространена далеко на восток вплоть до Коми и северного Урала [9-11]. Исследования енисейской топонимики последних лет также показало, что енисейские гидронимы встречаются в нижнеобском регионе. Прежде всего, это касается гидронима Хаш, который входит в группу пумпокольских гидронимов [12; 13, с. 231-232]. Ср. оз Балхаш при ар. балгаш боре "грязь" (античные географы всегда упоминали Балхаш как болото). На северо-западе Западной Сибири встречается ряд топонимов на -да, которые можно связать с ПЕ de? "озеро" ("исток, речка"). Ареал аринских топонимов доходит до Урала (Исеть), что установил еще А.П. Дульзон [14]. В последние годы енисейцы все больше внимания уделяют проблеме народа савир/себер/сибир и т.д. Этот этноним можно этимологизировать как "народ-большой": ПЕ si/se "человек, люди" (кет. с`ен "люди" (в языке шаманов), "н" - с.мн.ч. + ПЕ bəŋ "большой, великий" [15, с. 95]. Енисейско-савирской проблеме уделил большое внимание и Г. К. Вернер в одной из последних книг [16, с. 25-33]. В целом, ономастика дает интересный и показательный материал для решения енисейско-саамской проблемы.

Завершая статью, по мнению автора, можно сделать однозначный вывод: древнее енисейско-саамское языковое взаимодействие реально существовало. Более точное определение места и времени этого события требует дальнейших исследований.

Литература

1. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. - 430 с.
2. Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1988. Lieferung 1-7.-907S.
3. Филимонов М.В. Енисейский и кето-шумерский анау-бактрийский ингредиенты в прауральском и проблема прауральской пародины (в защиту кельтеминарской гипотезы В.Н. Чернецова) Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 284-287.
4. Schrijver P. Lost languages in horthern Europe// Early Contacts between Uralic and Indo-European. Linguistic and archaeological Considerations. Helsinki, 2007 P. 417-425.
5. Керт Г.М. Проблемы саамской топонимии//Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 82-94.
6. Керт Г.М. Саамский язык. Л., 1971. – 356с.
7. Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков// Кетский сборник М., 1995. – С. 176-315.
8. Werner H.K. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2002. Bd. 1. 483 S.; Bd. 2. 444 S.
9. Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского севера//ВЯ. 1968. №5. С. 42-54.
10. Матвеев А.К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины// К истории малых народностей европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5-14.
11. Керт Г.М. Исконное и заимствованное в процессе этногенеза саамов//Материалы Международного конгресса финно-угроведов. М.. 1990. Т. 2. С. 97-99.
12. Филимонов М.В. Некоторые проблемы этногенеза народов и древней истории Западной Сибири и сопредельных регионов по данным енисейской топонимии Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Наука и образование". Томск, 2003. Т. 4. С. 52-56.
13. Филимонов М.В. Енисейское происхождение некоторых псевдоиранских топонимов Сибири//Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2008. Т.ХУ. С.226-234.
14. Дульзон А.П. Кетские топонимы Западной Сибири//Ученые записки Томского педагогического института. Томск, 1959. Т. 18. С. 92-111.
15. Филимонов М.В. Енисейская этнонимика в древних китайских и античных источниках и некоторые проблемы древней истории и этногенеза Сибири и сопредельных регионов//Материалы VII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2002. Т. 4. Ч. 1. С. 92-97.
16. Werner H.K. Die Glaubenvorstellungen der Jenissejer aus der Sicht des Tengrismus. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2007.- 190 S.

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Т.И. Щелок

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина

В языке не происходит застоя, он находится в постоянном «движении». Основными ярко выраженными тенденциями в развитии современного немецкого языка являются, во-первых, все меньшее влияние на него языка художественной литературы и все большее – языка науки и

техники, а, во-вторых, его стремление к экономии, этой глобальной тяге человека к сбережению своих собственных усилий.

В реализации тенденции к экономии в немецком языке исключительно важная роль принадлежит словообразованию. Помимо разного рода явлений упрощения, усечения длинных слов, которые, бесспорно, содействуют экономной коммуникации, немецкое словообразование отличается тесная связь с синтаксисом: то, что в других языках выражается словосочетанием, а иногда и предложением, по-немецки может быть сконденсировано в сложном или производном слове. Таким образом, за счет словообразования, призванного служить принципу экономии, происходит пополнение лексического фонда немецкого языка.

Одним из видов словообразования является словосложение. Склонность немецкого языка к словосложению, обусловленная потребностью к более сжатому способу выражения мыслей, способствует успешности коммуникативного акта, в котором как от говорящего (пишущего), так и от слушающего (читающего) требуется особая способность к концентрации мысли и абстракции. В способности экономно выражаться, в частности, в способности легко образовывать сложносоставные слова из разных областей знания, выражается мобильность, адаптируемость человека к обстоятельствам жизни.

Каждая часть речи в конкретный период времени имеет свои характерные возможности словообразования. Последние десятилетия характеризуются активизацией в немецком языке аналитических конструкций, не последнее место среди которых занимают сложные адъективные новообразования. Таким образом, образование слов-композигов представляет собой один из активных словообразовательных процессов, пополняющий лексический состав современного немецкого языка.

Как уже отмечалось, образование сложных прилагательных в немецком языке осуществляется по словообразовательной модели аналитического характера, состоящей из двух (реже из трех) единиц типа: *stern-grün, safran-gelb, gold-blond, hasel-nuss-braun*. Из приведенных примеров очевидно, что в качестве составных компонентов сложных прилагательных выступают единицы, относящиеся к разным частям речи. Существуют исследования, посвященные изучению морфологических особенностей сложных прилагательных в современном немецком языке. Так, Н.А. Зевахина рассматривает сложные прилагательные с компаративной семантикой (*pechschwarzer Himmel* – «Himmel, der pechschwarz ist» ('Небо, которое черно как смоль')) на базе корпуса текстов газетного дискурса. Для обозначения адъективных композигов в работе используется термин композит-комплекс. «Композит-комплекс – это комплекс, в котором хотя бы один из компонентов является «неизменяемым» (при изменении комплекса он не изменяется – например, при словоизменении)» [1].

Проанализировав сложные прилагательные с позиции их структуры, исследователь приходит к выводу, что наиболее продуктивными типами являются двучленные образования (например, *honig-gelb, mais-blond, semmel-blond* и др.), их число значительно превосходит количество композит-комплексов с трех- и четырехчленной структурой (*milch-kaffee-braun, korn-blumen-blau, hippie-strick-waren-bunt*).

Что же касается частей речи прообразов конститuentов (т. е. непосредственно морфологических составляющих адъективных композигов), то прообраз первого конститuenta может быть выражен различными частеречными компонентами. При этом наиболее распространено образование с помощью существительных (соединительные элементы *-(e)s-, -(e)n-, -(e)ns-, -e-, -er-, -al-, -o-*, например: *waldesdunkel, tannengrün, häusergrau*).

Прообразы, в свою очередь, производны от существительных или глаголов (отглагольные существительные): *vorabendbunt, muckmäuschenstill, schweinchenrosa, leistungstark, ausdrucksstark*. Также встречаются прообразы-прилагательные, производные от существительных (*rostigbraun, kohlenstaubiggrau, britischkühl, russischgrün*). Среди возможных способов деривации прилагательных от существительных можно выделить три основных:

- 1) с помощью суффикса *-isch*;
- 2) с помощью суффикса *-ig*;

3) без помощи какого бы то ни было суффикса, контаминативно, простым словосложением.

Таким образом, в качестве морфологических конститuentов сложных композитов могут выступать существительные, прилагательные, глаголы.

В процессе исследования сложных прилагательных автором данной статьи источником для сбора адъективных композитов послужил «Большой немецко-русский словарь» под редакцией К. Лейна [2]. Методом сплошной выборки из словаря были выписаны 337 лексических единиц, представляющих собой адъективные композиты. Поскольку анализируемые сложные прилагательные представляют собой образования, содержащие компоненты, относящиеся к различным частям речи, было решено произвести морфологический анализ этих лексических единиц с целью выявления их структурных особенностей, т. е. обнаружения частеречной принадлежности их элементов.

Так, после проведения морфологического анализа все сложные прилагательные были распределены по двум группам «существительное + прилагательное» и «прилагательное + прилагательное».

Было выявлено, что наиболее многочисленную группу представляют адъективные композиты, содержащие в своём составе существительное и прилагательное. Данная группа составляет 92,6 % от общего количества анализируемых единиц, например, *steingrau, azurblau, wolkengrau, blitzblau, sturmklar, mausgrau, schweinchenrosa, zimmergrün, stockdunkel, kaisergelb, königsblau* и др.; 7,4 % сложных прилагательных имеют в своей структуре прилагательное и прилагательное, например, *lehmgigell, milchigtrüb, ländlichschön, modischelegant* и др.

Таким образом, более 90 % исследуемых сложных прилагательных составляет группа «существительное + прилагательное».

Для того чтобы выявить, какие морфемы участвуют в образовании адъективных композитов, был произведен морфемный анализ прилагательных. В процессе исследования все композиты были распределены по пяти группам.

Так, было обнаружено, что сложные прилагательные, образованные по модели «корень + корень» составляют самую многочисленную группу – 93,8 %. К ним относятся: *blitzblau, sturmklar, blitzbunt, brandheiß, feldgrün, erdbraun, luftfein* и т.д.

3,2 % представляют собой композиты, имеющие в своем составе морфемную структуру «корень + корень + корень», например: *milchkaffeobraun, haselnussbraun, mondnachtblau*.

Композиты, содержащие компоненты «корень + суффикс + корень» включены в группу, процентный показатель которой равен 1,5%. Это такие прилагательные, как, например, *milchigtrüb, schweinchenrosa* и др.

0,9 % составили прилагательные, возникшие по модели «корень + корень + суффикс», например, *tottraurig, wuttraurig*.

Группа 0,6 % - прилагательные, в структуру которых входят морфемы «приставка + корень + корень», например, *vorabendbunt, ausdrucksstark*.

Очевидно, что модель «корень+корень» является самой многочисленной из выделенных групп.

Данные композитообразования употребляются как в устной, так и в письменной речи. Образование и употребление композитов в немецком языке следует отнести к области универсального. Это явление в словообразовании - способность языка создавать серийные образования или композитные ряды. В качестве вторых самостоятельных одинаковых компонентов действуют следующие элементы: *gelb, braun, grün, grau, bunt, blau, bleich* и другие.

Адъективные композиты в настоящее время широко используются для описания признаков и свойств предметов и явлений во многих сферах: температура (*sonnenwarm, brandheiß, kiesekühl*), растения (*dschungelgrün, kastanienbraun, haselnussbraun*), интенсивность света (*kreidebleich, wachsbleich, aschfahl, leichenblass, totenbleich*), пространственная протяженность (*himmelhoch, briefmarkenklein, fußbreit, gertenschlank*), животные (*rabenschwarz, taubenblau, mausgrau, schweinchenrosa, kanariengelb, aasblau, froschgrün*), цвет (*himmelblau,*

feldgrün, erdbraun, wüstendunkel, luftfein, grottendunkel, rostigbraun, steingrau, azurblau), время (*weihnachtsüß, dämmerdunkel, lebensbunt, wirklichkeitsblind*), чувства и ощущения (*gedankenschlank, todtraurig, analytischkühl, totenbleich*), органические и неорганические вещества (*lehmgelb, glasklar, wachsbleich, kupfergelb, goldblond, kreidebleich*), пищевые продукты (*bonbonbunt, puddingweich, pfirsichrosa, bratenbraun*) и другое.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. С позиции морфологической классификации анализируемые в работе сложные прилагательные представлены двумя группами: «существительное + прилагательное» и «прилагательное + прилагательное». При этом подавляющее большинство прилагательных содержат в качестве первого структурного компонента существительное.

2. При создании сложных прилагательных участвуют такие словообразовательные элементы, как корень, суффикс, префикс. Доминирующей моделью, описывающей словообразовательные особенности адъективных композитов, является «корень + корень».

3. Композит является одним из способов для обозначения предметов и явлений. Исходя из содержательного компонента композитов, можно выделить многочисленные сферы их использования.

Литература

1. Зевахина Н.А. Немецкие сложные прилагательные в словаре и в дискурсе [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. (145920 bytes). - Режим доступа <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zevakhina.html>. Monday, 1 Dec 2008 19:46: 57
2. Большой немецко-русский словарь / Под ред. К. Лейна. М., 2006. – 1038 с.

BEING AND NOTHINGNESS: GLADYS' DESIRE AND THE GAZE OF THE OTHER IN MANUEL PUIG'S *THE BUENOS AIRES AFFAIR*

Peter Tupawuni Imoro

University of North Carolina at Pembroke, USA

Some critics have rightly observed that in Manuel Puig's *The Buenos Aires Affair*, the desires of the main characters, Leo and Gladys, are largely mediated by the myths and stereotypes of popular culture. Marta Morello-Frosch, for instance, argues that, on the one hand, both characters “han sido víctimas de una sexualidad que les ha dado la libertad de buscar y probar encuentros como posibles formas de relación humana.” (La sexualidad opresiva en las obras de Manuel Puig”, 155), but on the other, she adds, “también han sido víctimas de una constante erotización por parte de los medios masivos de comunicación, que los incitan siempre a buscar la satisfacción en placeres reales o imaginarios.” “La libertad de que habláramos,” she concludes “se ha convertido en la única forma de relación viable y el deseo de realizarla se ha convertido en un imperativo agobiante, es la causa de insomnios, de jaquecas, de neurosis y ansiedad.” (155). Besides, Morello-Frosch argues, in the novel, sexuality is an obligation, which has become another article of consumption that must be acquired; otherwise one runs the risk of remaining alienated. Above all, Morello-Frosch further argues, “[e]stos personajes, urgidos por sus lecturas y falsas ilusiones, han cerrado la fuente interior de su erotismo, y han permanecido en gran parte dirigidos por ideales e imperativos impuestos desde afuera, por realidades que les son ajenos.” (156-57).

Although Morello-Frosch recognizes an internal source of eroticism, by affirming that all access to it has been closed, she studies the problematic desires of the characters entirely within what Jacques Lacan calls the *Symbolic* (social) order. The purpose of this paper is to compliment Morello-Frosch's reading by examining the theme of desire and subjectivity as it relates specifically to the female protagonist, Gladys. But unlike Morello-Frosch, using Lacanian psychoanalyses, we propose to argue

the other side of the coin, by contending that this character's —and Leo's, for that matter—² problematic relation with the *symbolic* is due in large part to the internal source of her erotism.

Our reading of Gladys's desire is guided mainly by the Lacanian notion of the split subject. Unlike the Althusserian unified subject who successfully internalizes the ideological or *symbolic*, the Lacanian subject is never fully intergrated into the *symbolic* order.³ For the Lacanian subject, ideological or *symbolic* interpelation is always partial because there always remains an unsymbolizable residue in the subject, the *symptom* —a meaningless stain, or what Lacan calls the *real* of desire. In fact, as Slavoj Žižek points out, this leftover of desire, or *jouissance*, is the very condition of possibility for the *symbolic* order, whose main purpose is to control it. But this “petrified forest of enjoyment”, as Žižek maintains, always returns and subverts the *symbolic* system. In the following pages we will attempt a heuristic response to the question, “what is this petrified forest of enjoyment” in Gladys that always returns to subvert her relationship with the *symbolic* order?

Gladys tries to identify with and repeat the myths of the popular *imaginary* (ideology), but this effort is continually subverted by an internal conflict whose roots can be traced to her early childhood. As an adolescent, Gladys is confronted with two opposing parental gazes. On the one hand, she believes that her father desires that she grow into a woman like those who adorn the pages of the magazines she reads. So she spends her time copying drawings from the magazine, “Rico Tipo” because she believes that “su padre —a quien tanto le gustaban los “budines”, ... estaría contento si ella cuando grande lograba ser como una chica del Rico Tipo” (*Buenos Aires Affair*, 29). Like her husband, Clara Evelia also wants her daughter to grow up into a “budín”. But unlike her husband, she is constantly critical of whatever she considers unfeminine about her daughter; she characterizes the little girl's gestures as those of “un caballo” (27) when she recites a poem, and reproaches her for slopping when she reads the newspapers:

Gladys se pasaba el día con la columna vertebral arqueada, caída de hombros y hundida de pecho a pesar de todas mis recomendaciones no quiso anotarse en el equipo de pelota de cesto, y mírala cómo está, flaca y verde, y ahora se quiere anotar en una escuela de dibujo para agobiarse más todavía. (32)

The father does not help matters when he sides with his wife: “tenés que hacer caso a mami, porque papi no quiere tener una hija loro” (32), words that Gladys “siempre había temido oír de labios de su padre” (32).

Clearly, Gladys' parent's desire mirrors the desire of the male phantasy of the ideal woman as portrayed in the popular culture products that populate Gladys' world. In order to be this woman, Gladys will have to see herself through the gaze of the other. As Eli Friedlander points out in his “La Jetée: Regarding the Gaze”, “The release from the narcissistic self demands placing the space of representations under the sign of an otherness speaking through it” (81). Gladys' “caballo” gestures and her slopping posture, are her *symptom* because they reveal an unacceptable *jouissance* that she nonetheless does not wish to sacrifice; unacceptable because it is counter to the male phantasy of the female *imaginary* with which her parents want her to identify. In other words, her gestures and posture threaten the patriarchal or phallic gaze.

To make matters worse, as a mother, besides criticising her, Clara Evelia does not do much to build her daughter's self image. In fact, she virtually leaves the poor girl in the care of a neighbor and frequently abandons her in order to attend conferences and other social functions. As a result, Gladys eventually develops a more loving relationship with the neighbor than with her own mother. To add insult to injury, Clara threatens to tell the neighbor that her daughter is dead when the latter refuses to recite a poem for her. The implicit message Gladys gets from her mother's words and actions is that, because she does not meet the image of the ideal woman the mother's desire is that she either disappear or cease to exist. It is not surprising, therefore, that since childhood Gladys feels that, for her

² For a detailed study of Leo's desire, see chapter 4 of my book, *Cultura e ideología en cuatro novelas de Manuel Puig*, Madrid: Pliegos, 2006.

³ Unlike Lacan, for Althusser, ideology (the symbolic order), offers the subject sufficient illusory and provisional coherence to act as a social subject. “Experience shows ... that the practical telecommunication of hailings is such that they hardly ever miss their man: verbal call or whistle, the one hailed always recognizes that it is really him who is being hailed.”

mother, she does not exist or, in psychoanalytic terms, she exists only, as a “bad object”⁴. In other words, Gladys learns from an early age that to be is to be for the gaze of the other otherwise, one is nothing. So, although she will, on the one hand strain herself to satisfy the phallic gaze, on the other she is constantly mindful of her “nothingness”. Her desire will therefore shift between the two extremes, the desire to be for the other, and the awareness of non-being to which, as we shall see, is attached a masochistic enjoyment.

Her initial response to this internal conflict is one of anguish. An anguish she compares to that of those who suffer from the *mal del siglo* or “la angustia de vivir”. Keenly aware of her nothingness, in adolescence she displays a constant fear of not being noticed. Thus during the art competition in the “Salon de Otoño” when Gladys sees the works of the other artists displayed in the salón, “pensó que su trabajo pasaría inarvertido” (*Buenos Aires*, 34).

The perception of her body image will vacillate between the body desired by the father, “budín” and that of the mother: “caballo”, “loro”. On the one hand she tries to mirror the image of the ideal woman; during her stay in the US, she dreams of making herself mysterious and attractive; before her first date with Leo, she does not know what clothes to put on because “mi deseo hubiese sido presentarme radiante de lujo” (114) But this desired body image is continually haunted by the image of the *real* or unconscious body, that of the mother. For instance, when she establishes what she believes to be a true relationship with Leo, she feels that finally her body has been accepted, but that feeling is troubled by a doubt: “desde que me siento bella me acucia la curiosidad ¿soy una bella instintiva o una bella existencial (120; our emphasis) As the question “¿soy una bella instintiva o una bella existencial?” suggests, Gladys is torn between the unconscious bestial and unadorned maternal body, *bella instintiva*, and the existential one, that of the father.

The loss of the eye in the rape attempt returns the body to its primordial state or state of nothingness for the phallic gaze. As a result Gladys will try to hide it by pulling a hairlock over it. Pulling the hair lock over the eye accomplishes two things: on the one hand, it serves to cover the maternal body, but on the other, as an imitation of the beautiful Veronica Lake, whose image is described in the epigraph that heads the chapter, it is an attempt to mirror the paternal body.

The image we present here of Gladys in some way brings up the question of the distinction Jacques Allain Miller (2000) makes between the “true woman” and the “*postiche* (or fake) woman.” According to this distinction, the male fantasy of the “true woman” is actually a “*postiche*” (or fake woman) one. As Jennifer Friedlander points out, “The true woman,” “unlike the *postiche* woman, ‘flaunts her lack’ rather than disavowing it. In this sense, like the signifier of lack in the Other ... the true woman emerges as a *tuche* of the Real... a jolt of surprise” (103). On occasion, as afore suggested, Gladys is a manifestation of the true woman in so far as her posture and gestures question the male fantasy of what it is to be a woman because her actions, to borrow Friedlander’s words, “enact a structure of hysteria in which she questions what it is about her that Man desires” (104).

The ambivalence between being and nothingness also manifests itself in Gladys’ artistic expression. As an adolescent, Gladys copies drawings from magazines, and in adult life, due to respect for the classic canon, she claims, she copies from acclaimed artists, an act which according to the narrator, undermines her personal expression (*Buenos Aires*, 39). The act of copying has a paradoxical function; on the one hand, it is an expression of the desire to identify with the image of the Other but, on the other, it is a negation or the rejection of her own capacity to express herself.

⁴ La situación de Gladys aquí puede compararse a la de la paciente de Marie-Hélène Brousse: “I have a patient who is grappling with the mother’s desire because she can,t decide whether or not to have a baby. In reference to her mother’s desire she can only remember one sentence. It’s a memory of her mother being furious with her children, running after them saying, ‘I’m going to kill you.’ The signifier of her mother’s desire is ‘I’m going to kill you.’ In a sense, my patient was constituted on the basis of those signifiers, to kill a child. It’s her interpretation of the Other’s demand. The Other’s demand is ‘die!’ The mothers demand, ‘be quiet’, can be understood as ‘be dead’ –the object of the patient’s fantasy. In her fantasy she always appears as disappearing. What is her object? Her own disappearance as an object. It’s not the only sign in her life because she is placed in the phallic position. But in her relationships with men, this is the way she sees herself. When she has a love affair with a man, it is important for her to see herself as a bad object, a scrap, something scorned.” (“The Drive” 110)

When she returns from her failed stay in the United States, Gladys discovers her personal artistic expression. But this discovery also bears a touch of the maternal gaze because the raw materials she uses are rejected objects. As she herself admits, she goes to the beach to pick up “los deshechos que había dejado la mareada sobre la arena” because she dares “*solamente a amar la resaca, otra cosa era demasiado pretender*” (108; our emphasis). She touches, talks and listens to the rejected objects because their world is hers too: “La obra era ésa, reunir objetos despreciados para compartir con ellos un momento de la vida, o la vida misma. Ésa era la vida” (108). Having failed in the U.S.A and in her numerous relationships, now her world is not that of “Rico Tipo”. Rejected by the mother, for Gladys the óleos, the temperas etc., become luxury objects:

era material precioso de lujo, que a mí no me estaba permitido tocar, a un ser inferior no le está permitido gastar, desperdiciar, jugar con objetos valiosos. Por eso durante años no hice nada, hasta que descubrí las pobres criaturas hermanas que rechaza cada mañana la marejada. (108)

During her stay in the U.S.A, Gladys hopes that finally her luck will change. But her American experience was not only a complete disaster as far as her love life goes, but also with regards to her artistic goals. Gladys’ neurotic breakdown can be directly related to her amorous and professional failures. Added to this is the fact that —as she finds out upon her return home— unlike her, her old friends had either already gotten married or had their works exhibited in well known art galleries. Believing that she has lost it all, it is not surprising that Gladys harbors suicidal thoughts (51): the desire to negate the *imaginary* body and return to the ultimate state of nothingness, death.

She is saved from accomplishing this desire with the discovery of a new form of artistic expression and the appearance of Leo on the scene. These two, will now serve as possible metaphors for the *objet a* that will save her from the void of being. But once again, Gladys’ split desire will manifest itself. On the one hand she sees Leo as the object of love that she had always desired in her dreams: “lo conocía: lo había imaginado” (110). From the moment she meets him, she says, “lo único que importaba ... era tratar de pasar el resto de mi vida cerca de él para mirarlo” (112), because Leo awakens in her this inexplicable “sensación” that is associated with the “discovery” of one’s object of desire; his gaze is “un ciclón [que] me arranca de la tierra y me lleva a zonas desconocidas, donde me alcanzan rayos que leen el pensamiento, o electrizan, o matan, o dan la vida” (112). With him, she actually feels she has reached the end of her search for that elusive metaphor: “pensé que el cielo existía. Que Dios me quería y por eso me había premiado después de tanto sufrimiento, con un amor de veras” (119). Believing that Leo is her other half, she now thinks only of “cosas lindas” (105). But on the other hand, pursued by the mother’s negative gaze, Gladys is prepared to totally negate her being before Leo’s gaze: “Dios me preguntaba si yo estaba dispuesta a cualquier sacrificio por amor a mi futuro compañero. Respondí que por supuesto sí, más aún, *sería doblemente mi placer doblegarme a su voluntad*” (109; our emphasis).

Unfortunately for Gladys, this relationship, like the American ones, does not endure for long. This is not surprising, because given the different ways in which both lovers express their desires it is an impossible love. Their love can actually be compared to the love between the thief entrapped in the Casbah and Hedy Lamarr, depicted in the epigraph that heads chapter eight. The thief can’t be with his lover because he is physically trapped behind the Casbah. Leo, on the other hand is emotionally trapped by the obsessive repetition of his drives, which exclude the possibility of civilized love. And, although Gladys does all she can to love genuinely, as we pointed out earlier, these efforts are constantly sabotaged by her own *dasein*, the cause of her feeling worthless.

The inevitable breakup with Leo does not only remind Clara of her breakups and frustrations in the United States, but also reinforces this feeling of worthlessness. In fact, at this stage in her life, she feels that her whole world has collapsed: she is disqualified from the meeting in Brazil, she has completely run out of funds but, above all, due to her physical and emotional condition she is unable to work. Once again, these losses will make her doubt her abilities as an artist and loathe her self-image. The disqualification undermines her self-confidence to the point that, all she desires is mere subsistence:

la única actividad que le agradaba era su trabajo plástico, pero había dejado de creer en él, lo cual le impedía presentarlo en público; si hallaba fuerzas para desempeñarse en un trabajo cualquiera,

solamente lograría el objeto de sobrevivir; subsistir solamente le aseguraba la prolongación de su malestar. (207)

Once again, Gladys is caught between the desire to be and the desire not to be, but this time the choice is between life and death. When she hears the noise of the sexual act between the lovers in the room next to her hotel room, she understandably feels life is unjust. She compares herself to the couple engaged in the ultimate act of human desire and reflects upon her own present problems and the sombre future that awaits her: “la amenaza de las innumerables jaquecas que la aguardaban en la Playa Blanca” (214). Based on this reflection, she concludes that life is unfair; therefore she has no reason to keep on living:

si era posible tal disparidad de suertes, no hallaba ella razón alguna por la cual debía aceptarla; más aún, si poderes desconocidos habían decidido que a ella le tocara la suerte menos favorable, no hallaba razón alguna para hacerse cómplice de los mismos; ... el sólo hecho de seguir viviendo la volvía cómplice de ellos”. (213-14)

Due to this negative perception of life, death, in the form of suicide, becomes an object of desire. She therefore decides to jump over the balcony to end it all. However, her encounter with the couple living nextdoor to her room will change things radically. When the young couple express an interest in her art —the product of the “desperdicios de la vida”— the desire for life re enters her. In fact this encounter in a way portrays an analytic session, —albeit a very brief one—, comparable to the one Slavoj Žižek identifies in the encounter between Clarice Starling and Hannibal Lector in *Silence of the Lambs*. In the movie, Clarice Lector in prison, and solicits his help to catch the serial killer, Buffalo Bill. Lector agrees to do this, but on condition that Clarice tell him about herself, a replica of the analytic session, Žižek argues. Through their discussions (sessions), he is able to extract a primal scene from Clarice: orphaned at the age of ten and forced to live with relatives, Clarice wakes up one day to the screaming of lambs which are being slaughtered. She rescues one of them and runs away with it. But the rescued lamb is later recovered and killed with the others. Lector’s diagnosis is as follows: “You still wake up sometimes, don’t you? You hear the screaming of the lambs, and you think that if you could save poor Catherine [Buffalo Bill’s victim] you could make them stop, don’t you? You think if Catherine lives, you won’t wake up in the dark ever again, to the awful screaming of the lambs.” (148) According to Žižek, this primal scene is the “fundamental fantasy” that holds Clarice’s subjectivity together, covering the *real*; her desire to stop the lambs from crying supports her *symbolic* identity, determining the course of her life, driving her to overcome her humble origins and become an FBI agent. Lector’s exposure of this fact, Žižek argues, is in keeping with the function of Lacanian analysis: to enable the subject “traverse the fantasy” by disclosing the *objet a*, revealing what is in the object more than the subject. Unlike the Lacanian analyst though, Lector helps Clarice track down the killer. In psychoanalysis, on the other hand, Žižek points out, “we must pay the analyst so that he or she will allow us to offer him or her own *dasein* on a plate.” (148). In the case of our protagonist, finally someone, the couple in this case, values her for who she is. In a way, by this simple gesture, they accomplish a psychoanalytic feat: accept her *dasein*; i.e. the fact that her art, like her self, is from the rejected objects of the earth. The new desire for life makes her accept the young couples’ invitation to dinner. Now she will also accept an offer that she had earlier rejected: talk to the director of an art gallery about exhibiting her works.

But if she begins to appreciate her place in the *symbolic* system, because of the couples’ interest in her work —and by extension in her—, this renewed appreciation of her reality should not be seen as an end in itself, but rather as an opportunity for a new beginning. And for her to take full advantage of this opportunity she will have to learn, on the one hand, to accept the mother’s negative gaze as the cause of her desire and treat it as such, and on the other learn to distance herself from it.

Works cited

1. Brousse, Marie-Hélène. “The Drive I and II.” *Reading Seminar IX*. Eds. Richard Feldstein, Bruce Fink, Maire Jaanus. Albany: State University of New York Press, 1995. 99-117.
2. Friedlander, Eli: *Boundary 2: An International Journal of Literature and Culture*, 2001 Spring; 28 (1): 75-90.

3. Friedlander, Jennifer. *Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society* 8.1 (2003) 99-108
4. Miller, Jacques-Alain. "On Semblances in the Relation Between the Sexes." In *Sexuation*. Ed. Renata Salecl. Durham: Duke UP, 2000.
5. Morello-Frosch, Marta. "La sexualidad opresiva en las obras de Manuel Puig." *Nueva Narrativa Hispanoamericana*. V (1975) 152-57.
6. Puig, Manuel. *The Buenos Aires Affair*. Barcelona: Seix Barral 1989.
7. Zizek, Slavoj et al. *Interrogating the Real*. Londod: Continuum, 2006.

A NIETZSCHEAN APPROACH TO EL TORNAVOZ

María del Rosario Lara

Francis Marion University, USA

El tornavoz (1983) by Jesús Gardea is a novel that questions contemporary mass-society, the alienation of men and women, and the scarce possibilities that human beings have to avoid what the author understands as their terrible condition. However, the writer proposes a solution to the problem though. According to Gardea, salvation is within each individual, or more precisely, in the strength of our inner will to overcome the impersonal world where the selfish and the interested compose the dominant group. According to the Mexican writer, men and women should re-evaluate their relationship with themselves and with the outside world, through the supremacy of subjectivity and establish a new one if necessary; therefore, he understands salvation through the undermining of an instrumental and objective reason. Reason that up to the present time has been misinterpreted as Modernity.

Western man and woman have sacrificed their lives and individualities, their most inner wishes, and even bodies, to this instrumental reasoning in order to obtain what is just a promise, which in the best case scenario, has been actualized into a mere material security. Culture has turned against men and women. It has paved the road for them to follow during their existence; and in return they have received their stay into society and the enjoyment of the minimum benefits it can offer them. But human beings' time and selves are committed unwillingly to the purposes and goals of a highly repressive society, although in some cases it manages to present itself as a democratic one.

Jesús Gardea poses a question to the readers and himself on how society can be democratic when it has reduced men and women to mere subjects of market, to simple consumers of material and spiritual goods. The ethic and esthetical potentialities of human beings have been marginalized considerably on behalf of the functioning of society all over the world.⁵ The human will has been disrupted in favor of the comfort that pretends to fulfill all the soul's recesses. Nevertheless, men and women have reached an outrageous situation, when their existences have been transformed into a humdrum becoming, into a situation remiss of any meaning. Modern men and women is no longer capable of giving to himself or herself a tangible goal, and because of that, he was appealed either to the State or the civil institutions such as the Family, the Church, the Market, the Business World and mechanic labor to find an aim for their lives.

The disavowal that Jesus Gardea feels toward the "social self," namely, toward the men and women completely socialized and alienated, has taken the writer to posit its destruction, and then situate the "individual subject" into the void left by the "social self." This new self should be more conscious of himself/herself and its creative and intellectual potentialities and skills. This "subject re-laboration" requires a new worldview that conveniently fits the genuine human necessities. According to Gardea the creation of this new worldview will depend upon few men and women liable of submitting their wills to a new discipline that should allow them to rejuvenate the exhausted and

⁵ The actual man and woman have lost themselves into the community, getting rid of their own individualities. Because of that he or she have become mutilated beings, unable to reach their human plenitude, through an equilibrium between the Dionisiatic side and the Apolinian side of the human nature (see Frederic Nietzsche).

almost destroyed Social World of today, and to put aside the supremacy of the social utilitarianism and conformism (Touraine).

The solution casted by Gardea to the contemporary human condition problem, developed in El tornavoz, could be circumscribed within a nietzschean frame, if we take into account that the Mexican writer embodies the possibilities of change in a few privileged persons, able to put into question the norms and values of society and to advance a new and different core of rules under which direct the masses into a situation of moral strengthening.

Gardea states that the world of cold utility and calculus must be destroyed to give birth to a newer, healthier and stronger society. A new power must be imposed over the ancient and deciduous powers, which represent the institution of the Family, the alienated, monotonous work, and the women⁶. However, the Gardean hero of El tornavoz, Cándido Paniagua, who is a member of the privileged class and is capable of creating a new lifestyle for mankind, fails in his attempt to convince other characters in the novel about the truths he has just discovered⁷. The masses reject and deny all possibility of amelioration when they refuse to listen to the Cándido's discourse. Perhaps, the explanation of his failure can be found in his desire to convince the people, "the sick men and women," not only through words but by leading through example of the reality others do not want to see. Nevertheless, at the end of the narration, there lies a hope incarnated in his grand nephew, Jeremías Paniagua, since he has received the seed of Cándido's word, and it has rooted itself inside his conscience and it has been perfectly understood by Jeremías. This fact empowers a new possibility of change for mankind.

The solution that Gardea presents in his novel is very aristocratic, since the will of change comes from a narrow group of people and it does not spring out of the entire community. Such an elaboration of a new "ideology" falls upon a "creative minority," whose fundamental duty is to give the foundations for a new subjectivity. Moreover, this minority would be able to work in the community to achieve its full integration into the new model of social organization. The idea of social change in El tornavoz is relatively similar to that of Arnold Toynbee, who establishes that a whole society advances from a low level of development to a higher one, due to the efforts of "privileged minorities" who hold the ability of constructing and transmitting their message to the community; and also because this community is sufficiently matured to accept and internalize it. Such a proposal of change departs from any democratic endeavor for the new model does not arise from the entire society, but from a minority, who try to impose it either through conviction or in some cases through violence. In El tornavoz Cándido never make use of violence to attain the acceptance of his people.

The Gardean world in El tornavoz is a hierarchical world where exists two types of men and women. One group can be characterized by their active attitude towards life and the other can be described according to its passive stand towards their surroundings (La genealogía... 67). The active man/woman fits into the Ortega y Gasset's idea concerning the conscious human being who behaves according to his/her interests and has discovered the original aim of existence. The passive human being is, on the contrary, the resented man or resented woman who has not yet achieved a personal and realistic life plan, and therefore, his/her behavior is defined by the social norms with out any questioning and by the social making of others. The active part of society integrates a minority, whose members must be strong and morally brave with "freest eyes." (La genealogía...). Consequently, this minority is superior to the rest of humanity. Cándido Paniagua belongs to the latter category of active

⁶ It is important to note that for the Mexican writer, Jesus Gardea, the women appears in all his literary work as the supporter or carrier of the old values, incapable of any genuine change. Apparently, the society he dreams of is a phallogentric community where women must be under the guidance of men.

⁷ We can say that Gardea could take the Voltaire's Cándido as a model to construct his hero in El tornavoz. But there are profound differences between the two Cándidos. At the beginning of the narrations both Cándidos share the same attitude toward life. Both of them are looking the best of the worlds and they believe in the good faith and good will of people. The great difference lies in the fact that the Gardean hero never relinquish his original project of life, even apparently it has failed because malice and hatred. On the contrary, the Voltairian Cándido is assimilated into his fraudulent society. This assimilation is the consequence of the annihilation of his self. The Cándido in El tornavoz accomplished the whole process of individualization, while the Cándido in Cándido failed so roundly.

people. In the novel El tornavoz that division and hierarchization of society is shown by the metaphor of the Catholic Church Capuchinas' pigeons:

“Las palomas que llegaban a las torres por el aire azul, sobrino, desde la sombra. Los animalitos levantaban el vuelo por orden. Primero las del suelo, en oleadas. Luego, las del atrio, de una en una, o en parejas. Elegantes siempre. Estas, sobrino, yo no sé por qué causa, se posaban invariablemente en las cornisas. Seguían estando por encima de las demás” (48).

Cándido possesses a clear consciousness about the world and it is completely opposite to the “lost consciousness” of other characters in the novel.

This situation drives them to a doomed condition of lacking the vital energy or the “will for power” (Concept in La genealogía...) to transform a hostile and repressive reality into a more humanistic one. Their ease to conform leads them to undergo “una racionalidad que les es impuesta desde fuera” (Marcuse, 76) that has lost any *raison d'être*. Cándido Paniagua, by virtue of a great intellectual and moral capacity, realizes the stiffness of societal rules and how they have brought humanity to rancor, hatred, revenge, and isolation. He is the only one who is aware of the moral mutilation of men and women; and he is also aware of his duty, as a representative of a certain kind of human being signaled by its superiority, which consists of converting the oppressive conditions of human life into a more humanitarian landscape.

However, it is important to mention that there lies a meaningful difference between Cándido Paniagua and the “Nietzschean Super Hero.” Once the Gardean character in El tornavoz has uncovered the putrefaction of the bourgeois values, he returns, after a long period of isolation, to his community in order to spread the message among his people. But he has to prepare himself for this enormous task; that is why he must be withdrawn from society for so long. For Paniagua, this is a period of reflection and understanding of the human condition. His ultimate goal, therefore, is not a lasting and complete isolation but rather a temporary one to strengthen his intellectual, aesthetic, and moral abilities in the face of the great duty he has to accomplish. Once Cándido has recovered the values of love and of communication, he decides to reveal his wisdom. Such re-interpretation and re-elaboration of reality is based upon the search for our own self. Cándido knows that this search has to be done in isolation, because only in this way will he develop his creative potentialities. This is why it is a “creative and active solitude,” as opposed to the negative and sterile solitude of the modern society. This is precisely because most human beings (to whom Nietzsche refers as the “man-flock”) live sunken into this negative solitude because they have missed a profound consciousness of themselves and consequently they do not possess any will to change. Cándido invites his friends and relatives to follow him in his adventure of re-creating the world, because he does not want to impose any personal judgment about reality. Unfortunately his message is rejected by society, and in this way it is doomed to have an unfair and fraudulent existence. The ordinary man and woman are embraced by others' opinions: “Necesariamente permanece extraño a sí mismo, no se entiende, tiene que confundirse con otros, en él se cumple por siempre la frase que dice cada uno es para sí mismo el más lejano.” (La genealogía, 88)

From very early age on, Cándido shows that he has a very special gift and he moves away from the childhood activities. He begins a process of auto-reflection, whose symbol is the Capuchinas Catholic Church:

A la edad de Felipe, cuando los otros niños jugaban al sol y se convertían en el alma iluminada de las calles, yo comencé a visitarla... Un día de mucho sol [...] sobrino, debo de haber entrado por primera vez. Recuerdo confusamente que no me senté, que permanecí parado atrás de todas las bancas; y que esta solo... No voy más a la escuela. No juego. Mis amigos se han ido perdiendo con el tiempo. (81)

Cándido explains to his nephew how he was driven away from people. Notice that with time Cándido lost his friends and he was living submerged in solitude. Later on, when the hero was still young, he lost contact with his interior world and he stopped going to Capuchinas church. He became trapped in daily life, characterized by alienation; that is to say, he lost his interior self, as he had succumbed to bourgeois values:

Me han puesto a trabajar de mandadero de una oficina de cobranzas. Ando el día entero en una oficina de cobranzas. Ando el día entero por las calles montado en una bicicleta vieja que me consiguió Paniagua. Parezco arañita loca. Tejo mi tela sin ton ni son. (83)

The metaphor of the crazy little spider typifies the alienated job, life without objectives and the completely aimless existence of most people. However, with no apparent reason, Cándido comes back to Capuchinas and he rediscovers his interior life. The shadows and silences in Capuchinas allows him to be in solitude to comprehend how ordinary human life is so deviated from real existence and he tries to find other moral and ethical values, more in harmony with the authentic and genuine man and woman. To perform such a search, Cándido has chosen the “good solitude” “the free solitude” (Así hablaba...28). From that moment, Cándido realizes his superiority over the ordinary human beings, who “viven quizá de una manera más cómoda, menos peligrosa, pero también con un estilo inferior, de modo más bajo.” (La genealogía...90) Cándido decides to accept the risk of living differently among struggles in order to accomplish his own life project.

Thereafter, Capuchinas becomes his real home. The church represents the coming to terms with his own self. It stands for the recovery of his soul. After he is truly convinced of the truths he has regained during a long period of reflection, Cándido decides to return to his community to spread his message. In the same fashion of a Nietzschean philosopher, the hero in El tornavoz has acquired a stubborn will. Cándido is always willing to submit himself to any kind of test to prove his new vision of life and his strength. He knows beforehand that he will surpass any adverse situation and he is convinced of the road that will take him to human fulfillment. Cándido, in the same way of the Nietzschean Super-Hero, supersedes “la adaptación al orden racional del mundo por la exaltación de la voluntad” (Touraine, 134), as a means to maintain his individuality. Nevertheless, there stands a great difference between the Nietzschean active man who remains detached from the people in his society, because he strongly believes that a “noble man” should not mingle among the “weak man.” On the other hand, Cándido behaves exactly the opposite. He is in need of the others to complete his process of individualization, which he has initiated in Capuchinas. This process can only be fulfilled through love and communication, which with love and communication should rest on a process of familiarization with the “subjective self.” Unfortunately, once Cándido has tried to integrate himself into the community, he finds he has been rejected by the violence of his family members, who do not permit him to share his new message. This rejection does not mean a return of Cándido to the old system of values and beliefs, that is to say, to an alienated existence. Cándido is willing to put into action the Píndaros’s sentence: “Llega a ser lo que eres.” (Paideia, 45).

Because of his strong decision to deviate from the deciduous values of society, Cándido resembles the Nietzschean man:

El hombre de la dura voluntad propia, independiente e inquebrantable, tiene también en esta posesión suya, su medida de valor: mirando a los otros desde sí mismo, honra o desprecia... posee el privilegio extraordinario de la responsabilidad, conciencia de esta extraña libertad, de este poder sobre sí y sobre el destino (Así hablaba...98).

Cándido feels himself responsible for his mission in life. His mission has two goals. On the one hand he knows he must remain in freedom in order to become himself; and on the other hand, he must address his message to society⁸. He is aware that his discourse will not be welcome by many followers, but he still accepts the risk. The Gardean hero understands that to have an authentic life he must surpass dangers and adventures. In this manner, responsibility becomes an attribute of the noble, authentic and free man.

The masses who inhabit Placeres (Cándido’s town), can be classified into two very different groups. Those who have received the gift, that is to say, the privilege of being aware of his/her subjunctive self, and consequently the possibility of having a great human energy to reach a more human life and that in most cases “se separa de sí misma y se vuelve contra sí misma, al identificarse...” (Touraine,124) with the social morality. Unfortunately, these characters in El tornavoz

⁸ The Gardean hero comprehends that every human being has two dimensions and he/she cannot ignore any of them to reach his/her full human plenitude. One dimension concerns his/her individuality; the other one is related with his/her belonging to its cultural community.

do not possess a “will for power” and they decide to get rid of the burden that stands for the responsibility to create for them another destiny totally different from that which society has imposed over them. With the passage of time, these characters have lost the memory of Cándido’s discourse. It is important to say that for both Nietzsche and Gardea, memory is a very important element in the construction of a new man and woman.⁹ Both Felipe (Cándido’s brother) and Isidro (Cándido’s nephew) received, since they were very young, the teachings and examples of the oldest Paniagua. But with the passing of time they forgot Cándido’s word and they only maintained vague and fuzzy memories. For instance, Felipe used to have flashbacks of Cándido’s world vision at moments of deep melancholy:

Los Paniagua somos de otros lugares. Tu padre dice a sus amigos cuando está triste. Pero su lengua es ciega. El realmente no ve nada. Nada recuerda ya. Habla de lo que yo le he contado. Salió joven de Ila y comenzó a desmemoriarse en el trato con Ilda. (97)

Speaking with his grand nephew, Jeremías, Cándido tells him about how his father lost the true way toward liberation and full realization because he fell prey to oblivion. Ilda, Jeremías’ mother, strongly contributed to her husband’s moral loss.

On the other hand, there exist the characters who neither understand nor see anything about the real meaning of life. Women in the novel personify this blindness toward Cándido’s message. Both Ilda Paniagua, Felipe’s wife, and Olivia Paniagua, Isidro’s wife, function as hindrances in the recovery process of the “inner self” of their husbands. In this manner, Felipe and Isidro have a poor, boring and useless life though full of security since they have decided to evade the risks that real life implies. Both women stand for the bastion of the bourgeois values, which are transmitted to the men through the medium of family. It is paradigmatic that Cándido is the only character in the novel that is not married. Again, Gardea exhibits his personal idea about women, which is for them not very positive. For the Mexican writer, women are heavy barriers in reaching the human plenitude. In this sense, we can say that Gardea shares the same vision of women as Nietzsche. Both Nietzsche and Gardea depict the woman thusly because they consider her an inferior being to the man since for both writers she represents the taste of an epoch, which enfeebles the will of greatness. “Un filósofo casado es un personaje de comedia” (*Así hablaba...* 178).

Ilda is a being of rancor and hatred. Because of the negative critic Cándido addresses against bourgeois values, Ilda considers him a dangerous enemy. For Ilda these values are the very foundations of her life. According to Cándido, Ilda is irrational and behaves reactively along with lacking any spontaneity or initiative. She is always willing to obey the social norm without any questioning. Consequently this social norm has conditioned *a priori* her life and her world vision. Therefore her attitude brings her to a war against Cándido. She wants to destroy him completely. For the oldest Paniagua, Ilda stands for the caduceus past in the “now” and in the “today.” She is the opposite of Cándido, who represents a luminous future for men and women. In face of the suspicious and resentful gaze of Ilda, Cándido’s decision to be alone “se le aparece como peligrosa y todo lo que separa al individuo del rebaño, todo lo que asusta al prójimo se le denominara en adelante el mal” (*Genealogía...*89). Ilda does everything at hand to end with the “will for power” of his brother in law (Cándido) and she takes away him from any contact with her family, Felipe and Isidro. But the hero copes with any attack, and he is cruel in his counteroffensive, since the scale of what he is protecting is of great proportions, and it is the accomplishment of his full humanity. Cándido likens Ilda to cows and flies for she is absolutely blind to his message and she lacks any true wisdom: “Pues que saben las vacas o las moscas.” (68).

Olivia Paniagua behaves the same way as Ilda; she follows the same conduct patterns as her mother-in-law. In light of Isidro’s persistent memories of the dead uncle (Cándido), Olivia refuses to help her husband to retrieve Cándido’s message and teachings which still live secretly in his inner “self.” Olivia depletes little by little her husband’s incipient flight toward real life, because if Isidro would be able to recover his authentic “self” this situation would threaten Olivias’ own world, built

⁹ Memory, according to Gardea, is indispensable for the reconstruction of the human subjectivity. From memory men and women can begin a re-interpretation of their experiences and then they will be able to build a best-suited future to his real needs. Both, memory and future are the two poles of the human process of subjectivation and individualization.

upon falsification and ignorance of herself and Isidro's real needs. In her duty to deter Isidro from any road of comprehension, Olivia tries to obliterate any recollection his husband could have about Cándido. However, Olivia fails, because Isidro has understood the meaning of his uncle's words, but this understanding has come too late. This delay provokes his premature death. Later on, Olivia will try to protect her son, Jeremías, against the infection of the oldest Paniagua.

In the world of El tornavoz, the home is transformed into a prison, where only the social norms and the community's values are at work. Because of that situation, every possibility to enhance the human being's life is lost. Women, inside the home, perform the function of guardian and supporter of such values and rules. It is evident that women submissively accept their role: the taming of children, that is to say, the socialization of sons and daughters neglecting genuine education. Family then becomes an outlet for alienation and isolation and it does not concur with the real rapprochement of its members (Cooper, 123). Every questioning to this social institution is seen as an attack against it and the comfort and security it brings to individuals. Consequently, women appear in El tornavoz as the fundamental cause of man's deviation from his true destiny:

Y hay que cuidarse siempre mucho, pero mucho, de irse a perder. Porque después resulta que llegas a casas, a mundos que no son los tuyos... Ilda piensa que aquí hay bastantes árboles –replicó [Isidro niño]. Paniagua hizo un ruido con la boca, meneó la cabeza –No. ¿Qué árboles?... Cómo te hurta la estampa del mundo tu gente, sobrino. (78)

Cándido realizes that his nephew is watching the world not with his own eyes, but through his mother's eyes. The hero warns him about the danger of adopting the opinions and views of others instead of relying on oneself. Cándido knows that one stands in peril if we do not listen to our selves and that is precisely the message he wants Isidro to comprehend. But for Isidro it is too late, because as an adult he buries his uncle's teachings. Unfortunately he pays a very high price; instead of having a meaningful life he earns a life devoid of any significance in combination with his early death.

Jeremías, Olivia's and Isidro's son, inherits the same gift as his grand uncle. This gift manifests itself with the power of silencing the cicadas at will. In the same manner as Cándido, Jeremías possesses a strong will and he manages very well to escape from the castrating and watchful eye of his mother by opposing her through creativity. As a young boy, Jeremías abandoned his home to recover his inner self, and better understand the values that the oldest Paniagua tried to transmit to his grand father and his father without success.¹⁰ Once Jeremías is an adult, he comes back to Placeres to carry out the wish of his grand uncle, which coincides with his own will: to construct a small sounding board, "techito abombado entre el cielo y la tierra" (112). At last, the seed of Cándido has sprouted inside Jeremías, who must undergo the same painful process of subjectivization as his grand uncle through the study of human nature:

El estudio del hombre de la calle, estudio prolongado y serio, que requiere mucho tacto, repugnancia, familiaridad, malas compañías, es un capítulo necesario en la vida de todo filósofo, el mas desagradable tal vez y, quizá también, el mas prodigo en decepciones. (Así hablaba...78)

Gardea suggests to the reader that this difficult process of learning has taken place when Jeremías was far from his hometown. He returns to Placeres with a better understanding of human nature and of readiness to communicate his message.

The mission of both heroes Cándido and Jeremías is related basically with the diffusion of the message among their fellows through conviction, rejecting any action that has to do either with violence or with total destruction as Nietzsche suggests. Both heroes know how to become strong and cruel whenever society tries to subject them to its rules and principles. Love and communication are the foundations of their action in the world, which requires from them a "will of power" for holding tight to the permanent memory of the duty dedicated to the ideal.

The solution both Gardea and Nietzsche set forth to the alienation most men and women suffer is based on an aristocratic conception of the world. Very few men, the morally noble and superior ones, are called to accomplish a great social mission, which consists in taking other members of their

¹⁰ In the case of Jeremías, the writer does not describe the process of individualization that he suffers. Gardea just gives clues to the reader of it. So the reader has to rebuild this process. The Mexican writer insists upon the fact of Jeremías's strong will when he tries to put into action the wisdom and teachings of Cándido.

community to a more advanced stage of development, to the same stage in which the “creative elites” have already arrived. These privileged minorities have the gift of understanding the real situation of human beings. They arrived at this wisdom after a long period of solitude. Afterwards, they will be able to come back to their societies to change them according to the new knowledge they have acquired during their isolation. Although Gardea firmly believes in love and communication to transform society, the solution he advocates is quite dangerous, since it rejects the individuality of those who do not belong to the privileged minorities. On the other hand, this kind of solution can lead to highly authoritarian societies because it only takes into account the world vision of very small minority.

Although Gardea speaks of the emergence of subjectivity, it is reserved only for the few capable of imposing their ideology. He forgets about “la creación de garantías que protejan a los débiles (entre ellos la mujer, concebida de forma peyorativa y que les permita establecer una relación consigo mismo” (Touraine, 147). Nevertheless, the Mexican writer is infallible in reminding us of the misconception that links together personal development with unquestionable social integration in contemporary society. However, both Gardea and Nietzsche do not establish any mechanism that permits a dialogue between the privileged minorities (agents of social change) and the masses. Tolerance and conviction are not by themselves guarantees of an auto-realization and the welfare of the soul. In any case, what tolerance and conviction can assure is a state of law. A true democratic society is that which, on one hand is willing to raise the necessary instruments for presenting the different needs of the various groups of the community while on the other hand it should create safeguards to protect the most disadvantaged persons, and finally to come up with a core of basic rules for a dialogue among all groups of society. Ideally, this dialogue should be the foundation for the development of a new pattern of social relations.

**THE PACIFIC NORTHWEST COAST THROUGH THE EYES OF AN EIGHTEENTH-CENTURY SPANISH OFFICER:
THE NARRATIVE OF ANTONIO DE TOVA ARREDONDO, 1791¹¹**

Enrique J. Porrua

University of North Carolina at Pembroke, USA

Second in command of the corvette *Atrevida* under the orders of Captain José Bustamante y Guerra, Antonio de Tova Arredondo participated in the scientific-political expedition commanded by Captain Alexandro Malaspina around the world between 1789 and 1794. The first plan of the expedition included the survey of the Sandwich Islands or Hawaii, but the plans changed to proceed northward from Acapulco instead, and the expedition then visited Mulgrave Sound, today Yakutat Bay, and the Spanish post in Nutka, today Nootka Sound, in Alaska. Malaspina and his men were “not only to explore the northern shores and peoples, but also to create an accurate and true image of this area of the world on the basis of all the previous diaries and journals of the Spanish exploration of the Northwest Coast as well as by the careful use of foreign sources.”¹² Among the diaries produced by the officers of the expedition, the one written by Lieutenant Tova, although incomplete in several segments, contains one of the most vivid, informative, and detailed accounts produced by this group of Spaniards about their activities during the short visit to Alaska and the Northwest Coast.¹³

¹¹ For the translation of the quotes taken from Tova’s diary I am using the article by Donald C. Cutter’s “Malaspina in Yakutat Bay” *The Alaska Journal* 2, 4 (1972): 42-49, and the one provided by Dr. Wallace Olson, both slightly modified or completed by when considered necessary. However, to facilitate comparison and to satisfy those who prefer the original text, the endnotes provide the Spanish version of the text as originally written by Tova in his diary.

¹² See Fernando Monge, “Visiting and Imaging the Indians: Spanish 18th Century Expeditions to the Northwest Coast.” *Native American Studies* 6, 2 (1992): 11.

¹³ For a complete transcription of the diary written by Tova, see *The Diary Written by Lieutenant Antonio de Tova. Malaspina Expedition, 1789-1794*. New York: Edwin Mellen Press, 2001. Besides this work, the only one available is the edition by Lorenzo Sanfeliú Ortiz, *62 meses a bordo*, (Madrid: Museo Naval, 1943). In 1972, Donald C. Cutter translated into English the segments of Sanfeliú’s edition where Tova refers to the Northwest Coast.

The narrative of Tova about the events in Alaska and the Northwest Coast follows and demonstrates that these men were children of the Enlightenment. When talking about the abundant diaries written by Spaniards during the scientific expeditions in the eighteenth century, Dr. Fernando Monge remarks: “their value rests not only in the quality of their ethnographic contents but also in their mapping of the knowledge acquired as well as the philosophical topics developed.”¹⁴ The personal experience gained during the expedition, the knowledge they acquired concerning the visited lands and the Natives who populated them, and how they incorporated such knowledge to their educated minds, reaffirmed them as enlightened observers they were supposed to be. Tova, inspired by his remarkable education, reflected in his writings the spirit of his times. His perspective is extremely interesting, especially as an officer of second rank. His observations about the activities of foreign intruders in the area resemble and illustrate the resentful feelings of his compatriots against the ‘illicit’ activities of foreign nations. His passionate account of the episodes occurred with ‘unstable’ Natives illustrates not only the character of the commercial relations between both worlds, but also the Spanish diplomatic policies to be applied when contacting Natives. Finally, his ethnographic descriptions, a bit of color on the narrative, represent an invaluable testimony, which might help both Europeans --and Natives themselves-- to extract much information about Native groups in the early stages of interaction with the western culture.

To understand the most critical aspects of Tova’s account, we first need to survey the historical circumstances in the Pacific Northwest. By the second half of the eighteenth century, in the eyes of the European nations, the Northwest Coast of America still remained a distant, exotic and insufficiently explored part of the world. The area was not yet formally claimed by the Spaniards and remained almost completely unattended, unsettled, and insufficiently controlled for decades. The Spanish monarchy did not consider it of great commercial or strategic importance. Only after being alarmed by news received in the court of Madrid that the Russians were present in the area, the Spaniards realized that allowing other European powers to settle in or near the North West Coast of America might eventually jeopardize seriously her territories in New Spain, as well as her hegemony in the Pacific. José de Gálvez started a campaign to promote the area by establishing ports along the coast of California, such as the Departamento Naval de San Blas, founded in 1767. Viceroy Antonio María Bucareli followed Gálvez in his interest on the area. He organized a campaign to reinforce Spanish control in the coast north of California. Exploratory expeditions, starting with the one led by Juan Pérez in 1773, were launched to survey and chart the coast, take formal possession of the lands, gather information about the inhabitants, and observe foreign activity.¹⁵ The results of these expeditions surprised the Spanish government. On the one hand, Spain learned of the great potential of the natural resources, like sea otter furs and the excellent wood to build ships. On the other hand, they also learn that presence of other European powers was much more intense than they ever expected. Not only Russians were frequenting the area and establishing trading posts, but also the British, sometimes hiding themselves under foreign flags, had been visiting the Native towns.

After earlier expeditions had disproved the existence of the mythical Strait of Anián, the Northwest Coast then became a priority in the Spanish agenda, but for different reasons. Under all the abovementioned circumstances, the Northwest Coast unexpectedly turned into a complicated frontier scenario in which for more than thirty years three different, interrelated fronts can be identified. The conflict among Europeans for the right to visit the area would be the European-European front, which resulted in the Nootka controversy and the consequent loss by Spain of her hegemony over the area. The conflict among Natives, who were trying to take advantage of the commerce with the foreign ships, less evident to the eyes of their visitors, resulted in the inevitable friction between Native groups when certain chiefs adventured into the territories belonging to other tribes, at least sporadically, thus threatening traditional boundaries and creating the Native-Native front. The interest here is focused on the European-Native front, where both groups were attracted to each other mostly because of the

¹⁴ See Monge, *Ibid.*, 10.

¹⁵ For more information about the instructions given by Bucareli to Juan Pérez in 1773, see Manuel P. Servin “The Instructions of Viceroy Bucareli to Ensign Juan Pérez.” *CHSQ* XL (1961).

profits of commerce.¹⁶ The interaction of the parties in each of the fronts produced results that would change the area dramatically in the years to come.

Although the Malaspina Expedition was not motivated by commercial purposes, it obviously falls into the third category. In this attempt to explore the implications of what Tova wrote about his experience and observations in the Northwest Coast and Alaska, one should start with the ‘dissection’ of one paragraph of Tova’s account in which he summarized his thoughts about the stay of the expedition in Yakutat.¹⁷ These words epitomize the mentality of this man as an educated enlightened officer, his good intention, as well as his limitations.

Thus, after a short stay, yet fruitful in interesting events, we left those rustic places with the pleasant satisfaction of not having inflicted the least damage upon its residents. They always received with interest the price of their trifles, we respected their customs insofar as we could know them, we suffered their thievery, their bad faith, and their insults, and suppressing those sentiments that are naturally inspired by the love of self-preservation, we many times exposed our lives to avoid the outpouring of blood.¹⁸

In the first sentence of this conclusion, Tova characterized the events as ‘fruitful’ and ‘interesting’. Not in vain, the amount of data gathered by the officers and naturalists and their personal experience in general were extremely rich. That was exactly what the Malaspina Expedition was looking for: information. After all, the accumulation of knowledge is what characterized the Age of Reason. In the same sentence, he expresses his satisfaction for “not having inflicted the least damage upon its residents.” What did he want to mean by “the least damage”? Did he merely mean that they did not kill or wound anyone among the Natives or did he mean something else, more profound? The anthropological science still had to wait some more decades just to start its sky rocketing career in academia, but it is evident that these men, provably unconscious of the irreversible process that was taking place, had at least some kind of sensitivity, correctly or incorrectly oriented, for the preservation of the Native cultures they were interacting with.¹⁹ Up to this point, it is clear that Tova, evidently unaware of the later developed concept of ‘acculturation’ and its consequences, meant that the visit concluded and no man, Native or Spaniard, was physically hurt or wounded.

The first part of the second sentence on his conclusion, however, introduces a new perspective: “They always received with interest the price of their trifles, we respected their customs insofar as we could know them”, thus adding a cultural dimension to his concern. Tova was an educated officer. As demonstrated by his scientific and technical observations and comments throughout his diary, he was very well trained in the art of navigation as well as in cartography. Furthermore, in his writings Tova showed signs that his interests went beyond his technical training. In general terms, during the eighteenth century enlightened officers, specially naval officers, had developed an interest in what is called today ‘anthropological issues’, including sensitivity and respect for foreign cultures and customs, no matter how they differed from their own. Tova made an interesting job as an ethnographer. When referring to the Natives, he alternated the tribal names ‘Mulgraves’ and ‘Tejuneses’ --Tlingit and Nuu-chah-nulth-- with the more generic terms *naturales* or *indios*. His well-know ethnographic descriptions, full in details about physical appearance, fashions in clothing and corporal decoration, social structure, and religious beliefs, prove his humanistic education, although there were many concepts commonly used by anthropologists today that still escaped his

¹⁶ Although commerce was not an objective in the Malaspina expedition, they used it to approach the Natives.

¹⁷ Paragraph in folio 184v that contains Tova’s evaluation about the crew’s stay in Yakutat. Rather than being placed at the end of the segment, these conclusions are followed by an ethnographical description of the inhabitants of the area.

¹⁸ “...después de una mansión corta pero fecunda en sucesos interesantes abandonamos estos lugares rústicos con la dulce complacencia de no haber procurado el perjuicio más leve a sus moradores. Recibieron siempre con usura el precio de sus bagatelas, respetamos sus costumbres en cuanto se pudieron conocer, sufrimos sus robos, su mala fe y sus insultos, y lo que es más, sofocando los sentimientos que naturalmente inspira el amor a la propia conservación, comprometimos muchas veces nuestra vida por evitar la efusión de sangre.” Tova, Ms 1.040, Biblioteca Municipal de Santander, f. 184v.

¹⁹ This is not the “institutional” sensitivity reflected in the many laws accumulated throughout the years since the times of Elisabeth of Castile (included in the Recopilación de leyes de los Reinos de las Indias), which were specifically designed to protect the Natives from the injustices committed against them by the Spanish colonial system. This was the sensitivity born out of the scientific objectivism inherent to the incipient anthropological approach to “the other.”

understanding. For instance, he was not aware of the ‘damage’ provoked by their mere presence. He was not aware either of the ‘damage’ provoked by commerce and the introduction among natives of certain objects, especially weapons and metal artifacts. The process, however, worked in the two directions. If the Spaniards were learning much about their Native hosts, the Natives were also learning about their guests at the same time. Furthermore, the “enlightened” Natives made effective use of their knowledge by clearly taking advantage of the Europeans’ need for their logistic support.

In the second part of the second sentence Tova’s words (“...suppressing those sentiments that are naturally inspired by the love of self-preservation, we many times exposed ours lives to avoid the outpouring of blood.”) remind those of Jean Jaques Rousseau in his *Social Contract*.²⁰ The ethnocentric perspective inherent to Spaniards –and this can be extended to other Europeans as well-- as they visited, explored, conquered, and added territories for their respective crowns, did not prevent them from realizing how important was the favor of those who held the right to the lands before they arrived. As John Gascoigne has noticed "...one should display one's Enlightened credentials by keeping to a minimum the number of native peoples killed as a consequence of European intrusion."²¹ The instructions given by Viceroy Bucareli to Juan Pérez in 1773 for his expedition to the Northwest Coast expressed a great concern about how the natives should be approached and treated with extreme kindness and sympathy. Probably because of the success of its political implications, Bucareli’s instructions were closely followed by most Spanish explorers thereafter. Following Tova’s account, for the particular case of the Malaspina Expedition, which was very different in nature than previous expeditions, it seems that Bucareli’s instructions were still remembered. New circumstances, however, such as the incident in Bucareli Bay, where a Native was accidentally killed, or the fact that details of the agreement of El Escorial still had to be negotiated in Nootka with the British, demanded that Malaspina’s officers had to enforce and follow strict measures to prevent incidents with the natives, for obtaining their favor was an absolute priority.²² As the expedition was approaching Yakutat, Tova explains with great clarity not only the tactic used by the natives, who tried to attract them to their own towns so they could take exclusive advantage in the trade over other neighboring groups:

The chief expressed a great desire that we anchor near his town where he had his objects of interest. He was an expert in sign language and answered satisfactory to many of our questions, some of which concerned the nature of the opening seen this morning; but not understanding and suspecting that we were thinking of anchoring in those places, he told us that the inhabitants there were most ferocious and they would unquestionably kill us; and at the same time that in the direction of Mulgrave we would find the means to satisfy our needs and even our passions, explaining the later with unmistakable signs.²³

but he also refers to the many precautions taken by the Spaniards to prevent conflicts, as well as their ruling policy of conduct regarding the negotiations with the Natives, as expressed in the following paragraphs:

...measures were also taken to maintain discipline, practice with the cannon was repeated and our people were trained in the use of firearms. The use of firearms could be very important to the sailors who would crew the launches. The selection of the crews was based on the combination of true courage and peaceful conduct, so that they would neither cause nor promote

²⁰ Jean Jaques Rousseau, *The Social Contract*. Trans. By G. D. H. Cole. [Online posting] January 20, 2001. Available at <<http://www.constitution.org/jjr/socon.htm>>. In part 2 of the first book, Rousseau states: “His [Man’s] first law was to provide for his own preservation.”

²¹ John Gascoigne, “Exploration, Enlightenment and Enterprise: The Motives for Pacific Exploration in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries.” [Online posting] Alexandro Malaspina Research Center. Feb. 23, 2001. Available at <<http://www.mala.bc.ca/~black/amrc/gascoign.htm>>.

²² See Fernando Monge and Margarita del Olmo, *Expediciones a la Costa Noroeste*. (Madrid: Historia 16): 31.

²³ “El cacique manifestó mucho deseo de que fondeásemos cerca de su población, en la cual tenía sus objetos de interés [...] sospechando si pensábamos fondear hacia aquellos lugares nos dijo que sus habitantes eran ferocísimos y nos matarían irremisiblemente. Al mismo tiempo, que hacia el puerto Mulgrave encontraríamos medios de satisfacer nuestras necesidades y aún nuestras pasiones, explicándose en este último particular con signos nada equívocos.” Tova, *Ibid.*, f. 173v.

disputes with the Natives. Still the training with firearms would be useful if needed.²⁴

... [we] wanted to observe their customs closely. We also wanted to eradicate any wrongful ideas about us that they could have learnt from the imprudent visit of one individual or another, or by the impressions about the Spaniards left by the foreign ships that have been frequenting this port in the last years.²⁵

The only commercial interests of the Malaspina Expedition were those of using trade to attract the Natives so they could gather information about them and their lands. On the contrary, Natives were extremely interested in the acquisition of European artifacts; taking most advantage of the transactions if these took place onboard the corvettes. The Spaniards soon understood that situation and they used it to manipulate their counterparts by either transferring commercial activities from the ships to land or even stopping them completely.

At first they [Natives] came to the quarterdeck and later they were ordered below to the launch to prevent robbery and other disorders.²⁶

These measures proved not very successful:

Trade was prohibited and this decision corresponded partially to its purpose, because they returned the stolen clothing, but was insufficient to control the Natives.²⁷

The prohibition of trade irritated the Mulgraves in proportion to the value that they gave to our trifles, of which we had proofs that were as positive as they could have been fatal.²⁸

Although not always an effective measure, in other occasions eloquent Malaspina opted for the use of indirect force as a demonstration of their superiority. This also proved to be slightly effective, for the Natives soon realized that the tremendous noise produced by the European firearms did not correspond with the damage they were supposed to inflict. Even Tova comments about it: "These weapons were a very weak resource for once fired, it would have been impossible to recharge before being overcome by the multitude."²⁹ Despite their peaceful approach and aware of the unstable nature of the natives the Spaniards were unable to prevent some confrontations that, according to Tova, could have easily ended in a bloody rampage, thus ruining their objectives. Tova narrated some of the violent incidents occurred in Yakutat. Following Tova, most of the incidents were provoked by the Natives for they assumed as an acceptable practice to steal clothes, tools, and other objects of their interest. Some other times, however, the tense situations were provoked unconsciously by the Europeans for as they tried to protect themselves at the same time their preparation alarmed the Natives.

Tova, as well as the rest of the men who accompanied Malaspina, surely left the port of Cádiz aimed by the great importance of their commission. During the voyage they probably were highly

²⁴ "También se tomaron medidas desde este día para mantener en su vigor la disciplina, se repitieron los ejercicios de cañón y la gente se adiestró en el uso de las armas de fuego. Su manejo podía ser esencialmente necesario a los marineros que debían tripular las lanchas, para que, sin dejar de ser útiles en los casos necesarios, ni fomentasen las discusiones con los naturales ni diesen origen a ellas." Ibid., f. 168.

²⁵ "...nosotros, que deseábamos conocer de cerca sus costumbres. Queríamos también destruir toda mala idea que hubiesen comprendido de nosotros por algún paso imprudente de uno u otro individuo o por la opinión que les hubiesen inspirado de los españoles las embarcaciones extranjeras que han frecuentado este puerto los últimos años." Ibid., f. 220v.

²⁶ "Al principio subieron sobre el alcázar y después se les mandó bajar a la lancha para precaver los robos y otros desórdenes." Ibid., f. 174.

²⁷ "Se prohibieron los cambios y esta determinación correspondió en parte a su objeto, porque hizo restituir la ropa robada, pero no fue suficiente para contener los naturales." Ibid., f. 182.

²⁸ "La prohibición de los cambios irritó a los mulgraves a medida del valor que daban a nuestras bagatelas, de lo cual tuvimos pruebas tan positivas como nos pudieron ser funestas" Ibid.

²⁹ "Estas armas eran recurso demasiado débil porque una vez disparadas no hubiera podido volverlas a cargar antes de ser atropellados por la multitud." Ibid., f. 182v.

motivated by the huge amount of relevant data they were collecting and the benefits it could have produced if wisely used upon their return. They suffered illnesses and all kinds of incommodities, their lives were in danger in uncountable occasions, but the expedition was a complete success, at least according to the philosophy in which they were educated, in vogue at the time they departed. Unfortunately, the political circumstances in Spain upon their return were not as favorable. Sufficiently informed during the voyage, after five years at sea, Malaspina and his officers had to face the dramatic changes the country had suffered in their absence. The ideas of the Enlightenment had been taken to the extreme in France, severely distorting the established order. Reason and devotion for scientific knowledge were in obvious decline, opening the doors to an incipient Romanticism. The Spanish monarchy, closely related to her neighbor, could not escape the consequences of the social Revolution that turned France upside down. The king Charles IV, abandoned the government in hands of Manuel Godoy. Known as the Minister of Peace, Godoy was definitely not the best supporter of the ideas brought by Malaspina in 1794. In fact, probably no member of the expedition suffered the consequences of those political changes more than Malaspina himself, who was arrested, incarcerated, and even deported because his political inclinations did not fit the orientation of the new government. At a different level of national politics, Tova found himself in a similar crusade. Loyal to his own beliefs, in an attempt to defend his country, at least the country he once knew, the Cantabrian officer fought actively against the French and was also incarcerated and discharged because of his actions.

In my opinion, the narrative of Tova about the events in Alaska and the Northwest Coast demonstrates that these men were children of the Enlightenment. Their personal experience during the expedition, the knowledge they acquired, and how they reacted to the changes occurred in Spain reaffirmed them as such.

PAST TENSES IN SPANISH

Antonio Valle de Anton

University of North Carolina at Pembroke, USA

ABSTRACT

Following previous studies of the syntactic variation on tense, this work reviews the historical development and present-day usage of two past tenses in Latin-American and European Spanish. It covers those aspects which connect the usage of the preterit and the present perfect with the speakers using them, in a mainly socio-pragmatic perspective. Specifically, it investigates the aspectual distinction, frequency of use of these tenses by speakers on both sides of the Atlantic, and the extent to which the present perfect is replaced by the preterit in Latin American Spanish. The study includes the contrastive description of aspectual values as utilized in European romances as opposed to the transplanted dialects of Latin-America.

The sources of data are Spanish-language contemporary newspapers reports and movie productions of recent years. The language samples examined thus range from *formal* written to *informal* spoken registers, as they are relevant in showing the semantic limits within which the two past tenses are utilized. Carrying out the project with data from these naturalistic settings facilitated covering data from several countries, while at the same time it afforded larger language samples than could be made available in the typical control study situations.

The difference found in the use of the two past tenses on opposite sides of the Atlantic, which may have resulted from processes internal to the Latin and Spanish verbal systems, indicates that present-day Spanish is not as grammatically uniform or regionally 'standard' as generally assumed. A process of simplification for transplanted languages seems to have taken place in the regional varieties of Spanish found in America. The value of 'recent past' so dominant in the present perfect of Peninsular Spanish, and other European Romance languages, is fulfilled by the simple preterit in Latin-American Spanish, although the varying frequencies found in the language samples from

different regions and register types also indicate that the aspectual value of the preterit is not entirely uniform in the New World.

CONCLUSIONS

Sociolinguistics and historical accounts

The present study has also made mention of some sociolinguistic features surrounding the characters of the films and the syntactic patterns and origins seen in the press articles, features which could open new debate as to what kind of population, within a given country, uses more or less frequently one tense or the other, depending on educational level, socioeconomic status, dialectal region within the same country, etc.

In the process of proving these initial aims, other ideas may emerge in regards to the historical paths that gave out the disparity in usage affecting the present perfect and the preterit in the different linguistic areas dealt with in this work. These would include that, these different patterns in usage affecting our two tenses, may have stemmed from historical developments from the Latin spoken in Hispania and its influence by the Gothic peoples (the Barbarians), as they moved into the Romance-speaking countries of what was once the Western Roman Empire (France, Spain, Portugal, Italy, and Romania) while mixing with their prior inhabitants both ethnically and linguistically.

In addition to the Gothic influence and the fact that, Gothic, just as Latin, had also developed a periphrastic present perfect, other possible influences may have come into play at a later time in history; for instance, at the time of the Renaissance, as a result of the tense patterns used in Italy and France. Moreover, and ‘bouncing back’ to the same idea, those patterns of speech found in Italy or France may have likewise stemmed from internal developments within the Latin tense system while the incoming Germanic peoples remained within the Roman provinces. These options deserve further investigation.

From another perspective, the Andalusian features debated upon in the ‘Debate Andalucista’ played a significant role in the making of the speech features found in American Spanish, which along with the linguistic substrate of the Amerindian tongues, gave out many of the characteristics of American Spanish, including those related to the use of the two past tenses discussed in this work and the simplification process that took place when the Spanish language was adopted in the New World.

It would then be far too complex to be able to establish any sort of sociolinguistic criteria with the data available in trying to determine which social layers of society across both side of the Atlantic Ocean use the present perfect and/or the preterit with more or less frequency. The data in this study seem to indicate that the trends are rather more national, or even regional, than, in fact, of a sociolinguistic nature indeed. This opens a door to constructing regional linguistic atlases within countries or outside of them, describing the areas/regions of use relating to our two tenses.

From another standpoint, for instance, analyzing the data from a socioeconomic perspective, it could be hypothesized that the Mexican and Southern Cone varieties remain closer to the written language standards of Peninsular Spanish, theorizing that more developed countries –like Argentina, or even Mexico, within Latin America-- would make room for more influence from their European mother tongue and Europe itself as a global entity. Conversely, those countries or areas with developing economies would tend to preserve less the social ties that once united them to the Old World, allowing for a slower evolution of their language patterns and resembling more the transplanted version of the language inherited at the time of the initial contact between the Old World and the New World.

This is to say, that if a developing country creates an emergent middle-class, then these middle class citizens would pursue re-encountering themselves with their historical ancestors, especially if the latter (Spaniards, in this case), happen to enjoy a prosperous position among the more industrialized countries of the world. Conversely, the Caribbean, Central America and, the Low Lands (represented by Lima, Peru), for reasons of being developing economies or due to their geographical location in the Low Lands, would exhibit a lesser use of the preterit.

Next come the Southern Cone, the High Lands (Medellín-Colombia), and Mexico, which show a much less frequent pattern of use for the present perfect in oral speech than for the preterit, which is

almost ever-present, in contrast to how it occurs in Peninsular Spanish. In the case of colloquial speech, the two ends of the chart (Spain and Mexico) are separated almost by 36 points of increased frequency for the present perfect for Peninsular Spanish. Even the closest follower in frequency for the present perfect, is still 4.5 points behind Peninsular Spanish. The remaining ones, the Southern Cone and the High Lands, show 14 points below the count for Peninsular Spanish.

Some shortcomings

Central America is not represented in the oral speech section of the study owing to a lack of movies, which would have been representative enough of that area, and which would contain a sufficient amount of ‘recent past’ settings needed for a study of this nature. However, for a variety of reasons, the author of this study is convinced that the results would not have yielded any conclusions different from those presented in this work.

Another absent link would be not counting on significant data in terms of quality and quantity for a more thorough study of the peculiarities of Bolivian Spanish, which according to Mendoza’s research, has –allegedly-- dropped its conventional use of preterit in favor of the present perfect in some areas of the country. Although such original phenomenon may have been influenced by the local indigenous languages (Quechua, Aymara), it would have been advantageous to verify the extent of this replacement as it would compare to that done in Peninsular Spanish. The same phenomenon was also pointed out by other researchers for other areas such as Peru and Ecuador, as stated in Chapter 2.

Directions for future research

The challenges that this study opens take two distinct directions: the particularities of usage of these two tenses for each Spanish-speaking country or dialectal area, and the historical internal processes of periphrastic formation and syntactic simplification causing the present perfect to be an everyday tense in Peninsular Spanish, as opposed to its less preferred usage, in American Spanish (especially in the spoken language).

Let us also keep in mind that much of the written language analyzed in the newspaper clips could be attributed to direct translations from the international news agencies, which use English as an international language of communication, something which would minimize even more the amount of present perfect found in the press articles of the non-Peninsular varieties of Spanish. Nonetheless, this journalistic influence from the English-speaking world applies equally to a vast number of countries in the Western hemisphere, which makes us imply that, ‘bits’ of such journalistic style, are constantly entering other languages, or even that they have remained long a vital part of those languages within the area of cultural influence of the United States of America.

One last intriguing point for the researcher relates to the concept of aspect and perfectiveness, and how it could be the case that, the classic opposition in Romance languages of imperfect/preterit, referring to imperfective/perfective aspect, is replaced in European Romances, excluding Portuguese, by the imperfect/present perfect (imperfective/perfective respectively) in some types of speech. Let us not forget either that, aside from Romances, Germanic languages in Europe present the same sort of usage/aspect patterns as those European Romances –except Portuguese, a point which has been one of the claims of this study. Therefore, the emergence of *habere* as an auxiliary in Latin, not only provided a neat morphological marking of perfective aspect, which in Latin had been dependent on a stem alteration, but also resolved the bivalency of the Latin ‘perfect’ as present perfective and simple past (aorist) functions (Harris & Vincent 1988: 111).

Moreover, in the question of aspect, whereas American Spanish may resort to the present perfect only to express a ‘resulting’ effect of an on-going past action, Peninsular Spanish regards it as a universal choice to refer to the recent past. On the other hand, for the preterit, both sides of the Atlantic Ocean use it to narrate distant past actions, but American Spanish extends its durative domain to the recent past, as well.

It would be complex in Spanish to argue for the exclusion of either of these two forms, present perfect and preterit, from the core system, though the inclusion of both requires the recognition of a third aspect (punctual), which is nevertheless only opposed to the other two on the past-time axis. The

resulting asymmetry has led some to suppose that Spanish might follow French and northern Italian in extending the domain of the periphrastic paradigm, to the point where it ousts the preterit from everyday speech, hence re-creating the ambivalence of the ‘perfect’ in Latin (Harris & Vincent 1988: 111).

Pedagogical implications

The other challenge that remains widely open lies within the pedagogical arena. The question would be: how do we approach presenting Spanish as a second language when teaching the foreign language students how to utilize the two tenses? What do we tell them is the norm? How do we simplify or summarize the norm or norms for them? Or even, what sort of variety of Spanish should they learn at the college level in the United States?

American Spanish resembles more American English in the patterns of use for past tenses (Dusková 1976: 53-68). However, the Spanish studied as a second language by Europeans is the Peninsular sort, due to, among other reasons, those pertaining to geographic proximity and political nature. At the same time, any other Romance languages that our students are likely to learn in their college curriculum, or later in their adult life, may present the patterns of Peninsular Spanish more so than those of American Spanish. And to this end, the case of Brazil may prove illustrative in that the opposite extrapolation is also true.

Accordingly, as Brazil and their markets gain more importance in the world, and become more of a strategic epicenter in Latin America, U.S. students will become increasingly interested in learning Portuguese. And, as we know, the patterns of use for the present perfect/preterit will tend to be the same as those seen for Latin-American Spanish. European Romances, however, whether French, Italian, or Romanian (but not Portuguese) would not present much difficulty to the American student after having learned Spanish. The problem will arise if, we have ignored the present perfect in our Spanish curriculum, and we then intend to move on to language variants which use the present perfect almost every time the foreign student is hoping to use the preterit.

It is beyond the scope of the present study to discuss how its findings may be applied in the construction of Spanish language programs, in the preparation of descriptively adequate language textbooks, or in the training of Spanish language teachers. However, it is uncontroversial to affirm that these findings about differences in past tense usage cannot now continue to be ignored in the area of second language teaching. At the very least, these differences involving important areas of the Spanish-speaking world, must be explained to the student in sufficient detail. Only in this way, may we be securing that our students are prepared for the linguistic challenges that await them.

Closing

With no further ado, this dissertation ends at this point, by stating one last time, that more room for further study has been opened in regards to the peculiarities of these two past tenses and how they are used in two continents, aspects on to which this work has tried to shed some light and confirm or deny various claims, hopefully leaving some useful clues and an original set of balanced thoughts for other upcoming researchers on the topic.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ДИДАКТИЗАЦИЯ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ

О.Г. Барышникова

Томский политехнический университет

В настоящее время методика преподавания иностранных языков в неязыковом ВУЗе существенно изменилась под влиянием изменившихся целевых установок, поэтому использование видеоматериалов помогает решить вопрос повышения учебной мотивации студентов. В связи с этим идея дидактизировать видеоматериалы кажется интересной и полезной: сегодня они доступны, есть возможность выбрать то, что действительно необходимо данной аудитории (новости, репортажи, интервью, научно- популярные фильмы по различной тематике). К тому же видеофильмы имеют преимущества перед простым аудированием: звуковой материал сопровождается видеорядом, что значительно облегчает понимание и делает восприятие иноязычной речи динамичней. Кроме того, работа с видеоматериалом расширяет кругозор, развивает творческое отношение к процессу и умение работать с различными источниками информации.

Используя данный вид работы, мы ставим перед собой следующие цели:

- коммуникативная- передача сути полученной информации;
- социолингвистическая- расширение тематического словарного запаса.

Вариант дидактизации материала рассмотрим на примере отрывка из фильма «Entstehung der Alpen» для студентов- геологов IV курса.

Просмотр материала предъявляется трижды: первый раз без звука («немой») и два раза со звуком. Работа по каждому просмотру проводится в 3 этапа: перед просмотром, во время просмотра и после просмотра.

Перед первым, «немой», просмотром ставим вопрос: Entstehung der Alpen- was werden wir sehen? Welche Information möchten Sie erfahren? Таким образом, мы активизируем тематическую лексику и знания, уже имеющиеся по этому вопросу, а также развиваем умение прогнозировать содержание по имеющимся фактам, названию текста. Ответы на этот вопрос могут быть как в форме предложений, так и в форме отдельных слов, возникающих ассоциаций, которые затем можно связать в смысловые цепочки. Затем следует «немой» просмотр, в ходе которого выполняется задание Während der Filmvorführung schreiben Sie kurz, was Sie sehen. Ответы будут примерно такие: der Flug des Adlers, der Archäopteryx, das Schema von driftenden Kontinenten, das austretende Magma ... Вполне вероятно, что из- за быстрой смены видеок картинок кто- то не сможет выполнить это задание на иностранном языке, поэтому после просмотра можно раздать заранее подготовленные карточки с записанными немецкими эквивалентами и дать задание расположить эти карточки в порядке смены действий в фильме. После этого студентам предлагается задание проанализировать видеоряд, например: Archäopterix ist ein Urvogel, der in der Epoche der Alpenentstehung lebte. Как вариант можно предложить выполнить это задание в тестовой форме.

Подготовка к просмотру фильма со звуком включает в себя работу по снятию лексических трудностей. Этот этап очень важен, поскольку видеоматериал содержит несколько сложных моментов, как то: быстрый темп речи при быстро сменяющемся видеоряде, произношение носителя языка, незнакомая лексика. Работа на этом этапе начинается с введения новых лексических единиц, после которого следует тренировка лексико- грамматического материала с помощью следующих упражнений:

1. На рабочих листах или карточках выписаны незнакомые слова и, если возможно, пояснение к ним на немецком языке, например: gewaltig- Syn. mächtig. Студентам

предлагается составить как можно больше словосочетаний с этими словами, например: *Verblüffend- verblüffendes Ereignis, verblüffendes Ergebnis, verblüffender Erfolg...*

2. Выбрать из данных вразброс слов пары синонимов, например, *zunehmen- wachsen*, а также пары антонимов, например, *die Absenkung- die Hebung*.
3. Объяснить на немецком языке значение слов, встречающихся в фильме, например: *Tiefzone, Wachstumszone, Subduktionszone, Molassezone, Bruchzone, Orogenzone*.
4. Выполнить упражнения по грамматическим явлениям, наиболее часто встречающимся в фильме (в данном случае *Passiv*, конструкция *haben/sein+ zu + Infinitiv*).

Затем следует ознакомление с заданиями, которые выполняются во время просмотра видео.

1. Beachten Sie die geographischen Namen.
2. Beachten Sie die Wörter, die den russischen Wörtern ähnlich sind.
3. Ordnen Sie die bekannten Wörter in der Tabelle:

Die Vorgänge	Die Gesteine	Die Erscheinungen
z. B. <i>die Subduktion</i>	z. B. <i>Granit, Tonalit</i>	z. B. <i>der Erdbeben, der Vulkanismus</i>

После просмотра:

а) К первому заданию задаем вопрос: *Womit sind diese geographischen Namen verbunden?*
 б) Слова из второго и третьего задания нужно распределить по этапам из «немого» просмотра, т. е. нужно определить, к какому контексту относятся эти слова. Затем составить из данных наборов слов предложения.

в) Заранее подбираем в Интернете схемы тектоники литосферных плит (схожие с теми, что были в фильме) и предлагаем расположить набор этих схем по порядку с обоснованием своего выбора.

г) Предлагаем разбить текст на смысловые части и озаглавить их.

д) Можно добавить упражнения на подстановку, ответы на вопросы и т. д.

Последний просмотр нацелен на детальное восприятие видеоматериалов, поэтому во время просмотра необходимо фиксировать свое внимание на датах, цифрах. По окончании просмотра предлагается тест, например:

1. Der Vorgang der Alpenbildung begann:
 - a) Vor 117 Mio. Jahren
 - b) Vor 170 Mio. Jahren
 - c) Vor 70 Mio. Jahren
2. Die Lavakissen befinden sich:
 - a) Nur im Meer
 - b) Nur in Alpen
 - c) Nicht nur im Meer, sondern auch in Alpen.
3. Die Wachstumszone hat eine Länge von...:
 - a) 60 Tausend km
 - b) 60 km
 - c) 16 km...

В качестве итоговой работы по второму просмотру можно предложить озвучивание (при выключенном звуке) одной из частей фильма (длительностью примерно 1 мин.), в данном случае возможна работа по озвучиванию какой-либо анимационной схемы, которыми изобилует фильм, а также обсуждение вопроса, понравился ли фильм, оправдались ли ожидания, заинтересовала ли какая-либо информация.

Кульминацией занятия является непосредственно формирование коммуникативной компетенции, поэтому для развития продуктивной речи студентов можно предложить следующие задания:

1. Der Film endet mit dem Satz: „...Und die ersten Alpen tauchen in den Ozean...“ Schreiben Sie die Fortsetzung.

2. Schreiben Sie Ihr Gutachten für diesen Film. Betonен Sie seine Nach- und Vorteile.

3. Das Rollenspiel "Das Interview mit dem berühmten Professor".

Опыт работы показывает, что правильно подобранные видеоматериалы, учитывающие интересы студентов, сложность языкового материала с четко разработанной системой упражнений является одним из важных компонентов построения процесса обучения на принципах коммуникативного метода.

ПОДКАСТ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Т.А. Дакукина

Томский государственный педагогический университет

Цель данной статьи рассмотреть перевод как вид речевой деятельности, опираясь на исследования И.А. Зимней и Н.В. Чичериной, в соотношении с другими видами. Так, И.А. Зимняя пишет, что «перевод во всех его формах и, в частности, в форме письменного перевода, последовательного устного перевода и синхронного перевода представляет собой сложный, специфический вторичный вид речевой деятельности, наряду с такими её видами, как слушание, говорение, чтение, письмо» [2, с.123]. Сложность и специфичность предмета перевода как вида речевой деятельности заключается в том, что чужая мысль не только воссоздаётся, формируется, но и формулируется. Если в рецептивных видах используется только внутренний способ формирования и формулирования мысли (внутренняя речь) посредством как индивидуального, предметно-схемного кода, так и посредством языковой системы, то в переводе используется обязательно и внешний (письменный или устный) способ (то есть внешняя речь). Если во всех других видах речевой деятельности осуществляется формирование и формулирование мысли (своей и чужой), то в переводе осуществляется и переформулирование» [2, с. 126-128].

Рассматривая процесс обучения переводу на немецком языке в соотношении с аудированием, интересным и нужным будет являться использование подкаст как вида социального сервера (подкаст, в широком смысле слова, подразумевает прослушивание, просмотр, создание и распространение аудио- и видеопередач во всемирной сети), позволяющего прослушивать аудиофайлы, просматривать видеопередачи не в прямом эфире, а в любое удобное для пользователя время. По длительности подкасты могут быть от нескольких минут до нескольких часов. В сети Интернет можно встретить как аутентичные подкасты, созданные для носителей языка, так и учебные подкасты, созданные для учебных целей.

Наиболее эффективный способ найти необходимый подкаст – обратиться к директории подкастов, выбрать интересующую категорию и просмотреть список подкастов. Для изучающих немецкий язык директория подкастов размещена по адресу www.podcast.de. Таким образом, социальный сервер подкастов может использоваться для развития умений аудирования и перевода.

Говоря о методике преподавания переводческой деятельности в соотношении с аудированием, достаточно использовать известную трёхфазовую модель обучения для развития аудитивных умений на основе подкастов: (1) до прослушивания, (2) во время прослушивания, (3) после прослушивания. Эта модель известна большинству учителей и достаточно подробно описана в статьях П.В. Сысоева в журнале *Иностранные языки в школе*. Основных отличий методики использования подкаста от методики использования традиционных носителей аудио- и видеоматериалов нет. Поэтому при развитии аудитивных умений сервер подкастов будет являться дополнительным безграничным источником аудио- и видеоматериалов различной тематики и продолжительности.

Необычным и нетрадиционным будет использование подкастов при обучении переводу. Наряду с развитием аудитивных умений студенты развивают ещё одно важное умение –

переводить, то есть умение сравнивать, сопоставлять языковой материал двух культур. Ряд исследований показывает, что использование подкастов именно в процессе обучения переводческой деятельности значительно повышает мотивацию студентов и приносит разнообразие в процесс обучения языку. При использовании социального сервера podOmatic (www.podomatic.com), рекомендуется выбрать отдельную страницу с размещением тематики (подкасты), выбрать интересующий аудио- или видеоматериал, просмотреть (прослушать) и выполнить задания преподавателя. Проблемные задания создаются тремя способами а) изменением формулировки задания; б) добавлением «проблемной» части в виде вопросов «Почему?» и др.; в) изменением формулировки и добавлением проблемной части одновременно. Это может быть полный перевод текстового материала, выборочных моментов, основной информации, специфической терминологии и т.д. Проблемный подход позволяет использовать существующие учебные задания для создания проблемных при обучении переводу и таким образом: во-первых, избежать необходимости замены традиционных учебников; во-вторых, активизировать речевую, мыслительную и переводческую деятельность студентов. Используя сетевое программное обеспечение, доступное на сервисе podOmatic, студенты, при наличии собственного желания и технических возможностей, могут записать своё выступление. Программа позволяет записывать выступление такое количество раз, которое необходимо для того, чтобы студент удовлетворился качеством выступления. Только после этого подкаст будет сохранен в сети и станет доступным всем пользователям сети Интернет.

Литература

1. Браженец К.С. Применение проблемного подхода к обучению перевода // ИЯШ.- 2009. - №6. - С. 93-97.
2. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. - М., 2001. - 432 с.
3. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Технологии Веб 2.0: Социальный сервис подкастов в обучении иностранному языку // ИЯШ. – 2009. - №6. – С.8-11.
4. Чичерина Н.В. Профессионально-ориентированное обучение гидов-переводчиков в старших классах гуманитарной гимназии (межкультурный аспект): Дис. ...канд. пед. наук. СПб., 1996.

УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ

А.Ю. Казанцев

Томский государственный педагогический университет

Введение новых государственных образовательных стандартов привело к тому, что значительная часть работы по освоению учебного материала переносится на внеаудиторные занятия студентов [1]. При этом содержание и объём программ не претерпели существенных изменений, а изменилось представление о главном векторе развития специалиста, в котором отводится значительное место формированию способностей к саморазвитию, самоорганизации. Несоответствие между объёмом знаний, которые должен усвоить студент, и отводимым на эту работу временем, необходимость ориентироваться в огромном потоке информации заставляют преподавателей модернизировать учебный процесс. Модернизация учебного процесса предполагает ориентацию на активные методы овладения знаниями, развитие творческих способностей студентов, переход к индивидуализированному обучению с учетом потребностей и возможностей личности. Речь идет не просто об увеличении числа часов на самостоятельную работу. Усиление роли самостоятельной работы студентов (СРС) означает принципиальный пересмотр организации учебно-воспитательного процесса в вузе, который должен строиться так, чтобы развивать умение учиться, формировать у студента способности к саморазвитию,

творческому применению полученных знаний, способам адаптации к профессиональной деятельности в современном мире, которые позволили бы избежать снижения качества подготовки специалистов.

Организация СРС под руководством преподавателя является одним из наиболее эффективных направлений в учебном процессе, развивающим самостоятельную творческую деятельность, исключительно сильно стимулирующую приобретение и закрепление знаний. СРС приобретает особую актуальность при изучении специальных дисциплин, поскольку стимулирует студентов к работе с необходимой литературой, вырабатывает навыки принятия решений [2]. При этом важно стремиться к тому, чтобы СРС ставила целью расширение и закрепление знаний и умений, приобретаемых студентом на традиционных формах занятий и развитию творческого потенциала студента. Задания могут выполняться индивидуально, в малых группах или в команде, состоящей из нескольких студентов, что является на сегодняшний день наиболее актуальным в силу того, что реальные профессиональные условия в большинстве случаев основаны на работе в коллективе. Однако контроль выполнения СРС, отчет по СРС должны быть сугубо индивидуальными.

Активная самостоятельная работа студентов возможна только при наличии серьезной и устойчивой мотивации. Одним из мотивирующих факторов, способствующих активизации самостоятельной работы является полезность выполняемой работы. Если студент знает, что результаты его работы будут использованы при подготовке доклада для выступления на научной конференции, публикации или является составляющим звеном общего проекта, то отношение к выполнению задания существенно меняется в лучшую сторону и качество выполняемой работы возрастает. При этом важно психологически настроить студента, показать ему, как необходима выполняемая работа. Стимулом к выполнению самостоятельной работы является поощрение студентов за хорошо выполненную работу (похвала преподавателя или однокурсников, грамота, премирование и др.), получение дополнительных баллов (увеличение рейтинга), влияющих на итоговую оценку при контроле знаний студента.

В данной статье рассматриваются рекомендации по организации СРС по дисциплине «Иностранный язык», целью которых является углубление языковой подготовки по дисциплине и развитие разносторонних интересов, способностей и мотивации студентов в процессе овладения иностранным языком.

В зависимости от места и времени проведения СРС, характера руководства со стороны преподавателя и способа контроля за ее результатами она подразделяется на следующие виды:

- самостоятельную работу во время основных аудиторных занятий (чтение текстов, выполнение лексико-грамматических упражнений, выполнение заданий на письменную речь и др.);
- самостоятельную работу во внеаудиторное время (домашняя работа в виде выполнения заданий учебного и творческого характера);
- самостоятельную работу под контролем преподавателя в форме еженедельных консультаций.

В статье речь пойдет об организации СРС творческого характера во внеаудиторное время.

Одним из важных организационных моментов в СРС является составление заданий для самостоятельного выполнения. В целом виды творческой внеаудиторной СРС могут быть разнообразны: подготовка и написание рефератов, докладов, очерков и других письменных работ на заданные темы; разработка и составление различных схем, маршрутов; выполнение графических работ; проведение расчетов; составление глоссария на указанную тему; составление разнообразных викторин по изучаемым темам, например, «Исторические места своего города», «Томская область – перспективы развития», страноведческие викторины и др. Наиболее перспективным представляется разработка одного большого задания или проекта коллективом из нескольких студентов, поскольку такой подход прививает навыки работы в команде. Такой вид учебных занятий подразумевает распределение ролей и оценку трудоемкости отдельных работ, что требует от преподавателя дополнительных педагогических знаний в области деловых игр. В последнее время деловые игры получили большое распространение по самым различным учебным дисциплинам. Имитируемый при такой форме проведения занятий реальный жизненный процесс увлекает студентов, становится для них

своеобразным проектированием деятельности. Они легче приобретают знания, лучше понимают те процессы, в которых участвуют. Студенты учатся отстаивать свою точку зрения, участвовать в общих дискуссиях. При этом желательно предоставить право выбора темы студенту самому.

Процесс организации СРС должен включать следующие этапы:

- **подготовительный** или **установочный этап**. Подготовительный этап, на наш взгляд, является определяющим для выполнения самостоятельной работы. На данном этапе идет подбор темы или тем, определяются цели и задачи, конкретизируется содержание, распределяются роли (или обязанности), рассматриваются имеющиеся ресурсы, устанавливаются сроки выполнения, обсуждается, в какой форме представляется конечный продукт, разрабатываются критерии оценивания. Здесь важно также настроить студентов на творческий подход к выполнению задания, на формирование собственного мнения по проблеме.
- **основной этап** или этап реализации программы. Проводится поиск, отбор, структурирование и анализ информации. Предусматривает проведение промежуточных консультаций. По ходу выполнения задания возможны некоторые изменения, уточнения намеченной программы, коррекция цели, а, следовательно, и поставленных задач.
- **заключительный этап**. Предполагает представление и оценивание (преподавателем и студентами) конечного продукта.

Для того, чтобы самостоятельная работа была более эффективной, необходимо выполнить следующие условия:

- методически правильная организация работы студента в аудитории и вне ее;
- обеспечение студента необходимыми методическими материалами;
- постоянный контроль за организацией и ходом самостоятельной работы с целью обсуждения и оказания помощи.

В качестве примера для самостоятельной работы предлагается тема «Томская область – перспективы развития».

- Цель работы: познакомить студентов (живущих в г. Томске, а также иногородних студентов из других городов и областей) с особенностями и перспективами этого края. В зависимости от количественного состава студенческой группы определяются районы области, представляющие наибольший интерес (с точки зрения перспектив развития). Для осуществления цели необходимо выполнить следующие задачи.

• Задачи работы:

- подготовить описание географического местонахождения, общей площади и климатических условий района;
- восстановить историю возникновения района (год основания, первые поселения, род занятий);
- собрать информацию об экономическом развитии (как изменялась экономика и почему);
- составить информацию о природных ресурсах местности (водные, лесные ресурсы, полезные ископаемые и т.д.);
- подготовить информацию о роде занятия населения в настоящее время (отрасли промышленности, сельское хозяйство, рыболовство, охота, сбор грибов и ягод и т.д.);
- собрать информацию о составе населения (дети, работающее население, пенсионеры);
- собрать информацию о знаменитых людях района (герои войны и труда, заслуженные работники в различных сферах жизни и т.д.);
- подготовить информацию о местах культуры и отдыха (спортивные сооружения, дома творчества, памятники архитектуры и т.д.);
- сформулировать свои предложения по улучшению жизненного уровня жителей района.

Конечный продукт данной СРС может быть представлен на студенческой конференции в виде докладов с информацией о каждом районе области, сопровождаемых иллюстративным материалом, фотографиями, диаграммами. Собранная информация может быть хорошим источником для подготовки научной публикации и началом научно-исследовательской работы студента.

Выполнение заданий самостоятельной работы углубляет языковую подготовку студента, нацеливает его на учебно-познавательную деятельность, учит творчески мыслить, добывать и анализировать информацию, решать поставленные перед ним задачи, формулировать свое мнение. Все эти умения важны и необходимы для будущей профессиональной деятельности студента.

Литература

1. Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений: Письмо Минобразования России от 27.11.2002 N 14-55-996ин/15// Высшее образование сегодня.- 2003.-N 2.-С.13-14 (вкладыш).
2. Ковалевский И. Организация самостоятельной работы студента // Высшее образование в России. - 2000, С.114-115.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ИСТОРИЯ» С ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

С.М. Кошкарова

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время основной целью образовательной парадигмы является формирование и развитие конкурентоспособной личности, высокопрофессионального специалиста. Главная роль высших учебных заведений заключается именно в подготовке компетентных, квалифицированных, способных к эффективной работе специалистов, которые смогут найти свое место в повседневной жизни и на рынке труда.

На современном этапе развития требуются профессионалы, свободно ориентирующиеся не только в своей узкой специальности, но и в смежных ей сферах, а также знающие иностранные языки. В Томском государственном педагогическом университете на историко-географическом, филологическом, педагогическом факультетах студенты имеют возможность получить дополнительную специальность «Иностранный язык» наряду с основной специальностью. В программу обучения помимо практического курса иностранного языка включены теоретические курсы, такие как «Введение в германскую филологию», «Страноведение», «Литература страны изучаемого языка», «Теория и методика обучения иностранным языкам». Студенты пятого курса проходят производственную педагогическую практику по иностранным языкам в общеобразовательных школах города Томска.

Педагогическая практика является важнейшим звеном в системе профессиональной подготовки учителя, так как метод преподавания можно изучить со слов преподавателя или по книге, но приобрести навык в употреблении этого метода можно только в процессе практики. Эта мысль принадлежит К.Д. Ушинскому и является основополагающей в организации педагогической практики [1, с.1].

Для того чтобы студенты успешно прошли педагогическую практику, необходимо на практических занятиях по иностранному языку повторять фразы школьного обихода, все грамматические темы, предусмотренные программой; на занятиях по дисциплине «Практикум по методике преподавания иностранных языков» составлять поурочные планы, давать пятикурсникам возможность проводить фрагменты урока. Также нужно оказывать помощь студентам в организации и проведении внеаудиторных мероприятий. В целом нужно организовать учебный процесс так, чтобы выпускники могли применить на практике приобретенные за время учебы знания, умения и навыки.

Следует выделить основные цели производственной педагогической практики в общеобразовательной школе: ознакомление студентов с организацией учебно-воспитательного процесса по иностранному языку, работой учителя иностранного языка, методическим фондом

школы, техническими средствами и наглядными пособиями, календарно-тематическими и поурочными планами; возможностями приобщения учащихся к культуре страны изучаемого языка на уроках и во внеурочное время; современными технологиями обучения иностранному языку [1, с.1].

В ходе практики студенты должны развить следующие умения и навыки: составлять тематические и поурочные планы, разрабатывать сценарии внеклассных мероприятий; работать с методической литературой, школьными учебниками и Стандартами; творчески использовать наглядные пособия, дидактические материалы и компьютерные технологии; проводить диагностику сформированности у школьников умений и навыков во всех видах речевой деятельности по иностранному языку.

Студенты, как правило, проходят педагогическую практику по иностранному языку в тех школах, классах, где они проходили педагогическую практику по основной специальности, поэтому они в какой-то степени уже подготовлены к практике по дополнительной специальности.

Практикой руководит преподаватель кафедры лингвистики, который оказывает помощь студентам, проводит установочную и итоговую конференции, консультации, осуществляет мониторинг качества практики, контроль работы студентов.

При подготовке студентов к практике важно, чтобы они знали, какие конкретные задания им предстоит выполнить в ходе практики: составление схемы-конспекта урока иностранного языка, схемы анализа урока учителя иностранного языка, схемы самоанализа учебно-воспитательной работы, развернутого плана одного урока, подготовка дидактического материала к урокам, написание сценария внеклассного мероприятия. Также в период практики студенты должны вести дневник практиканта, в котором они записывают замечания, советы учителя по проведению уроков, указывают на трудные моменты при выполнении каких-либо заданий.

По окончании производственной педагогической практики студенты обязаны предъявить руководителю практики следующие документы: учетную карточку студента-практиканта, методическую папку.

Оценка за практику выставляется с учетом оценки учителя-методиста школы и группового руководителя за проведенные уроки, оценки классного руководителя (учителя иностранного языка) и группового руководителя за проведение внеклассного мероприятия, оценки за ведение документации, участие в установочной и итоговой конференциях по педагогической практике, наличие методической папки студента-практиканта, результата экзамена по теории и методике обучения иностранным языкам».

На итоговой конференции студенты анализируют результаты своей работы, делают выводы по проведению практики, называют трудности, проблемы по ходу практики, вносят свои предложения по организации и проведению практики. Также студенты делают доклады на темы, касающиеся вопросов методики преподавания иностранных языков.

Итоговую конференцию можно провести в форме профессионально-направленного КВН с целью обобщения профессионально-педагогического опыта, полученного во время педагогической практики. Задания касаются деятельности студентов на практике и отношения к профессии учителя иностранного языка в целом [2, с. 87].

Таким образом, хорошо организованная практика поможет выпускникам в их дальнейшей работе в качестве учителя иностранного языка.

Литература

1. Уткина Г. И. Программа производственной педагогической практики по иностранному языку. Томск, 2008. - 12 с.
2. Маняйкина, Н. В. Сценарий заключительной конференции по педагогической практике: поиск новых форм // ИЯШ. 2009. № 3. С. 87-89.

МЕТОДИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Е.В. Кравченко

Куйбышевский филиал

Новосибирского государственного педагогического университета

Повышение качества подготовки специалистов является ядром модернизации отечественной системы высшего профессионального образования. В работах ряда авторов подчеркивается необходимость обращения к компетентностному подходу в процессе профессиональной подготовки педагогов (Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.А. Адольф, В.Н. Веденский, И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской и др.). Существует несколько подходов к определению профессиональной компетентности, основанных на различных критериях. Компетентностный подход, по мнению этих авторов, предполагает формирование целостной системы универсальных знаний и умений, обеспечение способности обучающихся к самостоятельной деятельности и ответственности. Таким образом, речь идет о развитии ключевых компетенций, определяющих современное качество образования, которые рассматриваются с точки зрения обеспечения готовности обучающихся использовать усвоенные знания, учебные умения и навыки, а также способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач, а также для формирования субъектного опыта.

Применительно к профессиональному образованию под компетентностью человека понимается совокупность профессионально значимых знаний, умений, опыта, отраженная в теоретико-прикладной подготовленности специалистов к реализации в деятельности. В динамичных социально-профессиональных условиях все более востребованной становится не образованность (компетенция) как таковая, а способность специалиста реализовывать ее в конкретной практической деятельности (компетентность). Проводя различие между данными понятиями, Н.В. Анненкова подчеркивает, что компетентность выступает в качестве результата научения (обученность), в то время как компетенция является категорией должного. «Компетентность – это компетенция в действии» [1, с.43].

И.С. Клецина выделяет инновационный потенциал применения компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования, который позволяет:

во-первых, более четко сориентировать процесс образования на его конечные результаты, другими словами, результаты обучения должны быть описаны на языке компетенций, представляющими собой совокупность знаний, умений и личностных диспозиций субъекта образовательного процесса;

во-вторых, моделировать результаты образования как нормы качества, ориентируясь при этом на конкретные запросы соответствующих сфер профессиональной деятельности, поскольку для компетентностного подхода характерна фокусировка на нормах, стандартах и критериях выполнения. Компетентностный подход рассматривается как своего рода инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средством углубления их сотрудничества и взаимодействия. В такой системе подготовки специалистов выражена четкая ориентированность на потребности рынка труда. Выпускники российских вузов должны владеть компетенциями, которые позволят им быть успешными в соответствующих профессиональных сферах деятельности;

в-третьих, позволяет сориентировать образовательные стандарты, учебные планы и программы (образовательных программ) на результаты обучения и делает получаемые студентами разных вузов квалификации сравнимыми и прозрачными. Результаты образования, выраженные на языке компетенций, как считают западные эксперты, - это путь к расширению академического и профессионального признания и мобильности, к увеличению сопоставимости и совместимости дипломов и квалификаций [2, с.105].

Таким образом, компетентностный подход ориентирован на разработку дифференцированной системы понятий для описания и оценки того, что именно в процессе обучения подлежит формированию и развитию, т.е. в рамках компетентностного подхода обучение сфокусировано на компетенциях, на методах их диагностики и оценки.

Освоение компетенций происходит как при изучении отдельных учебных дисциплин, циклов, модулей, так и тех дидактических единиц, которые интегрируются в общепрофессиональные и специальные дисциплины. Подчеркивается обобщенный интегральный характер этого понятия по отношению к «знаниям», «умениям», «навыкам» (но не противоположный им, а включающий в себя все их конструктивное содержание). Компетенции разделяются на две группы: те, которые относятся к общим (универсальным, ключевым, надпрофессиональным), и те, которые можно назвать предметно-специализированными (профессиональными). В условиях ускоряющихся перемен и нарастания неопределенностей, характерных для современных рынков труда, общие компетенции особо важны [2, с.106].

В контексте интеграции в общеевропейское и мировое образовательное пространство возрастает роль иноязычного образования, которое в последнее время рассматривается как один из базовых элементов структуры образования.

В связи с этим перед иноязычным образованием ставятся задачи повышения эффективности овладения иностранным языком с целью использования его в будущей профессиональной деятельности выпускников языковых факультетов вузов.

В русле компетентного подхода это предполагает развитие компетенций, которые включают умения осуществлять коммуникацию в формате межкультурного и профессионального общения: компенсаторные умения, информационные умения поиска, систематизации и дальнейшей обработки полученной иноязычной информации из Интернета, а также умения самостоятельной работы по иностранному языку с целью «самодоучивания» и самосовершенствования. В этом смысле понятие «компетенция» выступает как совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению определенной деятельности на основе полученных знаний, умений и навыков [3].

Разграничение понятий «компетенция» и «компетентность» в рассматриваемом контексте означает, что, говоря о компетентном подходе, мы имеем в виду формирование именно профессиональной компетентности посредством формирования отдельных видов компетенций. В состав профессионально-педагогической компетентности учителя иностранного языка входят базовые компетенции: коммуникативная; общепедагогическая (психолого-педагогическая и методическая); общекультурная и филологическая.

Остановимся более подробно на методической компетенции учителя иностранного языка, которая является частью общепедагогической и не выделяется в качестве самостоятельного компонента. Однако процесс формирования методической компетенции наряду с психолого-педагогической составляет суть профессионально-педагогической подготовки будущих учителей иностранных языков. Методическая компетенция позволяет учителю эффективно обучать учащихся иностранному языку и определяется И.Л. Колесниковой и М.В. Тамашевич как «способность обучать иностранному языку с учетом целей (практической, образовательной, воспитательной, развивающей) и условий, а также возраста, уровня обученности и индивидуальных особенностей учащихся» [4, с.78]. При этом авторы берут за основу определение Р.С. Немова, где «способности представляют собой высокий уровень развития общих и специальных знаний, умений и навыков, обеспечивающих успешное выполнение человеком различных видов деятельности» [5, с.374].

Любая способность должна существовать в постоянном практическом процессе развития, иначе она утрачивается со временем. Человек поддерживает и развивает дальше соответствующие способности только благодаря постоянным упражнениям, связанным с систематическими занятиями определенным видом деятельности.

В процессе формирования у студентов методической компетенции важная роль принадлежит педагогической практике. Ее цель – формирование у будущих учителей профессионального мышления, практических навыков работы в профессиональных учреждениях. Педагогическая практика для студентов является определенной познавательной задачей, в результате которой студенты теоретически соотносят средства, предмет и

предполагаемый результат своего действия, опираясь на имеющиеся знания и практический опыт. Познавательная задача сначала решается психологически, а затем переходит в задачу, которая решается практически. Подчеркнём, что основной формой педагогической практики становится исследовательская, творческая и проектная деятельность студентов, а овладение знаниями и способами деятельности, сбор и анализ информации привязываются к задачам конкретных проектов, сложность и количество которых возрастает по мере продвижения учёбы.

Успешность формирования профессиональной компетентности педагога зависит от:

- уровня профессионально значимых потребностей и мотивов выбора профессии;
- осознания ответственности за результаты своей профессиональной деятельности;
- способности решать профессиональные задачи, когнитивные, развивающие и коммуникативные;
- позитивной установки на взаимодействие в субъект-субъектной парадигме;
- уровня осознания специфики, сущности и профессиональной роли педагога;
- сформированности профессионально значимых качеств педагога;
- профессионально-личностной рефлексии.

Содержание этих показателей тесно взаимосвязано и взаимообусловлено социально-личностными, общенаучными, организационно-управленческими и общепрофессиональными компетенциями, которые в свою очередь и являются критериями профессионально-педагогической компетентности.

Литература

1. Анненкова Н.В. Формирование нормативно-правовой компетентности педагогов в контексте реализации профильного обучения. // Профильная школа. 2008. С.41-46.
2. Клецина И.С. «Компетентностный подход» и гендерное образование в высшей школе. // Актуальные вопросы современного университетского образования. СПб. 2007. С.105-109.
3. Баграмова Н.В. Компетентностный подход в образовании с проекцией на обучение иностранному языку // Синтез традиций и новаторства в Методике изучения иностранных языков. Владимир. 2004. С.14-19.
4. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам. СПб, 2007. - 288с.
5. Немов Р.С. Общие основы психологии. Москва, 1998. – 688с.

ИНТЕГРАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В.В. Лиханова

Читинский государственный университет

Любое обучение, как известно, есть передача молодому поколению культуры, накопленной человечеством. Это значит, что никакое обучение невозможно без накопления знаний об окружающей действительности – природе, обществе, человеке, его истории и культуре.

Культура государства – это сочетание культур его регионов в целом. Региональная культура, развиваясь, питается из двух источников, один из которых – внутреннее саморазвитие, связанное со спецификой природы и социума, а второй – взаимодействие с другими культурами.

В законе «Об образовании» (статья 7) закреплены два компонента стандарта – федеральный и региональный. Федеральный компонент стандарта обеспечивает единство образовательного пространства на территории Российской Федерации и гарантирует овладение выпускниками общеобразовательных учреждений базовыми знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими возможности продолжения образования. Региональный компонент

предусматривает возможность введения содержания, связанного с традициями, культурой региона. Он отвечает потребностям и интересам региона и позволяет организовать поддержку образовательных областей, развитие направлений, ведение курсов, приоритетных для региона.

Региональный компонент по английскому языку основывается на идеях модернизации содержания общего образования, идеях политики в сфере образования до 2010 года, отвечает интересам и потребностям республики и обеспечивает возможность введения содержания в области «иностранный язык», приоритетного для нашего региона.

Равноправный диалог речевых партнеров предполагает не только достаточный уровень владения иностранным языком, но и наличие у них экстралингвистических знаний о стране изучаемого языка и о своей собственной. Однако в практике использования краеведческих материалов в процессе обучения иностранным языкам преподаватели и учителя испытывают серьезные затруднения, связанные с неразработанностью данной проблемы, с отсутствием практических методических материалов и системообразующего начала.

Анализ современных учебных пособий по иностранным языкам показывает, что в них содержится обилие материалов страноведческого характера, в частности сведений из истории, культуры, географии стран изучаемых языков.

Страноведение нашей страны, тем более ее отдельных регионов, в учебных пособиях представлено недостаточно. Очевидно, что в учебные пособия по иностранным языкам невозможно включить краеведческие материалы 89 субъектов Федерации, не говоря уже о сотнях городов и тысячах сел и деревень. Однако дело как раз в том, чтобы научить студента говорить на иностранном языке необходим материал о явлениях и предметах, которые его окружают, что ему близко и дорого с детства, чем он горд и готов поделиться со своим потенциальным партнером по межкультурной коммуникации.

Без изучения своей культуры и языка невозможно изучение иностранного языка. Тем не менее практика показывает, что знания о своей стране или о регионе проживания используются в обучении иностранного языка фрагментарно или несистематически, о чем свидетельствует низкий уровень краеведческих знаний студентов.

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что использование краеведческих материалов в процессе обучения иностранным языкам усиливает эффективность всех аспектов воспитания – нравственного, гражданского, эстетического.

Этот вывод подтверждается результатами проведенного нами в 2008-2009 учебном году анкетирования среди студентов и преподавателей иностранных языков вузов города Улан-Удэ.

Анализ результатов опроса более 300 студентов неязыковой специальности, изучающих разные иностранные языки, свидетельствует о том, что не все вопросы использования краеведческих материалов в обучении иностранным языкам в полной мере решены.

Результаты анкетирования студентов показали преобладание тем страноведческого плана на занятиях по иностранному языку: студенты изучают довольно широкий спектр тем по страноведению – Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Германия, Франция, Австрия, праздники и традиции этих стран и многое другое; в то время как темы о родном крае включают лишь – Улан-Удэ, Бурятия, Буддизм, причем изучаются они лишь фрагментарно.

Опрос среди студентов показал, что они хотели бы получать знания на иностранном языке о своем регионе, чтобы можно было применить их в общении с зарубежными гостями и друзьями. Среди тем о родном крае, которые им хотелось бы изучать, студенты выделили следующие:

1. Культура Бурятии – 31%;
2. История родного края, отдельных районов – 20%;
3. Политика, экономика, межнациональные отношения в Бурятии – 17%;
4. Природа родного края (растительный и животный мир) – 15%;
5. Спорт в Бурятии – 10%;
6. Экологические проблемы региона – 7%.

В меньшей степени у студентов вызывают интерес темы о стране изучаемого языка (10% опрошенных). Интересно, что 5% опрошенных высказались в пользу тем о других странах. В частности современных студентов, изучающих языки романской группы, интересуют традиции и культура восточных стран (Китай, Япония, Корея). Кроме того, 12% опрошенных студентов хотели бы изучать на занятиях по иностранному языку темы, связанные с их будущей профессией.

Думается, необходимо серьезно озаботиться проблемой содержания преподавания иностранного языка в вузах региона с национальным составом студентов, так как студенты, судя по их анонимным ответам на вопросы анкеты, испытывают наибольшие трудности в том, что сказать (72%), т.е. сетуют на недостаток тем для общения. При этом большинство студентов (83%) не способно рассказать о своем родном крае на иностранном языке, так как им не хватает словарного запаса.

Анализ ответов анкет преподавателей иностранного языка (английского, немецкого и французского) вузов г. Улан-Удэ также свидетельствует о назревшей необходимости использования краеведческих материалов для совершенствования содержательной части учебного процесса в целях достижения высокого уровня владения обучаемыми иностранным языком. Несмотря на то, что ряд тем о родном крае включен в состав программ, календарных планов, учебников и учебно-методических пособий по иностранным языкам, ощущается необходимость включения дополнительных тем по краеведению в курс изучения иностранного языка. Среди тем, которые необходимо включить в программу изучения иностранного языка с учетом национальных особенностей региона, преподаватели вузов выделили следующие:

1. История родного края – 31%;
2. Достопримечательности Бурятии – 25%;
3. Туризм в Бурятии – 18%;
4. Экология – 15%;
5. Районы Бурятии – 7%;
6. Спортивная жизнь в республике – 4%.

Анализ результатов опроса преподавателей также показал, что 75% опрошенных испытывают недостаток учебно-методических материалов по краеведению. Чаще всего (60% опрошенных преподавателей) берут дополнительный материал из Интернета, остальные составляют его самостоятельно. При этом преподаватели испытывают определенные трудности при переводе специфических названий на иностранный язык.

Однако, несмотря на все вышеуказанные трудности, связанные с использованием краеведческих материалов в обучении иностранным языкам, 48% преподавателей уверены, что студенты способны свободно рассказать о своем родном крае на иностранном языке.

Таким образом, по результатам проведенного нами анкетирования можно сделать следующие выводы: студенты испытывают определенные трудности при использовании краеведческой информации на иностранном языке; отсутствуют скоординированные программы по интеграции знаний из разных учебных предметов, отражающих историю, культуру, современную жизнь республики Бурятия; преподаватели испытывают недостаток учебно-методических материалов по краеведению.

Все это меняет отношение к региональным знаниям и свидетельствует о назревшей необходимости использования краеведческих материалов в процессе обучения иностранным языкам, что побуждает преподавателей и методистов иностранного языка к поискам возможных путей их интеграции в учебный процесс.

Отбор содержания краеведческого материала для обучения иностранным языкам – сложная и еще не решенная проблема. Любой отбор — это, прежде всего, ограничение объема. Какие же принципы могут быть положены в основу отбора?

По нашему убеждению, исходным положением при отборе содержания краеведческого компонента, наряду с общедидактическими принципами, являются и методические критерии. Это объясняется тем, что в каждом случае задача состоит в выделении из всего многообразия

того, что имеет педагогическую ценность, что способно содействовать не только обучению общению на иностранном языке, но и приобщению к культуре, как страны изучаемого языка, так и своей собственной. При отборе содержания краеведческого компонента мы руководствовались следующими принципами.

Любые материалы, включаемые в краеведческий компонент содержания обучения иностранным языкам, должны, по нашему представлению, отражать страноведческую специфику, обладать социокультурной ценностью. Поэтому следует учесть, прежде всего, **принцип социокультурной ценности**, требующий включения фактов национальной культуры, знание которых способствует повышению уровня межкультурной и страноведческой образованности студентов, содействующий формированию основ национально-культурной компетенции как целостной системы представлений об основных национальных традициях, обычаях и реалиях страны изучаемого языка.

Одна из главных трудностей отбора реалий заключается в определении границ: что относить к краеведческим фоновым знаниям, а что оставлять за их пределами. Ведь не все знания о стране, регионе можно отнести к фоновым знаниям. К ним относятся те факты национальной культуры, которые, безусловно, актуальны в массовом обыденном сознании среднего носителя языка, являются для него привычными, не осознаются им, но, как правило, неизвестны иностранцу. Поэтому, одним из основных условий отбора знаний о родном крае должна быть их современность и общеизвестность среди жителей региона, что определяется нами как **принцип страноведческой ценности**.

Наибольшее значение для отбора краеведческого содержания имеет **принцип учета региональной специфики**. Региональная специфика складывается из совокупности естественных или исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и других особенностей, которые отличают данную часть страны от другой.

Принцип ориентации на современную действительность (принцип актуальности) предполагает отбор краеведческого материала, отражающего наиболее актуальные факты современной действительности и создающего более точное представление об отдельном регионе. С учетом данного принципа по каждой теме отбираются наиболее типичные реалии; безэквивалентная и фоновая лексика, предполагающая знакомство с какой-либо конкретной стороной жизни региона: названия денежных единиц, названия некоторых праздников, символика республики.

Следующий принцип отбора краеведческого материала – **принцип аттрактивности (привлекательности)** учебного материала, учет которого особо важен при формировании познавательных интересов у студентов. Его использование предусматривает демонстрацию интересных, характерных только для данного народа сторон жизни. И, конечно же, привлекательность оказывает положительное влияние на формирование устойчивого интереса и любви к родному краю.

Среди внешних факторов, влияющих на отбор материала, отражающего культуру региона, таких, как цель, этап, условия и продолжительность обучения, заслуживает внимания, на наш взгляд, **адресат отбора**: обучаемые, для которых данный материал предназначен. Немаловажен учет исходного уровня их, прежде всего, общеобразовательной, а также языковой подготовки.

Учет адресата отбора помогает выделить и другие принципы, также играющие существенную роль в отборе краеведческого материала в содержание обучения иностранным языкам: **принцип минимизации и принцип функциональности**.

Принцип минимизации необходим для проведения процедуры ограничения как тематического, так и предметного содержания обучения. Тематический минимум должен отражать основные области изучения краеведения, а в предметное содержание следует включать только те предметы речи, которые позволяют сформировать наиболее полное и разностороннее представление о регионе.

Принцип функциональности требует активного использования студентами лексических единиц с национально-культурной семантикой, норм речевого этикета и невербального поведения.

Исходя из вышеизложенных принципов и основываясь на результатах анкетирования студентов и преподавателей, нами выделены следующие темы краеведческого характера, которые могут быть интегрированы в процесс обучения иностранным языкам в вузе.

Ориентировочный список тем и предметов речи:

1. **Земля, где мы живем.** Общая характеристика региона. Административно-территориальное деление. Политическое устройство. Государственная символика.
2. **История региона.** Основные этапы. Личности. Памятники.
3. **Природа региона.** Рельеф и полезные ископаемые. Реки и озера. Озеро Байкал. Растительный и животный мир.
4. **Экология озера Байкал.** Экологическая обстановка в регионе. Национальные парки и заповедники. Экологические организации и движения.
5. **Население.** Коренные жители. Демографическая ситуация в регионе. Населенные пункты. Знаменитые люди региона.
6. **Столица – город Улан-Удэ.** Географическое положение и история города. Достопримечательности: музеи, театры, памятники. Промышленность. Наука.
7. **Религия.** Буддизм. Дацаны.
8. **Национальные праздники.** Сагаалган. Национальная одежда и еда.
9. **Спорт.** Национальные виды спорта. Сурхарбан.

На наш взгляд, данный список тем и предметов речи в полной мере характеризует регион, отражает основные уникальные особенности республики Бурятия.

В обучении иностранным языкам используется в основном материал географического характера (природа, достопримечательности, внешний вид города и т.д.), который представлен в нашем ориентировочном списке такими темами, как «Земля, где мы живем», «Природа региона», «Столица – город Улан-Удэ». Кроме того, мы включили в тему «Земля, где мы живем» такие предметы речи, как политическое устройство и государственная символика. Необходимость включения данных тем вызвана отсутствием элементарных знаний у студентов: результаты опроса показали, что большинство студентов не имеют представления о политическом устройстве своего региона и не знают, что означает герб и цвета флага республики.

Материалы, связанные с историческими, экономическими, социальными фактами находят применение в обучении иностранным языкам гораздо реже, однако значимость краеведческих материалов такой направленности гораздо выше. Поэтому мы выделили в своем списке такие темы, как «История региона», которая отражает основные исторические этапы региона, и «Население», где студентам предлагается познакомиться с различными коренными племенами региона, узнать о демографической ситуации в республике и т.п.

Предмет «иностраный язык» может внести важный вклад в экологическое воспитание студентов, так как имеются хорошие возможности организовать обсуждение этой темы на занятиях. В связи с этим, мы посчитали необходимым включить в список такую тему, как «Экология озера Байкал». Обращение к данной теме способствует привлечению внимания студентов к экологическим проблемам региона.

Включение таких тем, как «Религия», «Национальные праздники» и «Спорт», на наш взгляд, является просто необходимым, так как они отражают уникальность региона, его неповторимый характер и в то же время обладают общечеловеческой ценностью, приобщение к которой оказывает положительное влияние на повышение общекультурного уровня студентов.

Выделенные и рассмотренные принципы отбора содержания краеведческого компонента обосновывают одну из возможных моделей интеграции краеведческого материала в процесс обучения иностранным языкам. Каждый из вариантов интеграции может иметь свою собственную модель или модификацию предложенной. Главное, чтобы каждая предложенная модель содействовала закреплению положительной мотивации изучения иностранного языка путем интегрирования в учебный процесс личностно значимых региональных знаний и способствовала совершенствованию знаний иностранного языка в целом.

БРИТАНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ: ЧЕМУ УЧИТЬ?

С.Н. Татарченко

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время среди преподавателей и студентов нашего региона, имеющих отношение к обучению (изучению) английского языка, ещё не стихли споры относительно того, какой вариант английского языка следует считать наиболее предпочтительным: литературный английский язык современной Англии или американский вариант носителей языка в США?

С литературным британским мы достаточно знакомы, так как на протяжении многих лет он являлся чуть ли ни единственным образцом английского языка в нашей стране. Об американском варианте, пожалуй, все знания ограничивались монографией проф. Швейцера [1] и учебником Шах-Назаровой [2]. «Железный занавес» не мог препятствовать признанию варианта американского языка как языка одной из самых влиятельных мировых держав. Всё остальное считалось просто ненужным.

На самом деле всё обстоит гораздо сложнее, и вариантов английского языка в мире гораздо больше, чем только два, и в ряде стран существует двуязычие, благодаря которому английский (в том виде, в котором он принят в том или ином государстве и часто является вторым, если не первым официальным языком) способствует тому, что этот язык используется наравне с национальным, если не сказать больше. Такое положение существует в ряде стран Азии и Африки, а в Канаде и Австралии существуют свои национальные варианты английского языка, конечно же имеющие свои особенности и в области произношения, и в лексиконе их носителей, и в использовании грамматических средств.

Мы вернёмся к этому множеству вариантов английского после того, как рассмотрим обстоятельства, связанные с двумя наиболее влиятельными из них - британском и американском.

Что касается британского варианта, то Queen's English, образцовый литературный язык, без знания которого в Великобритании трудно добиться желаемых успехов (вспомним отражение этого факта в пьесе Б.Шоу «Пигмалион», а также судьбу Маргарет Тэтчер, которая была вынуждена изучить этот вариант, чтобы занять место в Парламенте, не говоря уже о кресле премьер-министра страны).

При этом англичане считают, что на Queen's English сам народ не говорит. Известно, что внутри самого государства люди говорят на множестве диалектов, зависящих от места их рождения, социальной принадлежности и ряда других факторов. Поэтому приходится разъяснять студентам, пообщавшимся с носителями языка и желающим подражать им, что этого делать не следует, так как в этом случае их речь будет состоять из смеси элементов различных диалектов, наречий и говоров, что будет звучать очень смешно для самих носителей языка. Выбирая британский вариант, лучше обратиться к его норме, ничего не подделаешь, мы не родились в Великобритании, и родители, также как и наше общество, не подарили нам от рождения тот или иной вариант английского, использующийся внутри страны.

Наши студенты, хотя мы и знакомим их с некоторыми особенностями американского варианта английского языка, попав в США, сталкиваются с массой трудностей, и это не сложно объяснить, ведь в США существует несколько диалектов, носители языка по сути дела многонациональны, а сам американский вариант отличается от британского по всем параметрам — произношению, лексике и грамматике. Конечно, можно было бы ввести американский вариант для изучения в вузе из-за его высокой распространённости во всём мире, но в этом случае потребуются вложения в подготовку преподавателей, владеющих данным вариантом и методами его преподавания, а также необходим комплекс учебных материалов, направленных на достижение желаемого результата. В государственных учебных заведениях это вряд ли возможно осуществить из-за недостаточности ассигнований на развитие высшей школы. Студентам можно было бы посоветовать обратиться к тому множеству пособий, которые сейчас имеются в продаже и дают возможность самостоятельно изучить американский вариант в достаточной степени, чтобы можно было иметь возможность общаться с носителями

языка из США, не испытывая особых трудностей. Я думаю, студенты, подготовленные в русле британского варианта, вполне могут справиться со своей проблемой с помощью таких пособий. У них есть достаточный выбор и подготовка.

Что касается престижности британского или американского вариантов, то тут могут возникнуть споры. Всё хорошо на своём месте. Американский вариант хорош в США, но может быть нежелательным в тех странах, где американцы не являются дорогими гостями. В этом случае британский вариант предпочтительнее, так как он является социально нейтральным.

Мы с вами говорили о двух общепризнанных вариантах английского языка не вдаваясь в их особенности, а лишь признавая их существование и наличие различий между ними. В то же время, преподаватели английского языка других стран пытаются разобраться в значении такого термина, как Standard English [3, с. 2-3], которым обозначается ведущий вариант при его преподавании за границей, исключая страны, где тот или иной вариант английского является родным и единственным.

Другой интересной проблемой является обращение к малоизвестным для наших студентов вариантам английского, на котором говорят в тех странах, где он достаточно распространён и часто является вторым официальным языком для той или иной страны и её населения. Конечно, в смысле базовой подготовки предпочтителен один из наиболее влиятельных вариантов, в то время как английский ряда стран Африки или Азии, а также английский Канады, Австралии или Новой Зеландии также может и должен быть предложен нашим студентам для анализа языковых особенностей указанных вариантов [3, с. 3-7].

Авторы статьи представляют себе общность вариантов английского языка как некий круг, ядром которого являются страны, где английский является родным и единственным (хотя и не всегда, вспомним языковое положение в Уэльсе, где родной язык употребляется, имеется литература на нём и ведутся радиопередачи; валлийский язык является кельтским по своей принадлежности и не является вариантом английского). Шотландцы также ещё не совсем забыли родной язык, хотя по статистике его носителями признаёт себя значительное меньшинство населения, а английский в Шотландии имеет свои особенности, также как и у выходцев из Ирландии, чей язык далёк от вымирания. Как видите, даже в Великобритании ситуация с английским языком неоднозначна. То же можно было бы сказать о США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Однако перечисленные страны, по мнению авторов статьи, входят в ядро вариантов английского языка. За ними следуют варианты английского тех стран, которые ранее были английскими колониями (Индия, Сингапур, Нигерия и некоторые другие), где английский довольно распространён и, как уже упоминалось, часто является вторым официальным языком наряду с родным. Следующий круг - это такие страны, как Китай, Греция, Саудовская Аравия и Израиль, где английский язык используется главным образом в сфере бизнеса и для международного общения, а число англоговорящих постоянно увеличивается.

Согласно такому представлению о мировой «экспансии» английского языка, перед преподавателями иной раз также стоит выбор: какому варианту языка обучать? Я думаю, это зависит от ситуации в конкретной стране. Тем не менее, выводы, к которым приходят авторы рассматриваемой статьи, должны быть интересны и для наших преподавателей. Предлагается изучение особенностей множества вариантов на занятиях по английскому языку с помощью телепередач, информации из Интернета, различных текстов и записей, с помощью которых преподаватель готовит своих студентов к межкультурной коммуникации и способствует развитию их лингвистической подготовки, умению анализировать особенности произношения, лексики и грамматики того или иного варианта. Приводятся примеры методических приёмов, позволяющих заинтересовать студентов и позволить им разрешить поставленные перед ними задачи [3, с.6-7]. Предлагаемые приёмы включают в себя анализ не только английских вариантов, но и работу на сравнение тех или иных языковых единиц родного языка учащихся, который, по справедливому мнению авторов, не следует игнорировать в процессе изучения иностранного. Так, перед студентами можно поставить задачу выявить международные идиоматические выражения (требуется двуязычный словарь, бумага и маркеры). Студенты

должны привести примеры часто употребляемых идиом родного языка и вспомнить или найти их эквиваленты в английском. Эта задача может быть поставлена перед группой в целом, перед более мелкими группами учащихся при разбиении всей группы на них. Затем обсуждаются значения эквивалентных идиом в двух языках, определяется возможность понимания идиомы при дословном переводе на другой язык без дополнительного объяснения или с его помощью и т.д. Думается, что наши преподаватели найдут множество способов сравнения языков и вариантов с помощью работы на компьютере с выходом в Интернет. Периодические задания на анализ подобных вещей должны привести к выработке умений понимания разных вариантов языка на слух, при чтении литературы и просмотре фильмов, а также умению определять, какой вариант языка используется. Такие задания должны вызвать интерес со стороны студентов и развить их лингвистический кругозор, а также привить им навык анализа лингвистических фактов.

Что касается проблемы, поставленной в заголовке нашей статьи, то сам учащийся, начав с британского варианта, может затем овладеть американским и получить необходимые сведения относительно других распространённых в мире вариантов английского языка, что поможет ему в межкультурном общении и повысит его лингвистическую квалификацию.

Литература

1. Швейцер А.Д. Литературный язык в США и Англии. Москва. - 200 с.
2. Шах-Назарова В.С. Практический курс английского языка: Американский вариант: Учебное пособие. - Москва. - 464 с.
3. Thomas S.C. Farrell @ Sonia Martin. To Teach Standard English or World Englishes? A Balanced Approach to Instruction// English Teaching Forum. 2009. № 2.